ЖУРНАЛ РОДИНЫ В.М. ШУКШИНА

Á È É Ñ Ê È É
ВЕСТНИК

Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал

4 (64) 2019

ИЗДАЁТСЯ С 2003 ГОДА
при содействии Союза писателей России

Главный редактор:

БУЛАНИЧЕВ В.В.

Толоконников В.М.
Зам. главного редактора

Лямкин В.М.
Редактор

Буланичев Д.В.
Ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Иванов Г. В. (Москва)
Козубенко С. П. (Москва)
Курбатов В. Я. (Псков)
Минаков С. А. (Белгород)
Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергий
Нифонтова Ю. А.(Барнаул)
Тарковский М. А. (Красноярск)
Теплова И. Г. (Бийск)

ISSN 1992-4127

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Николай ОЛЬКОВ. *Клад, или Сашко, Пашко и Фрося из Парижа* 4
Владимир КАРПОВ. *Счастье, ищущее души*.....62
Юлия НИФОНТОВА. *Подарок колдуна* 76
Ефим ГАММЕР. *Кот с человеческой мордой*.....91

ПОЭЗИЯ

Владимир СКИФ 95
Сергей АРУТЮНОВ.....102
Ольга ОЖГИБЕСОВА.....111
Павел ЯВЕЦКИЙ 117

СОБЫТИЯ

Виктор БУЛАНИЧЕВ. *Сеятель доброго*.....125
Ольга ОЖГИБЕСОВА. *Новая жизнь старой сказки* 130
Шукшинские дни на Алтае. *Инф.* 131

НАСЛЕДИЕ

Геннадий ИВАНОВ. «*Со мною божьи птицы говорят»*.134
Андрей НОСКОВ. *Юрий Рытхэу*.....138

ДИАЛОГ

«Стоять по горло в России...». *Беседа Михаила Тарковского с Сергеем Арутюновым* 145

ЗОЛОТЫЕ ИМЕНА РОССИИ

Станислав МИНАКОВ. *Вячеслав Овчинников*.....151

МАСТЕРСКАЯ

Ольга КУЛИКОВА. *О прозе Сергея Кузичкина*.....162
Сергей КУЗИЧКИН. *Рассказы* 165

ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

Маргарита СОСНИЦКАЯ. *Мат и Матушка*.....177

310-ЛЕТИЮ БИЙСКА

Александр СТАРЦЕВ. *Предприниматели Бийска*.....187

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Письмо **Сергея ВЯЗИКИНА** *из Вены* 195

ИНФОРМАЦИЯ

Яков ШАФРАН. «*Приокские зори*» *№1, 2019. Обзор*.....198

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Этот год ознаменовался юбилеями выдающихся российских писателей: Ю. Бондарева, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Бианки, А. Ахматовой, Н. Тряпкина, А. Фатьянова и других известнейших прозаиков и поэтов, составляющих гордость отечественной литературы.

На страницах журнала «Бийский Вестник» мы постарались осветить замечательные имена и даты. Наши постоянные авторы без лишних напоминаний прислали очень хорошие статьи, посвященные этим юбилеям. Всем им огромная благодарность от нашей редакции и читателей. Конечно же, 2019 – год 220-летия А.С. Пушкина. И его мы не оставили без внимания.

Напомню, что этот год 310-й в истории нашего родного Бийска. Исторические материалы, статьи, посвященные городу, рожденному по Указу Петра Великого, тоже нашли место в «Бийском Вестнике». Кроме этого мы напечатали в журнале замечательные стихи и прозу, публицистику, очерки о выдающихся людях Отечества, новых открытиях и находках, литературоведческие и искусствоведческие статьи и многое, многое другое. Окрепла наша связь с читателями. Мы получаем много писем с предложениями расширить круг общения с авторами журнала, сделать их более частыми и насыщенными. Редакция прорабатывает ваши предложения, дорогие читатели, и изучает свои возможности. Спасибо за искренность и доброжелательность, с которой вы к нам обращаетесь. Мы будем стараться работать во славу российской литературы и для вас, наши дорогие Читатели.

Коллектив редакции, учредители и редакционная коллегия сердечно поздравляют члена редакционной коллегии журнала «Бийский Вестник» русского писателя Михаила Тарковского с получением Патриаршей литературной премии.

В этом номере журнала мы расскажем о новых благотворительных программах и акциях известного российского промышленника, мецената и благотворителя, попечителя и члена редакционной коллегии «Бийского Вестника» Сергея Козубенко. Мы рады, что работаем с ним в его просветительских проектах, благодарны за его активную поддержку нашего журнала и гордимся его благотворительными поступками.

Приятного и полезного вам чтения.

Виктор Буланичев,
главный редактор, член Высшего творческого
совета Союза писателей России.

Николай ОЛЬКОВ

КЛАД, ИЛИ САШКО, ПАШКО И ФРОСЯ ИЗ ПАРИЖА

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Двустворчатые двери еще купеческого магазина, отделанные медным орнаментом, давно не крашенные, но сохранившие былую красоту, с грохотом распахнулись и выплюнули на широкое крыльцо сразу упавшего на четвереньки мелковатого мужичка, залитого чем-то густым и белым.

Был это Викентий Амбросимович Таратутов, бывший учитель математики, изгнанный из школы за неистребимый запах перебродивших в желудке спиртосодержащих жидкостей, но сам он этого не признавал и ссылался на глубокие политические расхождения его методики преподавания математики с официальной, так сказать, демократической, за что отпущен на вольные хлеба. Какую-то пенсию ему платили, и бывший учитель сменил математические интересы на поиск и постоянное употребление ругательных и даже матерных слов и их сочетаний из могучего русского языка, а в противовес этому стал изучать манеры благородного общества девятнадцатого века и часто пользовался наряду с матерками изящными оборотами речи.

Еще никто не вышел в открытые двери, а он макнул пальцем белую нежность, лизнул и заорал:

– В креста, в веру, в кобылу серу...! Это же она на меня простокишей нагадила! Это же позор всему наркомпросу во главе с товарищем Луначарским!

Вышедшая из магазина с двумя огромными пакетами сахара и дрожжей бухгалтер ООО «Ананас» Ефросинья Харитоновна поправила:

– Не простокишей и даже не простоквашей, к вашему сведению, Викентий Амбросимович, а кефиром. Выкиньте вы из головы эту совковую простокишу!

Он уже стряхнул большую часть кефира на крыльцо и посоветовал:

– Уйдите, Ефросинья Харитоновна, и не будьте очевидицей жестокой мести оскорбленного самолюбия!

В дверях уже полно улыбающегося народа. Таратутов гордо встал в позу:

– Мякеша, да лучше бы вы мне с обеих сторон влепили пощечины, это приемлемо и даже благородно, но по лицу цветным литровым пакетом иностранного производства, который после первого же удара лопнул, и вы меня умуздряхали в этой гадости! Учтите, я пойду в судебные инстанции.

Вперед вышла пышная полногрудая деревенская красавица в баляристом крепдешиновом платье, изрядно измазанном все тем же кефиром. Это бывшая полюбовница председателя сельского Совета, который за малые услуги освобождал вдовствующую Мякешу Фролову от самообложения и налога на поросенка. Председателя при новой власти сместили, но за Мякешей так и остался статус первой леди, в свои сорок она охотно принимала не только заезжих, но и приезжавших на каникулы студентов колледжей и училищ.

– Вика, если я еще раз услышу от кого-то, что вроде как у меня на

Николай Максимович Ольков *– родился в 1946 году в селе Афонькино Тюменской области. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Лауреат литературных премий: Уральского федерального округа, им. Константина Лагунова «Очеркист года», им. Ивана Ермакова. Отмечен медалью Союза писателей «За служение слову», почётными грамотами губернатора и Думы Тюменской области.*

Автор 16 книг художественной прозы. Издал более тридцати книг очерков и публицистики. Живёт в деревне Каратаевка Тюменской области.

грудях ночевал, при всем народе даю честное пионерское, что свисток твой на пятаки порублю.

Народ ахнул:

– Мякеша, да его сверчок разве что на гривенники, и то современной чеканки!

– Ну, ты зачихнула: на пятаки!

– На пятаки, бабы, если что, только у... – и поперхнулась.

– Погодите, – заорал Таратутов. – Что вы гоните, как зайцы в случной период! Вы разберитесь в человеческой судьбе, а судьба моя такова, что быт и жизнь свою вести в стороне от посторонних. Но, чтобы не навлечь на себя нехорошие суждения, решил я, так сказать, обналичиться и выбрал объектом возлюбленную Мякешу. Ей доверил самого себя, а она отрицает. И пусть это будет на ее совести, а что касаемо моего мужского достоинства и самолюбия, то у меня подобных Мякешь было – до Москвы..., да, до самого Кремля можно от нашей деревни строить в две шеренги, а местами и в три.

Он вовремя пригнулся, потому что булка черного тяжелого хлеба, который Мякеша прикупала своему поросенку, пролетела над его головой и ударилась в грудь ступившего на крыльцо тракториста Мити Зырянова.

– О, блин, я все думал, что булки на деревьях растут, а они, оказывается, размножаются в полете!

– Верни булку, алкаш! – рявкнула Мякеша.

Митя заупрямился:

– Народ! Я вторую неделю как стеклышко, а она меня в позор. Ответишь! Это тебе даром не пройдет!

– Да ладно, Митя, я ведь случайно булкой-то.

– А «алкаша» куда спишем? Нет, назначай цену, а то я к участковому пойду, ущерб с тебя полагается, да еще за самогонку схлопочешь, сам подпишусь, что покупал.

Мякеша обмякла:

– Сдаюсь, называй откупную.

– Усёк! Вечером после «Мастера с Маргариткой» три раза стукну в кутнее окошко.

– Сильно не колоти, окошки старые, рамешка рассыплется.

Митя засиял:

– Что ты, Мякеша, я ласковый.

Бухгалтер Ефросинья Харитоновна смачно сплюнула и вознесла руки к небу, поставив пакеты к дощатой стенке веранды:

– Вот чему удивляюсь: посреди народа начинают подхвостку нюхать, и бог терпит, не вытянет дрючком по извращенным членам. Я уж про стыд не говорю. А еще ждем, что Россия в передовые выйдет! Да разве такое возможно, если полнарода, как Митя с Мякешей, прилюдно случаются?

Никто не заметил, как на крыльце появился дед Архип, здоровый детина с рыжей окладистой бородой и богатыми усами, прозванный Знаменосцем.

– Издалека слыхать, что в лавке шур да бар, как на параде, однако, невиданный товар завезли, – довольно гладко выговорил Знаменосец.

– Товару-то полно, да в кармане – вошь на аркане, – вздохнула бухгалтер. – А шум потому, что некоторые граждане насмотрелись в телевизорах, как там молодые парни и девки во весь рост, вот и наглеют прилюдно.

– Не обманывайте, Ефросинья Харитоновна, они поначалу любовь в телевизоре строили, так и говорили: «Построй свою любовь!» – возразила рябая, как грязью обрызнутая, девица в шортах и топике.

– Ну, так и есть, – согласился Митя. – А потом у них стропила повело, они на эту стройку положили и переехали в публичный дом. И домов этих уже два, скоро откроют четвертый.

Бухгалтер этого не могла перенести:

– Митя, ты же шесть классов кончил, так если два, то следующий будет третий!

– Видите ли, – подал слабый голос Викентий Амбросимович, – Дмитрий, не имею чести знать отчество, очевидно, третьим считает тот, что откроют они с Мякешей моей возлюбленной и в котором мне в лучшем случае выпадет второй номер.

Митя поднялся с нижней ступеньки и потянулся было к Таратутову, но скользнув по остаткам кефира, отшатнулся:

– Слушай меня, Дон Жуан недоделанный, если ты еще своим грязным интеллигентским языком... Стоп! Если ты еще про Мякешу что

скажешь, у тебя оба, и первое, и второе, выпадут, но не сами, а с моей активной помощью.

Знаменосец покашлял:

– Какой-то разговор между вами идет мутный, но нити, нить не могу поймать.

Ефросинья Харитоновна положила черную булку поверх белого сахара и хохотнула:

– Ну, дед, молодец, уже трусы распускать собрался.

И пошла, как утица, переваливаясь из стороны в сторону.

– Беспросветная безграмотность, уважаемый господин Кукушкин. – Викентий Амбросимович подошел к старику и доверительно тронул его за плечо. – Вы же, конечно, имели в виду нить разговора, а не резинку от грязных Мякешиных трусов?

Знаменосец кашлянул:

– Зачем ты бабу позоришь про трусы? С трусами у нее все в порядке, я той ночью-то, когда ты стучался, на ее кровати у стенки лежал. Все было прилично, как на параде.

Митя не выдержал:

– Дед Архип, поди-ка соврал?

Знаменосец кашлянул:

– Да полно тебе, Митя, ну, полежал, так что с того?

Викентий Амбросимович пошатнулся, поймался за столбик веранды и с пафосом произнес:

– Все смешалось в доме Облонских!

Покачиваясь, спустился с высокого крыльца и пошел в сторону своей избушки. Через минуту крыльцо бывшего сельмага, а ныне магазина «Оазис» местного торгаша Петьки-Парткома, опустело. Высокое крыльцо, магазин каменный старой кладки, стены метровой толщины, дверные и оконные запоры закреплены в кладке, и ничем их не выдернуть. Петька всем говорил, что, когда еще парторгом работал, запросил архив, и ему прислали бумагу, что магазины эти построены были его прадедом, и владеет ими Петька по праву наследства. Вся эта легенда рухнула разом, когда районная газета напечатала заметки въедливого краеведа, бывшего учителя истории из села Большая Ченчерь, где он перечисляет всех местных купцов и магазины, коими они владели. Выходило, что все три оставшихся от царизма кирпичных магазина в Сладчанке принадлежали купцу второй гильдии Кутельникову, который вместе с семейством не стал дожидаться революционного суда, скорого и правого, махнул в Одессу, потом пароходом в Турцию, а оттуда в Европу. Краевед даже писал про два письма, которые месье Кутельников якобы присылал властям в Сладчанку и предлагал сломать его магазины и забрать припрятанные там золотые слитки. Власти месью не поверили и ломать не стали.

Веселая деревня Сладчанка словно осторожно с Горы спустилась и расставила свои домики в широкой изгибе этой Горы, бывшей когда-то берегом реки или даже моря, как писал местный ученый в районной газете. С другой стороны деревню подпирало озеро Сладкое, большое и глубокое, полное рыбой и дичью. Лучшего места и не найти вовсе. На Горе леса, береза с осиной и широкая гряда сосны с кедром и даже лиственницей. Отсюда и дома в деревне крепкие, высокие, это уж при колхозе после войны стали поскромней строить, а потом и совсем на кирпичные перешли. Грунты в деревне песчаные, дождь прошел, вода скатилась, промыла песок, солнышко выглянуло: чиста деревня, будто уборку хозяйка к празднику сделала.

Живут в хорошей деревне Сладчанке двоюродные братья Зуевы, с детства зовут их Сашко и Пашко, хотя отец одного, Филипп, своего в сельсовете записал Сашкой, а родившегося на другой день брательника отец Ефим назвал Пашкой. И случилось это как раз в канун выборов президента, потому сельский глава настоятельно просил братьев назвать парней в честь основного кандидата. Оба родителя решительно отказались и пошли пить заранее приготовленный самогон, радуясь, как хорошо дома без баб. Через пару дней до мужиков стало доходить, что совсем без баб – не совсем хорошо, потому решено было обсудить все доступные варианты. Женщины находились вполне приличные, только в разных местах. От предложения привести

их домой пришлось отказаться: отошьют. И вдруг Фиму осенило: сестры Пёрышкины! Две сестры-близняшки, Рая и Фая, по два раза ходили замуж и возвращались обратно ни с чем. Мать как-то тихо померла, а отец ушел в соседнюю деревню в примаки к овдовевшей состоятельной хозяйке, прижился, даже несколько раз к дочерям на новеньких «жигулях» приезжал. Сестры работали доярками и жили вместе. Братцы едва сшевелили примерзшую калитку, легко пихнули дверь в сенки и с трудом нашли в темноте ручку входной двери.

– Вы чего живете, как при крепостном праве? В ограду не попасть, в сенках глаза можно на гвоздике оставить. – Фима уж начал снимать матросский бушлат, подаренный демобилизованным племянником-североморцем, но Рая остановила:

– Если вас холера привела на нас критику наводить, то разворачивайте оглобли.

Филя понял, что пора приводить самые серьезные аргументы:

– Об чем речь, девоньки? Вы, поди, и не слыхали, что у нас сыновья вылупились? Вот по этому радостному случаю мы и пришли к вам, как к старым трудовым подругам. Рая, поди не забыла, как мы в Дикуше сено косили? Ни один шалаш не выдерживал нашего трудового напора! Помнишь? Вот по такому случаю, – он распахнул бушлат и вынул трехлитровую банку самогонки.

Фима тупо смотрел на брата и всеми силами старался понять смысл услышанного. Это он, Фима, тогда косил сено с Райкой, а Филя с Фаей ночевали в соседнем шалаше. Рая тоже не сразу все поняла, а потом вмешалась Фая:

– Нужда припала вам разбираться, кто с кем сено косил. Главное, что коровушки наши, царство им небесное, сыты были.

– Верно, – поддержал Филя, – и мы не бедствовали. Девки, киньте на стол хоть груздей с огурцом, а то я уж мерзнуть начал.

Рая хохотнула и кивнула сестре:

– Ставь жаровню с плиты, картошка с мясом. А то эти жуланчики с огурцов нам всю ограду разрисуют. Мужиков надо мясом кормить, чтобы работу можно было спросить.

Филя поддержал:

– С мяса, девки, мужик делатся, как секач.

– Ой, не пужай! – хохотнула Фая. – Секач – это кто?

Филя расплылся в улыбке:

– Секач, Фая, это самый главный производитель у кабанов, что у нас в камышах на Барабанихе живут. Намек поняла?

Налили по полному стакану, выпили, потом еще, и Фима запросил песню. Четыре нестройных голоса исполнили «Скакал казак через долину...», женщины всплакнули, мужики стали откровенны:

– Пригрейте нас, девоньки, нонешной ночью, а потом мы будем частенько приходить, пока бабы в норму войдут.

Через девять месяцев обе сестрицы родили девочек, записали их на Филю с Фимой, те не протестовали. Девчонки росли, как пташки вольные, кто-то приголубит, кто-то накормит, пока мамки погуливают. В школу ходили вместе с братьями, после восьмилетки стали работать, всюду были вместе – и на работе, и в гулянках. Имена им мамаши дали странные, назвали Параней и Гараней. Им бы вся судьба по материнским стопам податься, в легкую жизнь удариться, ан нет. Завалил как-то на сеновале молодой мужичок Параню, а Гараня взяла вилы и воткнула их в белоснежные ягодицы. Мелковато, но орал он не слабее пришедшего в охоту секача, так на четвереньках в санях довезли до медпункта, фельдшерица, когда прохохоталась, дырки йодом смазала, дала неудачливому любовнику сто граммов спирта и отправила без освобождения от работы.

А вот Сашко и Пашко в родителей пошли, рано к девкам стали приглядываться, и все к Паране с Гараней, только в первый же вечер решительного наступления девчонки разъямачили кавалерам, что у родных по крови никакой любови быть не может. Сашко особенно сильно сожалел, уж больно поглянулась ему белянка Гараня, но против закона не попрешь.

Братцы работали в столярной мастерской, приватизировал ее какой-то районный чин, он же и выручку

забирал. Старый столяр, немец Яков Андреевич Кауц, пригрел их и учил, как с каким деревом работать, какой инструмент для чего приспособлен. Толковые оказались ребятишки, быстро все осваивали, и двери могли сколотить, и рамы связать, даже гробы делать. Старый Кауц возмущался: в прежние времена такое село было, а гроб один в неделю, и то для пожившего человека. А тут дошло до того, что нормальные люди в столярку ходить перестали: один гроб у дверей, второй собирают, на третий тес строгают. Потом бывший комсомольский секретарь открыл похоронную контору, весь инвентарь из города завозил, дорого, зато никаких забот, покойничка, прости господи! обмоют, оденут и в гроб положат, а сами яму копать. Три ночи должно православному провести дома после смерти – ничего, и на второй день уже никто не упирался, грузили в кузов, родню на скамеечки, и попылили. Не похороны, а спектакль со слезой. Так думал старый Кауц, у которого гроб уже лет десять лежал на чердаке старого дома, пугая внуков и их пакостливых друзей.

Яков Андреевич умер прямо за верстаком с фуганком в руках. Братья сделали ему добротный гроб, от комсомольских услуг большая семья немцев отказалась, старший сын Артур снял с чердака отцовскую самоделку и решил, что надо именно в нее положить отца, потому что таков был его завет. Братья отвезли свой гроб обратно, а ночью подожгли столярку, даже из инструмента ничего не взяли. Сами себе сказали: нет дяди Кауца, нет и мастерской. Приехавший на пожарище хозяин получил заключение пожарников: короткое замыкание. Вот и взятки гладки.

На последнем колхозном собрании сам председатель Кикин и двое из района, все трое при галстуках, попеременке залазили на трибуну и клятвенно заверяли, что после роспуска колхоза и раздела имущества ждет их жизнь невиданная: паши и сей для себя, скота держи, сколько сможешь, выручку от молока и мяса в свой карман. Наутро прибежали бывшие колхозники на машинный двор, а вчерашний начальник им бумагу показывает, что имущество движимое и недвижимое бывшего колхоза теперь принадлежит СПК «Возрождение», они его члены, а он председатель. Когда наиболее толковые закричали о выходе с паем, Кикин указал на «зеленый ряд», так в деревне звали шеренгу негодной техники. Через пару лет у председателя появились новые бумаги, по которым СПК стал ООО «Рассвет», а Кикин аж генеральным директором. Подгоняемый компаньонами из района, Кикин за осень сдал на колбасу весь скот, пообещав ревущим с горя дояркам, что Европа пришлет коров современных, которые на одной соломе дают по ведру молока в день. На машинном дворе дело оказалось серьезней. Кто-то из мужиков врезал генеральному по морде и крикнул, чтобы заводили трактора. Хватали, кто что может, и Кикину достались два «Белоруса» и гусеничный трактор, которые он раньше припрятал в старом железном ангаре. На одном «Беларусе» работал Гоша Семиколенный, все обыскал – нет железного друга, вскочил в «Кировца» и со двора на всех скоростях.

Старшие братья Зуевы в дележе не участвовали, а могли бы угнать хоть «пукалку», маленький двухцилиндровый трактор, которым почему-то поначалу толковые мужики побрезговали. Но – не судьба. Накануне торгаши завезли невиданное лакомство: в пластмассовом пузырьке чистейший спирт, и все это называется фунфырь. Викентий Амбросимович даже предположил, что это китайского производства водка и по-японски ей имя саке. Пузырек выливали в поллитровую банку, добавляли воды, и три мужика валились с ног. Фунфырь стоил в десять раз дешевле бутылки водки, и торгаши отоваривали им за цветной металл. В три дня в деревне нельзя было найти старого аккумулятора, алюминиевой ложки или медного самовара. Разве что нательные крестики сохранились. Именно в эти дни делили колхоз, тащили, кто что мог, а Филя с Фимой уже ничего не могли, спали в сенках то у одно, то у другого. А когда очухались, пришли за своей долей, бывший гендиректор – от греха подальше – дал мужикам на пару

бутылок, что в пересчете на фунфури означало недельную пьянку. Как говорили соседки, Господь и прибрал их в один день. Только Сашко и Пашко не верили во вмешательство бога, потому что родители не первыми пали от фунфырей. Сашко сам читал на пузырьке: «Для наружного применения». После смерти матери Пашко переманил к себе брата, так жить легче. Держали корову и свинью, летом литовками косили траву, сено возили на мотоциклетной тележке с друзьями, осенью копали картошку, чтобы кормить скотину, свинью потом резали и всю зиму ели мясо с картошкой. Но тоска на душах братьев, нет никакого просвета. Как-то вечером приходят к ним Параня с Гараней:

– Пацаны, обсудить надо. Вчера подкатывали на побитом «мерине» два фраера, предлагают работу. Дескать, девушки вы приятные, немножко подучим, и пойдете официантками в лучший ресторан города. А это отличное питание, приличное общество и куча чаевых.

Каждый из братьев думал одно и то же. Сестренки, конечно, девочки, что надо. Вот Параня: роста среднего, личико будто загорелое, волосы темные, глаза черные, губки скромно поджаты, а по фигуре скользнуть: шея прямая и гордая, грудь дай бог молодой маме такую иметь, в бедрах широковата, но талия – и так колыхнется платье, и в другую сторону – не коснется талии, словно нет ее. А Гараня ростом повыше, фигура поскромней, но лицо белое, а на нем и губы, и глаза, и брови – как нарисованы. Обе красавицы, только одежонка потрепанная да вместо обуви комнатные тапочки. После таких глубоких умозаключений братья переглянулись:

– Девчонки, приличный человек на драной тачке не ездит. Как-то не вижу я вас официантками в шикарном ресторане, – изрек Сашко.

– Ты чо морозишь, братуха?! Ты сам-то хоть раз официанток видел? Можно подумать, все кабаки в городе прошел! – взорвалась Гараня. И братья поняли, что девчонкам страсть не хочется расставаться с мечтой о куче чаевых.

Пашко долго молчал, все слова подбирал не очень матерные, но отрезвляющие:

– Повезут вас, девчонки, на панель, вдоль дороги стоять и мужиков стрелять. Гоша Семиколенный рассказывал: «Еду на «Камазе», мороз, а на объездной дороге девчонка стоит, в шубке до пупка, в колготках в обтяжку, вижу: замерзает человек! Остановился, дверь открыл, она запрыгнула. Спрашиваю: «Тебе куда надо?» «А куда, говорит, хочешь». Гоша на нее смотрит, вид, наверное, глуповатый, она тоже соображает: мужик не первой свежести. И говорит: «Может, тебе минет нужен?» Гоша подумал-подумал и бухнул: «А на хрен он мне нужен? У нас в колхозе этого добра – хоть завались!» Девка орет: «Дурак, остановись!» Выскочила и спасибо не сказала.

Прохохотались. Сашко свое гнет:

– Ребята говорили, что у них норма есть в рублях, сколько надо за сутки сдать бригадиру, а тебе сколько отстегнут. Ты кино видела про интердевочек? Вот такими сучками вас и поставят вокруг города.

Параня возмутилась:

– Вы что, охренели, так про нас думать? Ты про нас что-нибудь от ребят слышал? Ну, чтобы кто-то ко мне под юбку забрался? Да, целуемся, щупаемся, не без того, но дальше – ни-ни!

Теперь Пашко взорвался:

– Дура, это же наша деревня, наши ребята все знают, что за вас мы с Сашком головы завернем любому. А там... Девчонки, выходили бы вы взамуж за наших парней и жили все вместе. В общем, так: в город соберетесь – ноги переломаю. Или наголо остригу. Все, брат, этих блаженных на седнешний день не уговорить. Да, если эти фраера еще раз приедут, вы нас с ними познакомьте, так мол и так, братовья тоже готовы между столиками в ресторане без портков ходить и чаевые грести лопатой.

На зиму Сашко и Пашко устроились кочегарами в школьную котельную. Котельную перевели на солярку, установили емкость, поставили насосы на топливо и на воду. Человек из коммунального хозяйства приехал, запросил трудовые книжки, заявления и по месячной зарплате денег.

– А это за что? – удивился Пашко.

– У тебя допуск для работы на этой котельной есть? Нету. А за эти деньги я тебе документ привезу от госнадзора. Тут всех проблем – чтобы вода в системе не испарилась. Вовремя подкачивай и лежи, грей бока.

Комхозовский специалист принес из машины несколько газет, стали учиться запускать котел. Газету сворачивали трубочкой, поджигали и совали под струю топлива. Солярка разгоралась, и дальше все шло своим чередом.

– Бумагу для растопки всегда имейте в запасе, мало ли что. Бывает, солярка с водичкой, тогда совсем труба, но это редко, – напутствовал гость.

– Сашко, а где бумаги будем брать? Какой дурак газеты выписыват?

– Я в сельсовет схожу, у них должны быть.

– В администрацию, пустыня! Иди.

В сельской администрации уборщица выволокла из уличного склада несколько мешков с бумагами:

– Берегла, думала, советская власть вернется, снова будут макулатуру закупать, а этим ничего не надо. Забирай.

Потянулись тоскливые дни и ночи. В котельную никто не приходил, разве что среди дня прибегала директриса и орала, что в школе холодно.

– Окна надо было утеплять, – придумал отговорку Пашко, но солярки добавлял, зачем на ребятишках экономить?

Вечером в воскресенье он нашел спящего брательника и погасшую горелку. Братца пнул, тот встал, потянулся и признался, что сильно спать хотелось, в школе все равно никого нет, температура в котле под пятьдесят, на улице вроде не шибко холодно. Короче, успокоил себя, на всякий случай топливо перекрыл, котел погасил и уснул. Посидели, покурили, Пашко подтащил к топке мешок сельсоветской бумаги и стал свивать фитиль. Из мелких советских документов фитиль получался маленький, но солярка все-таки загорелась.

Совсем рассвело, Пашко походил по двору, расчистил дорожку к калитке, к туалету. Вернулся – все отлично, котел гудит, в помещении тепло, Пашко взял из мешка горсть бумаг и прилег на топчан. Ничего интересного, какие-то ведомости, таблицы с цифрами, указания райисполкома. Перебирал и бросал к мешкам, брал новые горсти и снова бросал. Повертел в руках не нашей формы конверт, вся лицевая сторона была заклеена марками, но марки кто-то оторвал, только клочки остались. В конверте оказалось письмо. Интересно, что бумага толстая, а в левом верхнем углу какая-то большая цветная буква не наша. Но написано разборчиво:

«Уважаемый господин председатель советской власти в селе Сладчанка, если его еще не до конца разорили большевики!

В первом письме батюшка наш напомнил о себе, о нашем роде купцов Кутельниковых, вынужденных покинуть родину в горький час большевистского нашествия. Батюшка наш уже ушел в мир иной, но оставил завещание, часть которого, касаемая его родной земли, я вам уполномочен сообщить. Как вы знаете, в селе было три небольших магазина, которые много лет исправно снабжали крестьян не только сладостями и спиртными напитками, но и предметами, сугубо необходимыми в крестьянском хозяйстве, как-то: плугами, боронами, наковальнями, кувалдами, топорами, пилами, точильным инструментом, инструментом слесарным и столярным и пр. и пр. Как вспоминал отец, бежали они столь скоро, что даже не сумели достать припрятанное на подобный случай золото и драгоценности. В первом письме он не стал подробно излагать, где заложен клад, полагая, что вы дойдете до него, подвергнув слому старые магазины. Ведь советская власть наверняка возвела прекрасные маркеты, заваленные товарами.

Но вы не послушались его, более того, ваш ответ оскорбителен и вполне дает мне сегодня право, как распорядителю наследства, отказаться от помощи вам. Ведь значительная часть найденного богатства должна быть направлена на улучшение жизни граждан села, а именно это было целью подобного распоряжения покойного батюшки. Ваше письмо я возвращаю, потому что не хочу, чтобы наши потомки через многие годы

удивлялись и возмущались вопиющей неграмотностью и пошлостью, если не сказать – хамством руководителей советской власти.

Как я понял, пускать на слом магазины вы не собираетесь, наверное, это и правильно, если государство не сумело построить новых. Тогда читайте внимательно, возможно, в вашей среде найдется хоть один человек, который сумеет разгадать эту несложную загадку. Все закладки сделаны с наружной стороны здания, потому что у отца не было сомнения: ключи от магазинов у него заберут в первый же день. Оставалась надежда под покровом ночи с привлечением доверенных людей достать драгоценности и скрыться с ними. Когда и такая возможность оказалась иллюзорной, батюшка наш решил положиться на волю божью, и семья поехала с тем, что у нее было. Надо сказать, что батюшка сумел сколотить приличный капитал, который дал нам возможность и вне пределов Родины жить вполне благополучно.

Итак, начиная от левого при входе косяка двери надо влево же отмерить ровно треть соловецкой версты и копать в глубину до метра, далее во внутрь здания под углом, равным углу наклона нижней перекладины креста Господня. А потом трижды читать молитву на поиск клада. Уместно напомнить вам, безбожникам, что во время поиска клада не можно быть вне трезвости, не следует говорить, ругаться и тем более материться. Желательно, чтобы работали люди верующие, во всяком случае, крещеные и с нательным крестом на шее.

Подобная инструкция подходит для всех трех магазинов. Надеюсь, что разумные люди сохранились, клады будут изъяты и направлены на службу народу.

Остаюсь с тоской по родной земле Афанасий Артемович Кутельникофф.

Париж, июль 1978 года».

Тут же письмо председателя сельсовета, ответ на первое письмо, возвращенный обратно.

«Не здравствуй и не прощай не скажу тебе, буржуй недорезанный. Запомни, что догнивающий капиталист никогда не обманет бдительного коммуниста. Жалко, что смотались вы от лютой расправы после революции, а теперь еще решили нам навредить, чтобы мы по вашей указке изломали все три магазина и оставили людей без снабжения. Мы на вашу провокацию не пойдем, можете не рассчитывать. Ишь, нашли дурачков, сломать магазин, а там нет ни шиша. Так что, дорогие земляки, ни хрена у вас не выйдет, так и передайте своим хозяевам французским капиталистам и напомните, что мировой пролетариат скоро устроит им свою Октябрьскую революцию.

Председатель сельсовета (подпись неразборчива).

с. Сладчанка, 10 мая 1964 года».

Пашко несколько раз перечитал французское письмо, пока в голове его не успокоилась мысль, что богатенькие землячки не просто так писали эти бумаги, да не один раз. Накинул фуфайку, добежал до дома, стукнул в дверь. Сашко подал голос:

– Кого там несет?

– Открывай, с какого перепугу ты на крючке?

Какое-то шевеление, потом тихий шепот в щель:

– Пашко, я не один. А что случилось?

У Пашка все мысли о золоте враз вылетели, когда он понял, что брательник на самодельной широкой деревянной кровати с девкой курдается. Все бы золото променял сейчас на теплое место с краешку.

– Да ладно, – пробормотал он и пошел в котельную. Вот братец, вроде везде вместе, друг без друга разве что в туалет ходим, и когда подхватил деваху, да и кого? Ладно, утром все выяснится, зато про письмо не скажу ему пару деньков.

В котельной все мешки с сельсоветскими бумагами вытряс по одному и внимательно просмотрел – нигде больше ничего про золото не сказано. Проверил горение, сходил в школу, батареи потрогал – пойдет, к утру добавлю. И пошел к магазину, на крыльцо поднялся, присмотрелся к левому косяку, мысленно стал мерить шаги и... спотыкнулся. Треть версты, а верста, наверно теперь называется километром, значит, триста с лишним метров... И в какую степь? Вот сволочь, а

написал, что у стены закопано золото! Нет, богач он и есть богач, подохнет, а с простым советским человеком не поделится. «Закопано с внешней стороны здания. Треть версты от косяка». Наверно, от лягушек и шампанского крыша поехала, вот и умодил такое письмо, пусть, мол, земляки вместе со мной с ума сходят.

На другой день пришел к брату в котельную, тот посыпат на топчане. Пнул, дождался, когда в себя войдет:

– И давно ты баб домой водишь, когда я на смене?

Сашко кивнул:

– С отопительного сезона. А куда я ее поведу?

Пашко руками развел:

– Невтерпеж, стало быть? Колись, все еще щупаетесь или в полный рост?

– Жениться придется, если ее родители узнают, – засмущался Сашко.

– И чья она? – поинтересовался брат.

– Наша, Аниска, Данила Кургузкина дочь.

– Младшая? – уточнил Пашко.

– Средняя.

Пашку взорвало:

– Сашко, ты кого наделал? Ее всю уборочную шофера из кабины в кабину передавали.

Брательник хохотнул:

– И какая беда, если девка покататься любит.

Пашко охватил голову руками и несколько времени не знал, что сказать:

– Ты где ее словил?

Сашко удивился:

– С чего ты взял, что я ее ловил? Сама пришла вечером, ты на смене, у нее бутылка. Выпили, и вперед!

Пашко сплюнул в таз под рукомойником:

– Дурак, тебе назад надо было бежать! Она не иначе как беременна, такую собачью свадьбу отгулять! Скажи ей, что любовь прошла, завяли помидоры.

– Не смогу. Ты же знаешь, что я стеснительный, – вздохнул Сашко.

– Вот сволочь! На бабу залезть он не постеснялся, а слазить боится. Вот что я тебе скажу, братец. Женись, но жить пойдешь в примаки, я вас близь дома не пущу. Ой, дурак! Тут такие дела возникают, голова кругом, мозгов не хватат, а он умодил. Короче говоря, узнал я из надежного источника, что по золоту ходим.

Сашко вздрогнул:

– Поясни, не доходит.

Пашко стукнул себя по коленку, кот с испугу запрыгнул на печь.

– В том-то и дело, что до меня тоже не доходит. Тут с арифметикой связано и с богом, а мы с тобой на уроках титьки у девок искали.

– Ну, не всегда же, – поправил Сашко.

– На арифметике точно, потому что титьки мне были интересней. Что такое верста, скажи?

Сашко сразу ответил:

– Ваня Верста с Голой Гривы.

– Дурак! Верста, километр. Притом, не простоя верста, а...

– Коломенская есть, – вставил Сашко.

– Нет, Соловьиная какая-то. Ну, там много чего надо знать, а откуда? У кого спросишь?

Сашко помолчал, потом поднял голову:

– Викентий Амбросимович должен быть в курсе.

Пашко аж привстал:

– Точно! Только и его надо будет в компанию брать.

Сашко тронул брата за плечо:

– Ты об чем это все молотишь? «Верста соловьиная, бог с арифметикой». Слышь, браток, может, сегодня к тебе Аниску позвать? Быстро дурь пройдет.

Пашко встал:

– Работай иди, я пошел к Таратутову.

Мало сказать, что Викентий Амбросимович был одной из достопримечательностей села, он был и его тайной. Никто не знал, как этот весьма образованный человек появился в этих краях и как он преподавал свои первые уроки. Вспоминали, что он очень галантно ухаживал за молодыми коллегами, считался самым интеллигентным, и всем молодым людям ставили в пример, что Викентий Амбросимович никогда не воспользуется тем, что остался в учительской один на один с молоденькой химичкой, и не станет трогать ее бюст и

жадно дышать в ухо. Никто не видел его, например, в раздевалке, когда девушки в уголке, закрывшись занавесками из полушалков, снимали теплые штаны или поправляли пучки ваты, заложенные в лифчики. А учитель физкультуры, например, позволял такие дерзости, за что девчонки его очень любили, и каждое лето одна из десятиклассниц на время становилась его любовницей.

Никто не знал личной жизни Таратутова, но в общественной он участвовал очень активно. Играл любовников в постановках драматического коллектива, но прикасаться к женщинам избегал, и, если по ходу пьесы должен был случиться поцелуй, актер приближался к своей возлюбленной, но останавливался в полуметре, и звонкий поцелуй, исполненный за кулисами специалистом этого дела – учителем физкультуры, вызывал повальный смех в зале.

Заметив столь интересного человека, партия пригласила его в свои члены, отчего он скороговоркой отказался, а после три дня не вел уроки, ссылаясь на тяжкое и неэстетичное поведение живота своего. Парторг, узнав о столь серьезной реакции, больше опасных намеков не делал. Вот в профсоюз учитель вступил и даже согласился быть членом месткома, что, впрочем, продолжалось до прилета первого самолета сельскохозяйственной авиации, обрабатывающей посевы от всякого рода вредителей. Вся школа пошла смотреть на самолет, потому что до этого такую машину видели только с земли на высоте тысячи метров. А тут вот он, пахнущий всеми ядохимикатами мира, но с крыльями, с большим пропеллером и двумя молодыми парнями в шлемах с наушниками.

Викентия Амбросимовича осенило: он в один момент может стать героем, первым из всей деревни взлетев на самолете, и это решительно изменит отношение к нему возлюбленной Мякеши, которая уже несколько лет близко его не подпускает. Вроде доступная женщина, редкий мужчина миновал ее постель, а вот учителю не повезло. Он дождался, когда летчики проверили заправку баков ядохимикатами, разведенными привезенной с озера теплой водой, подошел и вежливо обратился:

– Товарищи, прошу понять меня правильно. Я, конечно, совершенно земной житель, рожденный, так сказать, ползать, но, представьте себе, очень хотел бы побывать в небе.

Один из летчиков повернулся к нему:

– Это невозможно, в кабине только два места. Куда мы вас посадим?

Второй летчик вмешался:

– Человек тебе прямо сказал: он хочет побывать в небе. И ему не важно, в кабине или в грузовом отсеке, лишь бы в воздухе. Я вас правильно понял, товарищ?

Таратутов затряс головой столь энергично, что смутил летчиков. Второй, более сговорчивый, предложил:

– Мы работаем до восьми часов. Подходите к этому времени, и мы вас прокатим.

– Можно, я на велосипеде?

– В самолет?

– Нет, что вы, только до аэродрома.

– Это сколько угодно, хоть на хромой кобыле.

Зря он так безответственно сказал про кобылу, без этих проклятых слов, возможно, все сложилось бы благополучно.

Никому ничего не говоря, Таратутов сел на велосипед и поехал на поляну за селом, где разместился самолет, емкости с ядами и бочки с водой. Летчики поужинали и пили чай, заваренный из веточек растущей рядом смородины. Взволнованный гость от чая вежливо отказался, ожидая более серьезных предложений. Наконец один летчик подошел к нему и серьезно спросил:

– Вы не передумали?

– Нет! – гордо ответил учитель.

– Тогда так. Мы вас помещаем вот в этот отсек. Вы ничего не будете видеть, но почувствуете все то, что ощущает человек в воздухе. Я дам вам наушники и по внутренней связи буду рассказывать, как проходит полет, над какими местами пролетаем, а вы их, конечно, знаете и будете представлять. Ваш позывной – «Орел». Полет продлится минут десять. Вы готовы?

– Да!

На Викентия Амбросимовича надели шлем с наушниками, открыли

дверь и велели лечь на пол, застеленный почему-то пестрым деревенским одеялом. Летчик велел лежать спокойно и с этого места никуда не смещаться во избежание катастрофы. Учитель врос в одеяло, летчик воткнул в шлем провод, и счастливый воздухоплаватель услышал:

– Орел, я Сокол. Запускаю двигатель.

Самолет загудел, затрясся, мотор набирал обороты.

– Орел, начинаю разбег и взлет.

Рев мотора был страшным, но Орел услышал спокойный голос Сокола:

– Как себя чувствуете?

– Нормально!

– Отлично. Набираем высоту. Слева от нас село, сейчас проходим над школой, поднимаемся выше, справа группа озер, вы, наверное, их знаете.

– Да, я люблю там рыбачить.

– Прекрасно. Вон на озере купаются девушки, подлетим к ним?

– Конечно!

– Если бы их могли видеть, полнотелых и грудастых. Но вы их еще увидите и расскажете, что в самолете, который выгнал их из воды, находились вы. Итак, разворачиваемся и ложимся на обратный курс. Вы себя хорошо чувствуете? А как у вас с сердцем?

– Все хорошо, не беспокойтесь, у меня крепкое сердце.

– Это хорошо, – как-то неуверенно сказал летчик.

И в этот момент стало тихо, так тихо, что Викентий Амбросимович слышал свое дыхание.

– Орел, вы меня слышите? У нас маленькие неприятности, заглох мотор, мы падаем.

– Вы сошли с ума! У меня завтра три урока! Что мне делать?

– Я вас предупредил: лежите на одном месте и не шевелитесь. Одеяло спасет вас.

Дальше произошло страшное. Дно самолета распахнулось, и Викентий Амбросимович вместе с одеялом упал на скомканный брезент, которым летчики укрывают самолет. Придя в себя и сняв проклятый шлем, бедный учитель понял, что никуда он не летал, самолет все время гудел мотором на месте, а потом его заглушили и открыли люк. С трудом поднявшись, Таратутов поплелся к своему велосипеду, но сесть не мог. Тогда к нему подошел возчик воды, закинул за бочку велосипед, посадил учителя рядом с собой и тронул лошадку. Она тоже с трудом поплелась в сторону села, потому что уже вечером подвернула ногу и сильно хромала. Увидев это, учитель заплакал.

После полета Таратутов стал выпивать, возненавидел женщин, потерял авторитет и вынужден был школу покинуть. Но жить остался в Сладчанке, удивлял и пугал односельчан предсказаниями смертей вождей, потом точными прогнозами погоды и определением пола только что зачатого ребенка. Это был хороший приработок к пенсии и довесок к утраченному авторитету.

Пашко вошел, когда Викентий Амбросимович над электрической плиткой пытался изобрести себе ужин. Отваренный голубь уже синел в тарелке, а макароны все не закипали. Не глядя на вошедшего, хозяин крикнул:

– Возьмите с полок любую книгу и используйте время для познания некоторых деталей бытия ранее живших. Впрочем, что вам попадет под руку.

Пашко взял лежащую на столе открытую книгу и глянул на обложку: «Черная магия». Полистал, подивился на незнакомые знаки и от греха подальше отложил в сторону. Расправившись с макаронами и голубем, учитель подошел к столу и внимательно посмотрел на парня.

– Что привело вас ко мне, мой юный друг?

Пашко вопросы заготовил и даже достал бумажку, чтобы записать ответы.

– Вопросов несколько, Викентий Амбросимович. Первый: что такое соловьиная верста?

Учитель улыбнулся:

– Таковой нет в природе.

– Но была когда-то?

– Я говорю о природе, следовательно, никогда не была. Откуда это у вас?

– Пока не могу сказать. Но верста – это очень важно.

Учитель расхохотался:

– Милейший, вы говорите о Соловецкой версте. Да, такая была. Значит, так. На Севере России есть Белое море, среди вод образовался архипелаг, как бы группа островов, общее название их – Соловецкие. Святая земля, место греха и духовной высоты, подлости и подвига. Да, вы меня расшевелили. Про нее написаны книги правды и клеветы, о! а сколько еще писак попытаются сделать имя на костях великомучеников! Жизнь на островах была еще три тысячи лет назад, государевы люди пришли в пятнадцатом, кажется, веке, а уже в девятнадцатом там открыли тюрьму. Надежное место, не вдруг убежишь. Ну, а большевички развернулись вовсю, Соловецкие лагеря были весьма суровым местом.

– Откуда вы знаете? – невпопад переспросил Пашко.

– Видите ли, милейший, батюшка мой, архимандрит Новгородской епархии, провел там несколько замечательных лет, и рассказы его следовало бы записать, но, увы, я дал подписку о неразглашении. Хотя сейчас – кому это надо?

– А сколько метров в этой самой версте?

– Разумный вопрос, сын мой. Версту эту изобрели монахи, обмерили веревками окружность монастырских стен и сказали: сие есть соловецкая верста! И верстовые столбы поставили.

– А в метрах? – не утерпел Пашко.

– Это надо либо вспоминать, либо открыть нужную книгу. Так, вот, ага! 1054 метра.

Пашко записал цифры.

– Слушаю иные вопросы, молодой человек.

Пашко понял, что, не рассказав о сути, он не получит ответа. Решился.

– Вот стоит здание. Точно известно, что у здания зарыт клад. Причем не сверху, а на метр глубиной. А как найти? Известно, что надо от указанного места пройти треть соловецкой этой версты. И что? В одном месте, говорит, что с внешней стороны здания, а в другом – треть версты пробежать. Хрень какая-то.

Учитель засмеялся:

– Никакой хрени. Вы помните, я говорил, как монахи версту определяли. Взяли веревки и обошли вокруг монастыря. Так и вы обойдите от указанной точки вокруг здания... так, 351 метр и 33 сантиметра. Там и копайте.

– Эх, Викентий Амбросимович, нам с братцем не совладать, придется вас в долю брать. Клады эти под магазинами зарыты, которые теперь у Петьки-Парткома в подчинении, а я письмо нашел, которое последыши хозяина из Парижа прислали, там все указано, вплоть до молитвы.

– Письмо при вас?

Пашко подал конверт. Учитель быстро пробежал текст и глянул на собеседника.

– А похоже, молодой человек, что все есть чистая правда. Нда, сейчас зима, и копать мерзлый грунт, к тому же под магазином, – опасное дело, шумно, могут пришить попытку ограбления. Хорошо, что закладка сделана с задней стороны магазинов. Подождите, милейший, а ведь все три магазина построены по одному проекту!

Пашко возразил:

– Да они и не похожи вовсе.

– Правильно, за годы советской власти их обезобразили настолько, что три родных брата стали неузнаваемы. Но я оцениваю по основным математическим параметрам: размеры, высота, даже расположение окон. А что сегодня с задней части магазинов?

Пашко стал вспоминать.

– В центре вроде дощатый склад, раньше тару там держали.

– А сейчас?

– Черт его знает!

– Так, про него больше ни слова.

– Про кого?

– Вот кого вы сейчас назвали. Не надо.

– Понял. Завтра же схожу, осмотрю другие. Только как копать мерзлую землю?

Учитель помолчал, потом предложил гостю:

– Обследуйте все магазины, уточните, что у задней стенки. Есть ли ночная охрана. Зарисуйте точно место ввода в здание электропроводки. Найдите друзей, которые работают в коммунальной службе. На это сегодняшний день. Завтра...

– У меня смена, – перебил Пашко.

– Послезавтра с полной информацией ко мне. Кто еще посвящен в тайну?

– Мой брат Сашко.

– Пока довольно. И ни звука. Вперед! А я буду думать.

Думал Викентий Амбросимович под музыку Вивальди, добываемую со старых пластинок на плохонькой радиоле. В это время курил трубку, набитую смесью табака и трав, насушенных и протертых. Это давало ему высоту мысли и в итоге правильные решения.

«А с чего они решили, что земля под сараем мерзлая? Если под навесом грунт сухой, он практически не застывает. Следовательно, можно начать с того магазина, за которым склад. Надо проверить, заперт ли он, можно ли открыть и что там сейчас находится. Это первое. Далее. Я определю точное место закладки по каждому объекту, и потом буду принимать решение. По электричеству. Надо подготовить металлический диск, рассчитать, что надо дополнительно, чтобы он нагревался. Это к электрикам, они соберут конструкцию. Потребуется медный провод, это задача молодежи. Где-то у меня был приличный кусок динамита. Заложить, глубокой ночью взорвать, пока суетятся, лопатами выйти на нужную глубину. В темноте никто и не подумает бежать на задворки магазина. Это надо осмыслить. Хотя довольно рискованно. Кажется, решение есть. Интересно, есть ли золото? Почему у меня такая уверенность, что месье Кутельников был искренен? Наверное, потому что это русский человек, и последнее «прости» он отсылал родине. Спасибо, ему это зачтется!»

Так высокопарно закончил свои размышления Таратутов и пошел на останки старой церкви стрелять из рогатки голубей. «Мужчине нужно мясо, нужен белок, иначе он перестает быть мужчиной», – так рассуждал он, не беря во внимание, что мужчина в нем пропал в момент падения из самолета на балясистое деревенское одеяло, а сцены, которые он устраивал Мякеше и нескольким другим женщинам, должны были хотя бы показывать видимость его мужской состоятельности.

Митя Зырянов жизнелюб, баболюб, любит водочку и свой трактор. Ну, если честно сказать, в колхозе Митя был передовиком, а когда пришла пора прощания, он завел «Беларус» с навешенным трехлемешным плугом, кинул наверх борону «зигзаг» и тронулся в ворота машинного двора. Механик Кафтайкин сам имел виды на этот трактор, но не успел его спрятать. Он выскочил вперед и встал в воротах, раскинув руки крестом. Митя хорошо знал, что Кафтайкин хоть и грозный, но на передок слабоват, отскочит. И тут же понял, что тюрьма неизбежна, когда увидел падающего Кафтайкина. Механика от смерти, а тракториста от тюрьмы спасло то, что упал Кафтайкин повдоль трактора, и Митя увидел его, ползающего на карачках, в заднее окно. Чуть труханувший Митя приоткрыл дверь и крикнул:

– Ну, что, мелкий жулик и расхититель социалистической собственности? Мало тебе двух тракторов, которые ты пригнал из Нестеровской бригады и поставил в дальний угол сарая? Так ты еще хотел завладеть моей любимой машиной? Не выйдет!

Кафтайкин, отряхнув штаны, ответил:

– Трактор у тебя заберут, его главный инженер облюбовал.

Митя засмеялся:

– Жизнь – штука крутая, если бы бабы, которых я облюбовывал в свое время, все моими стали, у меня был бы гарем поболе, чем у этих нефтяных королей, у которых половой инстинкт просыпается только на молодой месяц. Ты видел, у них молодой месяц пролетарско-крестьянским серпом изображен, где надо и не надо? Инженеру отдашь картофелеуборочный комбайн, который он по пьянке купил на выставке и от стыда прячет в гараже под брезентом.

Первой же весной Митя стал самым уважаемым человеком на селе. Каждому надо вспахать огород, а трактор в комплекте только у Мити. Утром ему давали список, к вечеру он возвращался домой с полными карманами денег. Все лето без работы не жил, дом перекрыл широким крашеным железом, от водопровода протянул в дом трубу, запустил котел обогрева и самое главное: в маленьком

пристрое к дому сделал туалет, установил фаянсовый унитаз, а всю радость сливал в закопанную перед домом цистерну с колхозной заправки, которую купил у ночного сторожа за коробку «фунфурей». Дно цистерны вырезал сваркой, а в яму вывалил два самосвала крупной щебенки, за ящик водки привезли ребята с ремонта федеральной дороги. Вторую пятилетку всей семьей всю отработку сливают в бочку и ни разу не откачивали. В общем, молодец Митя!

Но его широкая натура хотела чего-то великого. Раньше, при коммунистах, он мечтал получить звезду героя и получил бы, потому что работал больше всех; хоть и выпивал, но с начальством ладил, осенью пахал зябь на «Кировце», больше тысячи гектаров выгонял; все проверяли, нет ли приписок, нет, все чисто, Митины рекорды никто не мог побить. Два ордена дали, большой чин, который ордена вешал, так и сказал: «Звезду тебе уже куют!» Хрен тебе – не звезда. Выскочили на телевизор эти проститутки худосочные и цельный вечер пропрыгали, лебеди общипанные. И началось.

К осени работы стало меньше, и загорелась у Мити душа: воздвигнуть себе памятник. Дурная, конечно, мысль, но покоя не дает. А с кем посоветуешься? Пошел к Викентию Амбросимовичу, все-таки ученый человек, рассудит. Таратутову так эта мысль понравилась, что он предложил немедленно заводить трактор. Пришлось достать бутылку и несколько компаньона остепенить. Выехали в полночь, как тати.

Но еще днем Митя кинул топор в люльку мотоцикла «Урал», который получил как победитель областного социалистического соревнования пахарей, и поехал к Горе. Гора огибала село с двух сторон и уходила дальше. На Горе были пашни, под Горой поймы, старицы и заливные луга. В приовражном колке срубил пяток тонких осинок, навострил колышков, поднялся наверх, вбил колышек, шагами отмерил метров двести, вбил другой, потом еще и еще по одному ему понятному порядку. Колышки вбивал так, чтобы снизу их видно было. Спустился на мотоцикле аккуратно и давай снова колья вколачивать. Вот к этим колышкам, первому с краю, и подвез он Таратутова, дал ему в руки фонарик и велел включить, как только трактор начнет спускаться. Поднялся по пологой дороге, настроил маршрут на фонарик и заглубил плуг. Трактор пошел тяжело, но под уклон его хоть держи, борозду проложили ровную. По команде Мити учитель перебегал от кола к колу и работал маяком. Митя поднимался в объезд, находил нужный ориентир, заглублялся и плыл вниз. Работу закончили затемно, потому полюбоваться не пришлось, уехали домой уставшие, но довольные.

Недоспавшего Митю разбудил крик матери:

– Ой, тошно мне, тошнехонько! Что же ты натворил, чтоб тебя лихоманка затрепала! Это же тюрьма тебе, а у меня ни сухарика...

Митя выскочил в ограду. Соседи, собравшиеся выгонять коров, молча смотрели в одну сторону, и Митя знал, куда. Он прямо в трусах подбежал к воротам и просиял. Три жирных буквы, обозначающих самое сокровенное мужское достоинство, были как нарисованы на склоне Горы. Понимая, что разборки неминуемы, он схватил с залавка свежий калач, быстро завел мотоцикл и упалил к учителю. Тот безмятежно спал.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Викентий Амбросимович присел на кровати и спросил:

– Поедем допахивать?

Митя засмеялся:

– Засевать! Вы гляньте в окно и прочтите ваше любимое слово на склоне вековой Горы.

Учитель кинулся к окну и отскочил как ошпаренный:

– Дмитрий, не имею чести знать ваше отчество, вы совершили историческое деяние, теперь на долгие годы это слово будет украшать мир и напоминать людям, особенно женщинам, об исторической миссии человечества.

Митя кивнул:

– Хреново только, что менты в этой миссии ничего не понимают. Я так думаю, что через часик меня будут искать.

Учитель встал посреди комнаты в застиранных кальсонах с неизвестно откуда взявшимся глобусом в руках:

– Дмитрий, я вас не выдам!

Митя махнул рукой:

– Ладно, поеду сдаваться.

У сельской администрации стоял уазик с синей полосой, и трое полицейских вместе с главой местной власти ухохатывались, хватаясь за животы. Митя заглушил мотоцикл и обратился к лейтенанту:

– Сразу увезете или сход соберем, чтобы проститься?

– Так это твоя работа? Ну, голова! Как ты до этого додумался?

Митя понял, что не все так плохо.

– От избытка чувств. Скучно живем, нет места подвигу, а душа просит простора. Вот, разметил и пропахал. Красиво?

– Слушай, а почему бы тебе другое слово не пропахать? Например, фамилию президента. На весь мир прославился бы, – предложил лейтенант.

Митя кивнул.

– Это я могу. Впереди этого члена еще много места.

Лейтенант посмотрел сурово:

– Ты мне этого не говорил. За мелкое хулиганство я тебя привлеку, штрафом отделаешься или на тракторе дрова пенсионерам повозишь. А за такие речи... Ну, ты понял.

С тех пор каждую весну на свежей пахоте вперед, чем кругом, зеленела трава, и буквы выпирали, а потом трава желтела и опять выделялась на фоне зеленеющей окантовки. В общем, слово читалось от снега до снега. Митя полмесяца прожил в райцентре, устроившись на квартиру к незамужней социальной работнице. Он жил бы и дольше, но из деревни позвонили, что скопилась очередь на вывозку дров.

Сашко до окончания восьмилетки ни разу не был за пределами Сладчанки, уже весной, перед выпуском, мальчишек возили на приписку в военкомат, вот там на медкомиссии и упал в обморок брат Пашко, когда девчонка-лаборантка кровь из пальца брала. Пашке дали ватку понюхать, и он ушел, стыдливо прячась от девушки, которую напугал до слез. Сладчанка была для Сашки целым миром. Он знал все ягодные места в лесу, по грибы ходил с тележкой, к платформе наращивал борта из тесин и привозил полнехонький воз. Мать раскладывала сухие и грузди раздельно, заливала водой и дня по три вымачивала, промывала, чистила, а потом солила в старинном дубовом бочонке. На всех старицах, которые окружали село, Сашко знал самые щедрые места, прикармливал рыбу, как это делали старики, потому улов всегда был добрый.

Сашко любил Гору, которую испохабили Митя с Викентием Амбросимовичем. На Горе сохранились очертания окопов Гражданской войны, рыли их колчаковцы, а красные шли лугом, их было хорошо видно, и, наверное, вот из этого окопа были убиты хорошие ребята-красноармейцы. Сашко ложился в ложбинку окопа и осматривал луг – да, обзор хороший. Здесь же бегали ящерицы. Шустрые, они стояли, опершись на передние лапки и приподняв змеиные головки, пока Сашко не наклонялся, чтобы поймать – сразу исчезали. Однажды он ухватил одну за хвост и ужаснулся: хвост в руке шевелился, а ящерица убежала. Опасаясь, что она погибнет, Сашко больше не гонялся за ящерками, просто любовался со стороны.

В первых лесках он находил муравьиные кучи, близко старался не подходить, потому что видел множество дорожек, по которым деловитые муравьи бежали по своим делам или несли домой добычу. Несколько муравьев, подхватив муху с двух сторон, несли ее на задних лапах, так мужики несут тяжелое бревно или двутавровую балку на машинном дворе при колхозе. Сашко сламывал сухую осинку, опирался на нее грудью и зависал над муравейником. Какие картины открывались перед ним! Нет, люди никогда не будут жить так дружно и так понимать друг друга. Их тысячи только сверху, а старики говорят, что внутри муравейника целый город, и не следует хоть как-то нарушать их порядки. Но Сашке приходится, девочка Нина, приехавшая из города в гости к соседям, отказалась выходить вечером и целоваться с Сашкой, потому что он рябой. Тогда он узнал, что от веснушек помогает муравьиный яд,

который они выбрасывают, если сверху пошевелить гнездо. Сашко так и делал, наклонялся над муравейником и шевелил веточкой поверху. Сотни муравьев обливали его чем-то кислым и едучим, но Сашко терпел ради девочки Нины. Когда возвращался домой, все лицо горело, глаза сузились, он умывался холодной водой, но утром, посмотрев в зеркало, чуть не плакал: лицо было, как после большой драки. Девочка Нина уходила на соседнюю улицу и целовалась с отличником Олегом, которого Сашко возненавидел и поколотил бы, если бы мог. Он вообще не умел и не любил драться. А вот Пашка умел и любил, поэтому был здоровым и сильным, что и спасало Сашку от многих неприятностей.

Потом к другим соседям приехала из города девочка Катя, которая сама вечером подошла к Сашке и предложила дружить. Сашка сказал, что он рябой. Катя пропела какую-то частушку, что рябой – на базаре дорогой, и они две недели целовались на крыше сарая Катиных родственников. «Ты что-нибудь чувствуешь, когда целуемся?» – спросила Катя. Сашко ответил, что чувствует, что она ела или окрошку или салат с луком. «Вот дурак! – сказала Катя. – И больше ты ничего не чувствуешь?» Сашко пожимал плечами. «И груди мои не чувствуешь?» – изумлялась она, расстегнув кнопки кофточки и показав два крохотных бугорка. Сашка смутился, спрыгнул с сарая и больше с Катей не встречался. Вспоминая это, Сашко улыбался: ведь было совсем недавно, года три назад, а нынче приехала Катя – девица, к которой не подойти. И фигура красивая, и груди настоящие. Два раза специально выходил ей навстречу, думал, узнает – нет, задружила с парнем, которому осенью в армию идти.

Он вспомнил, что в то же лето приезжала Валя, Валюша, ее бабушка в деревне живет. Сашко пошел в магазин за хлебом, и она тоже, а когда возвращались, спросила: «Ты село хорошо знаешь?» «Хорошо», – ответил Сашко. «Давай прогуляемся по всему селу, чтобы я потом сочинение могла написать про деревню». Они сходили к полуразрушенной церкви, Сашко осмелел и даже залез на колокольню, чего раньше никогда не делал. Он хотел пройти по толстому бревну, на котором когда-то висели колокола, но струсил и спустился вниз. «Все равно ты молодец», – похвалила Валя. Потом пошли к тому месту на речке Сухарюшка, где из глубины с силой бил родник, погода была тихая, река спокойная, и вода родника высокой гладкой шапкой поднималась над поверхностью. Пошли к самому страшному месту в селе, которое называется пропарина. Сашко объяснил, что много лет через речку делали насыпной мост, куда валили хворост, солому, тонкие жерди. Все лето и зиму по мосту ездили на склад, так ближе. Весной речка Кизиловка переполнялась, вода сносила мост, и весь мусор оседал в глубокой лощине, быстро закисал, бродил, изрыгая из глубины своей выбросы вонючих газов. Пропариной пугали детей, к ней действительно страшно подходить. Бывало, телята и коровы сдуру залетали – все, затягивало, что и смамкать не успевали. Теперь мост сделали железный, с бетонной плотиной и металлической заслонкой для сброса лишней воды. Пропарина постепенно иссякает и прежнего ужаса уже не нагоняет.

Прошли по новой колхозной улице из двадцати двухквартирных домов. Палисадники и наличники покрашены, ворота разрисованы, над каждым домом телевизионные антенны. «А ты прочитала, как называется улица?» – «Не успела?» – «Улица ранних зорь, потому что живут тут механизаторы и животноводы, работники, которые встают раньше других, потому и ранних зорь. Председатель у нас был такой, стихи писал и в клубе на концертах со сцены читал. Народ его любил, а начальство нет, вот и перевели куда-то на повышение».

Подошли к магазину, Сашко сказал, что их три таких в селе, старинной кладки, стены метровые. Сашко тогда еще не знал, как тесно ворвутся в его жизнь эти магазины...

Когда не стало колхоза и обязательной колхозной работы, Сашко с вечера проверял удочки, осматривал тройчатки-якоря из крупных крючков, то на щуку или крупного окуня;

готовил прикорм из отрубей и каши, на задворках в основании кучи навоза копал верхний слой земли и собирал толстых и жирных червей. Попадались и белые «лежни», толстые и почти неживые. Их любят налимы и лини, да и окунь не брезгует. Насобирав половину консервной банки, Сашко присыпал червей влажной землей и шел в дом. Пашко от рыбалки отнекивался, ему от отца ружье досталось, и он ходил осенью на соседнее болотце, дожидался кучки косатых или крякв на кормежку и успевал подбить пару. Раздевался, лез в холодную воду, доставал подранков и гордо нес домой. Вечером прибегали сестры, Параня с Гараней, одна рыбу чистила, другая уток теребила. Осень, утки нагуляли жир перед перелетом, на два варева хватает. Но однажды подъехали на машине люди в форме, попросили документы, у Пашка их нет, забрали ружье, ладно, что без штрафа обошлось. А стрелял Пашко метко.

Тогда вместе стали на рыбалку ходить, с вечера соседку тетю Дусю попросят корову подоить и в табун отправить с теленком, а сами рано утром на старицу, что в двух километрах. Прохладно, штаны вмиг намокнут в росистой низинной траве, вода чмокает в резиновых китайских кедах, но на берегу костер разведут, чайник есть, хлеб, кусок сала, лук, соль. Было у них два любимых места, а тут вышли на чужое, хорошо обжитое, спуск к воде ступеньками оформлен, шалаш в густых кустах на случай ливня.

– Хозяина нет, может, посидим тут? – предложил Пашко.

– А коли придет да взбучку устроит?

– Не должен, нас двое, да мы и спорить не будем, сразу уйдем.

– Ладно, если кто из наших, – опять усомнился Сашко.

– Понятно, что из наших, сговоримся.

Клев был сразу хороший, натаскали чебачков, подъязков, Пашко трех щук на крюк вытащил, не сильно большие, но приличные, можно будет засолить, все зимой пригодится. Костер развели, чай из шиповника заварили, сахарку сыпнули горсть, налили по кружке.

– Суп вам с мясом да чай с сахаром, – услышали с высоты берега. Вскочили: дед Архип-Знаменосец.

– Здравствуй, дедушка Архип. А пошто без снастей?

Архип спустился к воде, сел на траву:

– Снасти пришлось собрать, нет клеву. Да мне и не надо, так, время провести.

Пашко догадался:

– Дед Архип, а мы не твое место заняли?

Старик, хмыкнул, только глаза повеселели:

– Я следом шел, а когда вы на мою чистинку сели, не стал спугивать, пошел на вашу. Рыбачьте, парни, я без обиды.

Сашко сполоснул в воде свою кружку и налил чаю гостю.

– С удовольствием. Сашко, дай-ка мне кусочек сальца, че-то вдруг слюнка потекла.

Помолчали.

– Да, не стает рыбы совсем, – вздохнул дед Архип. – Я с детства был отчаянный рыбак, по неделе жил на старице. Днем траву пособираю, домой принесу подвяленную, дедушка мой Антип выберет, какая правильная, а остальную соберет в горсть и скажет: «Снеси, Архипушка, ягнятам, им пользительно вольной травки подсушенной вкусить».

– А рыба как же? – не выдержал Сашко.

– Ничего не пропадало. У меня нож вострый, дощечка, весь улов почищу, попластаю по спинке и в корчагу, все лето со мной жила корчага. Ухожу – притоплю в воду, никто и не видит. Вечером посолю, утром вынимаю рыбу и на веревочку между двух колышков. На солнце да на ветру она моментом подбыгат, вот тогда в ящик и сверху придавить большим камнем. Все было припасено. За неделю слежится – пальцем не выколупать. Еда была настоящая.

Сашко ближе жмется, интересно ему:

– Дед Архип, а как ты в разведку попал?

Старик покряхтел, то ли вспоминать не хотел, то ли вопрос не вовремя, но ответил:

– Попал по глупости. Я же двадцать пятого года рождения, а в

военкомате соврал, что с двадцать третьего. Справку в сельсовете у секлетарши, девчонки знакомой, выпросил. Я же рослый был, вот и взяли. Как-то еще до передовой устроили командиры борьбу, шайка на шайку. Меня кто-то сразу в морду кулаком, вот и завертелось, и своих, и чужих в одну кучу сложил. Какой-то высокий чин видел все это, велел меня отмыть и перевязать и с собой забрал. То была полковая разведка. Конечно, учили, и карту, и приметы разные. Только мне везло. В сорок четвертом я уже во фронтовой разведке служил, направляют нашу группу в тыл, нужен высокий офицер с документами. А где его взять? Нас семеро, лежим у хорошей дороги, паренек наш по рации засек, что большой чин будет ехать по этой дороге, кто-то кому-то передал, чтобы встречали. Командир наш решил его брать, а узнаем по охранению. Если впереди и сзади будут мотоциклисты, значит, важная птица. Часа через два едут. Ну, как что делать – это было отрепетировано. Наши ребята умели с тридцати шагов закидывать гранату в ведро, учебную, конечно, так что боевую в люльку мотоцикла можно, если не суетиться. Гранаты кинули, а машину трогать нельзя, нам человек живой нужен. И командир крикнул: «Не стрелять!» Из машины выскочили трое, а у нас распределено, кто бьет, потому что хором мы тут наломам дровья. Вот тут и кинулись к машине, он, падла, сумел из пистолета одного уложить, дверцу распахнули, на погон поинтересовались, кляп в рот, руки веревочкой за спиной, и побежали. Ну, то, что я вам рассказал, только в кино бывает, я диву даюсь, как они в телевизоре на ходу друг по другу очередями из автомата, и ни один не упал. Так не бывает. Не успели мы до леска добежать, а к месту захвата целый грузовик ребят подъехал, понятно, что мы с бугра, как на ладони. Выстроились они в цепочку и побежали. Командир кричит: «Их двадцать человек, надо оттянуть хоть на километр вглубь и дать бой». А мне приказывает с генералом бежать без остановки. Ну, понятно, что генерала так не гоняли, как нас майор Злотников, он у меня стал валиться. Я ему пистолет показал и зову вперед. Но сколько он мог? Еще с полчаса, и упал. И я упал. Прислушиваюсь: бой идет. Шестеро против двадцати. Если пропустят хоть троих, генерала мне придется пристрелить. Поднимаю его на спину себе, кило восемьдесят будет. Бегу. А мне же еще линию фронта переходить, а где наш проход, я уже не ориентируюсь. Но по времени догадываюсь, что где-то рядом. Привязал генерала к березе надежно, и пошел в разведку. Точно, стоит небольшое подразделение ихнее, похоже, минометчики, балакают, кофий пьют. Я назад, генерала на спину и в обход. Ночью перехватил меня наш дозор, помогли генерала доволочь, я прошу соединить с начальником фронтовой разведки полковником Трутневым. А особист уже тут: «Как это понимать, один и генерала взял с документами. Ну-ка, документы мне!» Портфель, понятно, у меня в рюкзаке, а я одно свое: «Доложите полковнику срочно: язык взят. Старшина Кукушкин». В общем, нашлись добрые люди, связались с Трутневым, тот сам на «виллисе» приехал, чуть морду не разбил особисту, а тот орет: «Проявил бдительность в сложных обстоятельствах!» Доложил я все честь по форме, что ребята, скорее всего, погибли. И тут меня снова в оборот: «А как ты живой остался?» Говорю, что командир группы приказал генерала доставить, а сам остался прикрывать. Но особисты – это такая порода, они сами себе не верят после обеда. В рыло мне, я дал сдачи, майор давай зубы считать, а рядовые свалили и мнут. В это время заходит человек, а в комнатушке полумрак, свеча горит, и все. Майор орет: «Кто такой, твою мать, почему без доклада?» Человек спичку черкнул, чтоб погон осветить: «Начальник штаба фронта генерал Табаков! Этот боец принес такие сведения, что ими заинтересовалась Ставка, товарищ Сталин дал команду самолетом доставить генерала и документы в Москву. Пойдешь под трибунал, майор. Арестовать!» А меня взял с собой, сказал, что лично товарищ Сталин приказал оформить на солдата наградные на Героя Советского Союза.

Сашко аж подскочил:

– Дак ты Герой?

Дед Архип засмеялся:

– Нет, брат, майор кому-то доводился кумом, судить его не стали, перевели в другое место, а представитель Ставки при фронте от подписи отказался. Тут через день контрнаступление немцев, и нас гнали километров пятьдесят. Какие тут награды, хоть бы штаны не потерять.

– Дедушка Архип, а почему тебя знаменосцем зовут? – не унимался Сашко. Он со стороны любовался стариком: здоровый детина с рыжей окладистой бородой и богатыми усами, за которыми совсем не виден рот.

Архип-Знаменосец покашлял и стал говорить, что вернулся с войны не сразу после Победы, потому что месяц в сводном отряде репетировал, как идти по Красной площади с немецким плененным штандартом, как круто разворачиваться и разом с другими ребятами бросать свой флажок в общую кучу. Ничего поначалу не получалось, особенно с разворотом, да и строевой шаг за войну сменили на шаркающую походку. Но полковник велел кормить бойцов вволю, час после еды отдыхали, а потом, разобрав обструганные палки с неношеными портянками, под капитанское «ать-два!» ходили по плацу, организованному на подмосковном аэродроме, круто разворачивались, мешали ряды, матерились все от рядового до полковника. Через неделю такой безделицы полковник на утреннем построении сказал, что этот проход с фашистскими знаменами будет основной частью большого парада на Красной площади, а на трибуне будет стоять Сам. Потому, если, оборони бог, что-то будет не так, как пообещали Самому, весь батальон знаменосцев, как его прозвали, лишится наград и поедет в Прибалтику и на Украину добивать бендеровцев и «лесных братьев». За три дня до назначенного времени отряд вывезли в столицу, и тренировки пошли ночами. А Архип после последней контузии стал плохо видеть в темноте, боялся, что «куриная слепота» к нему привязалась, дослуживал в помощниках у майора Злотникова и на первом же проходе порушил к едреной матери весь строй. Капитан дал команду «Стой!», быстро вычислил, кто виноват, взял мужика за грудки и притянул к себе: «Дыхни!» Капитан был отличный строевик, но он не предполагал, что может выкинуть солдат, три года проходивший во фронтовой разведке, имеющий все боевые ордена и медали, кроме командирских, к тому же не раз контуженный и урвавший воли под крылышком у начальства за очень удачных «языков». Архип напротив, вдохнул, поднял над толпой бараний вес капитана и кинул, на кого бог нанесет. Капитана поймали, он пришел в себя и, заикаясь, сказал, чтобы больше он этого бойца не видел. На другой день Архип Кукушкин поехал домой. А в письмах бабенкам, которых обихаживал не пяток ли штук, успел хвастануть, что трофейные знамена станет кидать по Красной площади. Но парад проходил, когда Кукушкин травы косил на заливных лугах для колхоза. Из пятерых только одна осталась при деле, а четыре непримиримых нежданно объединились и сдали Архипову хвастню всему бдительному обществу. С тех пор стал Архип именоваться Знаменосцем.

Архип улыбнулся и встал:

– Рыбачьте, ребята, а я домой.

Параня и Гараня вечерами тосковали до сладких девичьих слез. В клубе под потолком одна лампочка, полумрак, ни гармошки, ни песен и плясок. Матери их рассказывали, какие игрища устраивали в деревне, не смотри, что сенокос, а обмылись в теплой баньке и на площадку ко клубу. Тут тебе и Витя Андреев, гармонист не сосчитать, в каком колене, прадед его еще девок балалайкой завлекал, говорят, у него эти три струны такие мелодии выводили, что не только бабы – нетронутые девки плакали. И дед играл, начинал с балалайки отцовской, а потом гармошку из армии привез, тальянку. А отец уже настоящую гармонь освоил, трехрядную хромку, а с войны принес трофейный баян. До крайности овладеть время не хватало, надо было колхоз поднимать, но Витька подрастал, чтоб механизм не застаивался, доставал Андрей баян из футляра, и сын с полчаса меха продувал. Как-то Андрей повернул инструмент, а внизу медная табличка, и на чистом русском языке на ней выбито: «Московская государственная филармония». Андрея аж

мурашки пробрали: инструмент-то казенный, мало ли, как он тебе достался, а как честный советский человек, коммунист к тому же, должен был ты его из фашистского плена вернуть по месту прописки. Никому ничего не сказал старый боец, а в консерваторию написал: «Так, мол, и так, в освобожденном Берлине на квартире одного большого генерала увидал сей инструмент и спросил командира взвода старшего лейтенанта Соколова, можно ли реквизировать баян, потому как в родном колхозе средств не хватит такую машину купить, а после войны народ развеселивать надо, хватит, поплакали. Лейтенант согласился и бумажку написал, что бойцу Андрееву этот баян достался как военный трофей и принадлежит по праву. И только вчера я случайно обнаружил этикетку вашу и прошу мне сообщить, каким образом баян выслать обратно в филармонию». Недели через три получил он пакет, в котором директор филармонии на официальном бланке благодарит солдата за сохранение для родины этого инструмента и пишет, что решено баян этот за номером И–154 навечно подарить Андрееву Андрею как память о войне. И подпись, и печать.

Витька быстро стал инструмент осваивать, любую песню, любую музыку по радио услышит – тут же сыграет. И почему его отец на учебу не отправил? Бедность, конечно, но сестры Перышкины нахвалиться не могли Витькиной игрой. Ни одна свадьба без него не обходилось, деньгами тогда неприлично было рассчитываться, а водку Виктор не пил. Весь вечер баян с колен не убирал, а утром снова то за столом, то по улице пойдут с песней, пока хозяева со столов уберут и по новой накроют. А теперь... одна пара там, другая тут жмутся. Тоска.

– Параня, может, в самом деле взамуж выйти и жить начинать семейно, а то останемся, как матери, без мужиков.

– Ну, ихних-то женихов война оженила, а у нас какой выбор? Мне вот Венька глянется, дак он на меня ноль внимания. Абы за кого – тоже не шибко охота с нелюбимым всю жизнь под одним одеялом. Да и противно, полезет к тебе, а в душе пусто. И что? Стонать, как в кино?

Гараня помолчала. Права сестра, хоть и не приятны ее речи. Она вот за Федюшку бы пошла, да у Феди Лида есть, и не отобьешь.

Шли, разговаривали. Только с коровами управились, еще светло. Навстречу Архип-Знаменосец, высокий, прямой, бородатый.

– Здравствуйте, дедушка Архип.

– Здравы и вы будьте, красавицы.

– Да какие мы красавицы, никто замуж не берет.

– Эка причина для тоски! Возьмут, корыстны ваши годы! Это мне, старику, одному куковать.

– А почему бы вам не жениться? Мужчина вы крепкий, статный, только вот бороду сбрить, и на свадьбу.

Знаменосец засмеялся:

– Бороду брить нельзя, я с бородой с войны пришел, с бородой и в гроб лягу. Потому что лицо мое избито и изрезано в рукопашных боях с противником, его людям показывать нельзя.

В это время к ним подъехала та самая машина с теми же парнями:

– Привет, девушки. Ну, что надумали?

– Привет, привет. А ничего не надумали. Узнали мы, для какой надобности вы нас вербуете. Поезжайте дальше, а то братьев свистнем.

Парни переглянулись, один вышел из машины:

– Девчонки, подойдите поближе, не на всю же деревню базарить. А ты, дед, валил бы домой к своей старухе.

Сидевший за рулем схватил за руку Параню, вышедший сгреб в охапку Гараню и сунул в открытую заднюю дверь, перехватил орущую Параню и пихнул в машину. Чья-то сильная рука урвала его за шею и кинула на землю.

– Девчонки, вылезайте, а я с ребятами потолкую, – крикнул Архип-Знаменосец и одним движением выдернул парня из-за руля. – Ребята, так за девушками не ухаживают.

– Глеб, сделай ему, сделай, он мне руку вывернул.

Лежавший на земле Глеб поднялся и прыгнул на спину старика, нанес несколько ударов ножом в бок, Архип еще сумел перекинуть его через голову и упал на землю. Парни бросились

в машину, и она рванула с места, оставив облачко вонючего дыма. Девчонки кинулись к старику, увидели его открытые неживые глаза и отпрянули. Сбежался народ, позвонили в район. Скорая и полиция приехали через час. Полицейские записали рассказы Парани с Гараней, загрузили тело деда Архипа в скорую, и машины ушли. Народ, впервые за много лет собравшийся такой большой компанией, молчал, только изредка какая-нибудь бабенка тяжко вздыхала. Все чувствовали, что в селе не стало чего-то высокого и значительного.

– Архип Петрович был последним участником Великой Отечественной войны в нашем селе, – сказала Мария Васильевна, бывшая учительница, и заплакала. И многие утирали слезы. Село вздыхало о последнем фронтовике и обо всех своих воинах.

Через три дня, в субботу, во двор сестер Перышкиных вошли три человека, постучали в окно, напуганные девчонки запирались с раннего вечера.

– Свои деревенские мы, открывайте.

В избу вошли два брата-тихони, Антон и Артюха, и их отец, слесарь Вакарин.

– Девчонки, вы моих парней знаете, они толковые, работящие, только больно в себе замкнутые, мать их такая же была. А пришел я к вам вот по какому делу: женить вас хочу, вы сами разберетесь, которая кого примет. Девчонки, будете как за каменной стеной. Они хоть и тихие, но себя в обиду не дадут и вас тоже. Одни останутся в своем доме, одни в нашем, а я перейду к теще, она уж в больших годах, одна не может. На обзаведение хозяйством все дам, у меня припрятано на черный день. Тогда я пошел, а вы тут разбирайтесь.

Деревня не знала еще такого сватовства, чтобы молодых сразу оставили одних, да еще парами. И пары-то не определились. Девки побойчей, давай разговор заводить:

– Парни, а что это вы жениться надумали?

– Батя заставляет. Говорит, хватит дома сидеть, всех девок разберут.

– Ну и как вы будете жениться, вот мы две невесты, как поделите?

Антон, видно, посмелее:

– Параня, ты пошла бы за меня, я бы тебя к себе увел, а Артюха с Гараней в вашем дому останутся. А что про хозяйство отец сказал – все чистая правда, он у казахов на заимке скот держит, даст и коров, и овец, а птицы дома полно.

– Вы, женишки, посидите тут, мы с сеструхой пошепчемся.

Ушли в маленькую комнатку, хоть стой, хоть падай. Не было ни гроша, и вдруг алтын. И смех, и грех.

– А что, Гараня, может, это и есть судьба. Дед Архип нас от позора спас, царствие ему небесное. Парни они добрые, их только поправлять, чтобы робили то, что надо. И достаток будет. А чего нам ждать? Нет, правда? На какой-нибудь гулянке подловит молодец, трахнет и отопрется. И куда потом? Как ты, а я согласна. Обожди, мне за которого выходить-то?

Обе пали на кровать и хохотали до колик. Вернулись, парни сидели, как сидели.

Параня спросила:

– Антон, так мы прямо сейчас к тебе идем или как?

Антон встрепенулся:

– А чего тянуть? Постеля заправлена, батя уже у тещи, банька протоплена на всякий случай. Артюха пусть с Гараней остаются, а после Рождества свадьбу справим.

Утром Пашко отправил Сашко на смену, а сам пошел к учителю. Викентий Амбросимович снова стоял над электроплиткой и варил макароны. Обернувшись на скрип двери, он радостно воскликнул:

– Мой юный друг, что вы скажете про гениальную надпись на склоне горы? Это поистине историческое событие!

– А почему вас как соучастника не привлекли, Митька один отдувался?

– Ответ самый простой: Дмитрий мог работать и приносить пользу обществу, которому нанес, как некоторые считают, моральный ущерб. Я же работать не могу, а даром кормить никто не будет. Кстати, об ущербе. Жаль, что не было настоящего судебного разбирательства, где я бы доказал, что мы с Дмитрием, к сожалению, не знаю его отчества, если и затронули

чью-то мораль, то самую малость, одну мегамиллионную от того вреда, который несет массовая культура и телевидение. Так, молодой человек, вы ко мне по делу или просто навестить компаньона?

– Навестить и по делу. Надо молитву искать, потом учить.

– Искать не надо, вот она, на столе, я распечатал на старой машинке.

Пашко взял лист и начал читать:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. На море, на океане, на острове Буяне лежит сундук деревянный, в сундуке лежит ключ оловянный. Клад лежит, рогатый черт сторожит. Встану я, помолясь, выйду, перекрестясь. Бог в уме, крест на мне. Иду, спешу, глаз не поднимаю, Господа не забываю. Господи, одолей рогатого, одолей черта богатого. Рогатого побивай, богатство его забирай. Дай этот клад мне, моей грешной душе. Пусть заклятье любое разобьется, к душе моей грешной не подберется. Бог в уме, крест на мне, Божием рабе. Кто девять раз заговор этот прочтет, того ни одно заклинанье не возьмет. Дело мое крепко, слово мое цепко. Ключ, замок, язык. Аминь. Аминь. Аминь».

– Ну, как вам текстик? Особенно про рогатого. Напрасно, напрасно, батенька, улыбаетесь, если есть Бог, а он есть, стало быть, есть и антитеза, то есть, его противоположность, значит, дьявол. Его как угодно можно назвать, специалисты насчитывают несколько сот вариантов, а все равно это просто черт рогатый. Не страшно посягать на охраняемое им?

– Посмотрим, – хмуро сказал Пашко и вышел. Молитва смутила его. Он никогда не был в церкви, дома на божничке стоят две старые иконы, но кто на них нарисован, он не знает. Да и мать едва ли знала, каждую субботу протирая их и каждый вечер скоренько молясь.

Откуда у него возникла эта мысль, но первый магазин, в котором работала продавцом дальняя родственница тетка Матренка, Пашко решил взять один. Рассуждал так, что Сашко пока в это дело вовлекать не надо, а учитель еще ничего путнего в дело не внес, кроме расшифровки Соловецкой версты да устрашающей молитвы.

Ох, как не терпелось, но замок на складе ломать не будешь, вдруг там что на учете хранится, да услышит кто возню, все-таки не с девкой валындашься, а в частной собственности роешься. Если Петька-Партком узнает про клад – живьем в землю мерзлую зароет. Пришлось хитрить. Ночью тихонько спрятал около сарая лом, лопаты штыковую и совковую, фонарик приготовил. На другой день после обеда зашел к тетке Матренке:

– Тетка, ты во сколько закрываешься?

– В семь, но седни раньше уйду, спину прихватило. Разрешил барин.

– Не любят его в деревне...

– А за что любить? Ты торгуй, но меру знай. Ухватит за рубель, на продажу ставит за два. От людей стыдно. А зарплата? Поневоле воровать начнешь. Ладно, чего тебе?

– У тебя в сарае за магазином никаких бумаг нет? Прямо беда, кочегарку разжечь нечем.

– Пашко, да я там и не была ни разичку. Вот ключ, сходи, погляди, что найдешь – все твое.

Пашко с трудом открыл заржавевший замок, протиснулся, притянул обратно дверь, кинулся к середине стены. Ворох старых мешков и бумажных коробок распинал ногами, лопатой расчистил место. Навострил штыковую, приступил ногой – вся вошла в сухой грунт. Сердце бешено колотилось, но не надо спешить. Инструменты спрятал, замок оставил открытым, ключ унес тетке Матренке, поблагодарил за бумагу.

– Не мешал я тебе, когда там ящики разбрасывал? – спросил между прочим.

– Ничего не слыхать, тут же метровые стены, не то, что в наших двухквартирниках, да еще спальню к спальне сделали, стыдоба. Мой после первой же ночи, как наслушался Федоркиных охов да ахов, кровать в детскую перетащил, а для ребятишек кошму у казахов купил во всю стену да ковром завесил. Ладно, иди, закрываю я.

Пашко приготовил длинную веревку, пришел после управы, когда все по домам и магазин на клямочке, вбил гвоздь в косяк, привязал веревку и аккуратно обошел магазин, просовывая веревку в щели между стеной

и складом. Завязал на веревке узел, чтоб не потерять результат. Пришел в котельную, Сашку ничего не сказал, за столом вычислил, что осталось ему за вычетом шести полных охватов намерить двадцать пять метров и еще треть. Пашко чуть не вскрикнул: ширина магазина пятнадцать, длина двадцать, значит, зарыт клад ровно посередине задней стены. Вот идиот этот месье, придумал всякую хрень, нет, чтобы прямо сказать: ребята, ройте посередке!

Пашко вернулся в сарай и стал неистово рыть. Сухой грунт осыпался, пришлось устье расширять, согнутой совковой лопатой вынимать землю аккуратно.

«Сволочи кулацкие, какая нужда была загонять на метр? Если кто и догадался, то хоть на пять, все равно выроют». Взмок, полежал, понял, что придется для себя площадку заглублять. Прилично ушел в землю, размеченной палкой ткнул: ровно метр. «Твою мать, а как вовнутрь-то рыть? И сколько? Сказано было, чтобы не материться, а я гоню. Тьфу, про молитву забыл. Нет, не я буду, если не добьюсь. И платформочку-то под ноги надо было спереди делать, а не сбоку. Сейчас бы и вовнутрь легче было».

Рыл неистово, кухонным ножом колупая слежавшийся грунт, с головой опускался в яму, выгребая горстями комочки. Голова кружилась, пот заливал лицо. Захватил полную грудь воздуха, опустился в яму и... сорвался. Одна рука внизу, другая зажата между стенкой и телом. Пашко сильно испугался, орать – опасно, да и бесполезно, кто услышит? Поймал черен лопаты, упер ее в днище ямы, левой рукой оперся о землю, правой подтягивался на черене. Подтянулся еще, сломал ногти на левой руке, пытаясь хоть как-то ухватиться за стенку. Вроде удалось, с трудом вылез из ямы и упал на спину.

«Надо бы за Сашком сходить, он со свежими силами», – подумал и отказался: сам начал, сам и доведу до конца. В метре от стены начал копать ступеньками до самого дна, вот тут и вовнутрь пошло ловчее. Копал большим ножом, под уклон, как нижняя перекладина креста. С трудом выгребал землю, и она уже мешала, хоть вылезай и снова выгребай наверх. У парня сердце екнуло: ножик уткнулся во что-то мягкое и податливое. Он уже смело лег на живот, зная, что по новому проходу сумеет выбраться, и засунул руку в нору. Ухватил что-то мягкое, потянул, выволок небольшой кожаный мешочек. Сунул его под мышку и включил задний ход. Отдышался, сел на краю канавы, достал мешочек и осветил фонариком. Несколько десятков монет. Вынул одну, протер – блестит. Золото. Бросил монету обратно, мешок спрятал в карман фуфайки. Хотел было закидать яму, и вдруг подумал: «А если там не один мешочек? Что же я дурку гоню! Надо искать».

Как потом хвалил себя Пашко, потому что еще два мешочка выволок, только там было золото плашками. Яму он с трудом завалил и побрел домой. Аниска встретилась по дороге:

– Привет, Пашко. Ты что такой грустный?

– Устал на работе.

– Ой, не заливай. Какая работа? Я в котельную заходила, Сашко там с ребятами в карты режутся. Я ему мигала-мигала – все по фиг, одни козыри на уме. Слышь, Пашко, давай, я тебе подмигну?

– Нет, Аниска, никак не могу сегодня, еле ноги волочу.

– А ты с каких это приисков, полные руки инструментов?

– Ты не поверишь, Аниска, с золотых.

Аниса весело захохотала и побежала искать свои приключения.

Пашко спрятал под кровать мешочки, завернутые в старую холщовую тряпицу, и уснул тяжелым сном.

Ему поочередно приснились Викентий Амбросимович, черт и голая Аниска. Таратутов, ставший безобразно полным и медлительным, сразу объяснил перемены неумеренным питанием, потому что голуби содержат в своем мясе еще не открытое учеными вещество, сильно влияющее на мужскую силу, а коли у него нет выхода этой энергии, вся она скапливается и однажды вырвется на волю.

– Вот тогда, тогда, – грозно произнес учитель, – пусть Мякеша будет готова к великим испытаниям, я отомщу ей за поруганную мужскую честь.

Таратутов рассуждал, как будто клад уже найден:

– Куплю себе новые туфли, пошью костюм с отливом – и в Ялту!

Пашко уже слышал когда-то эту фразу, но представить Амбросимовича в новом костюме не мог. Потом появилась Аниска. Правда, не совсем голая, на ней был перстень с блескучим камнем и цепочка на шее с большой Сашкиной фотокарточкой с комсомольского билета. Она села напротив на шаткую табуретку и положила ногу на ногу. Мощные груди, которые Пашко до этого видел только через кофточку, нагло топорщились и дразнились. Он сразу понял, что Аниска пришла его охмурить и утащить холщовую тряпку с золотом. Девка не без умысла молча перекидывала ногу на ногу, и тогда еще более соблазнительное видение являлось бедному парню. В это время заорал кот, упавший с полатей на горячую плиту, и Аниска исчезла. Но дел она натворила, Пашко повозился в постели, завыл и пошел колоть дрова. Чуток охлынув, вернулся и снова уснул. Сразу краешек одеяла приподнял какой-то урод со свиным рылом и хихикнул:

– Узнал? Эх, Пашко, зачем ты полез за чужим? Сказано тебе было, что я его поставлен охранять, нечто ты не знаешь, на что черти способны? Я вмиг могу превратить тебя в зверя любого или, того хуже – в депутата. Я, правда, не знаю, кто это есть, но по тому, как матерят их мужики, думаю, наказание будет ужасное. А еще могу превратить твои монетки и слитки в говно, круглое и плиточками.

Черт заржал диким хохотом и рванул через печной чувал на волю. Пашко еще подумал: «Как это он? Ведь вьюшка закрыта!» А потом вздрогнул: что с золотом!? Свалился с кровати, выдернул тряпицу, развернул, а оттуда завоняло. Пашко заплакал и проснулся. В самом деле проверил тряпицу – все в порядке. Мелкая дрожь колотила его. Грешным делом, явилась было мысль, что зря связался с золотом, говорили добрые люди, что от него одни неприятности. Посочувствовал новым русским, живущим в роскоши и богатстве, как же они спят, бедные, если им черти каженную ночь являются, они ведь тоже золотишкото не сами сыскали или добыли, оно, считай, уворованное и к тому же без молитвы.

Чуть рассветало, пошел к Викентию Амбросимовичу. Тот сидел в жарко натопленной избе и теребил курицу.

– Что это вы от голубей отказались? А говорили, что самая полезная птица.

– Не оспариваю, но, знаете, и шоколад, говорят, приедается. А вчера пошел погулять перед сном, слышу: у Мякеши уж больно шумно в курятнике. Я же расположение знаю, открыл дверь, посветил фонариком: ласка трех штук задавила и четвертую душит, кровь пьет. Понятно, во мне она конкурента сразу увидела, я грешить не стал, трех курочек, еще теплых, за лапки и домой.

Пашко начал издалека:

– Вот, Викентий Амбросимович, случись так, что золотишко действительно есть, и немало. Что вы с ним собираетесь делать? Жрать его не будешь, тетка Матренка на кусок золота даже булку хлеба не даст, она его знать не знает. И куда мы с ним? Богачи – голодные и оборванные.

Таратутов с ненавистью вытаскивал из куриной тушки перекушенное горло, Пашко схватил нож и, отпихнув руку учителя, отпластнул шею.

– Ее же ласка жевала, она может быть бешеная.

– И что? Больше, чем я имею, бешенство мне не грозит. К тому же шейка – самое нежное мясо. Ладно, прощаю. У меня еще две.

– Так что о золоте?

Викентий Амбросимович тщательно вытер руки, сунул курицу в кастрюлю с водой и включил электроплитку.

– Понимаете, сын мой, есть несколько путей реализации драгметаллов. Назову наиболее доступные вам. Во-первых, можно пойти и сдать все в органы, кстати, вы и обязаны это сделать, иначе конфискация и тюрьма.

Пашко, плохо понимая, переспросил:

– А что страшней – тюрьма или конфискация?

Учитель хмыкнул:

– Обе страшнее. По закону нашедшему полагается двадцать пять процентов от стоимости клада и столько же владельцу земельного участка, на котором найден клад. Это я вычитал в новом законе демократов. Конечно, можно утверждать, что клад нашел в собственном туалете, тогда надо три свидетеля. К тому же вас непременно обманут, потому что в государственных органах не может быть людей, способных решить дело без корысти. Второй вариант. Сдать золото в банк. Не в нашу сберкассу, а в областной банк. Но тут есть проблема. У вас могут поинтересоваться, откуда дровишки? А тогда опять конфискация и тюрьма. Наконец, фарцовщики. Но, даже если вас с ними сведут, они посмотрят на жалкое крестьянское происхождение и опять же ограбят.

Пашко не выдержал:

– Что вы заладили: ограбят, обманут, посадят. Слушать тошно.

Помешивая варево и снимая поварешкой накипь, учитель усмехнулся.

– Вы зря волнуетесь, молодой человек. Не исключено, что бывший купец, точнее, его наследник, просто пошутил, вы будете рыть, а там пусто.

Пашко насторожился:

– Это как прикажете понимать, месье Таратутов? «Вы будете...» А вы?

Месье смахнул слезу:

– Понимаете, друг мой, мне поздно тетешкать мысль о благополучии. Если уверую в чудо, душа моя взлетит, а вдруг фикция – я просто не перенесу.

Пашко стало так жалко старика, что он едва не проговорился, но воздержался, потому что дал себе слово только тогда открыться, когда можно будет дать каждому его долю рублями.

– Ладно, не горюйте, до лета еще далеко, – успокоил кладоискатель.

– Причем здесь времена года, позвольте вас спросить?

– А как зимой землю долбить? Нет, только летом, когда грунт отойдет, в июне, не раньше.

Хозяин сошвыркнул из деревянной ложки глоточек бульона, остался доволен, засыпал в кастрюлю крупные куски чищеной картошки, прибавил накал спирали и сел к столу.

– Я просил вас точно указать на схеме, где ввод электропроводки в магазины. Что скажете?

– Ввод с левой стороны по ходу. И что?

– Вы видите электроплитку? Под действием тока происходит нагревание металла. Если мы найдем приличную круглую штуковину и через хорошо просчитанную схему подключим ее к сети, то эта штуковина...

– Люк от водопроводного колодца! У нас в котельной пара валяется! – крикнул Пашко.

– Гениально! Я должен знать массу этой крышки, проще сказать – вес, а потом надо садиться за расчеты и искать нужные материалы. А именно: медный кабель, сопротивления, предохранители. Это я все напишу.

– Аниски Кургузкиной отец электриком служит в комхозе. Найдем.

Дома Пашко закрылся на крючок, высыпал содержимое мешочков в большую чашку и стал промывать теплой водой с мылом. Вымытые плитки и монеты выкладывал на чистое полотенце, потом протер, сложил в материн старый платок и сунул в старый сапог, оба они давно валялись в подполье. Здесь никто не найдет, Сашко вообще в подпол не лазит, даже за картошкой. Три монеты завернул в тряпочку, одел приличный костюм, ботинки, курточку китайскую теплую, взял документы и пошел на выезд из деревни. Первый же грузовик остановился:

– Далеко ты прифраерился? – спросил водила Мишка Японский Городовой.

– В военкомат вызвали.

– В армию заберут? – посочувствовал Мишка

– Не знаю. Может, оставят.

– Ага, на племя. Из вас двоих лучше Сашко оставлять, он, говорят, полдеревни девок огулял, – похвалил Мишка.

– Болтают. Когда ему гулять, он из котельной не вылазит.

– Ты там долго?

– Не знаю, – коротко ответил Пашко.

– Смотри, а то я через пару часов обратно. Дарма довезу. Я у газпромовской конторы буду. Найдешь.

Пашко вышел на повороте и быстро пошагал в сторону банка. Народу в зале немного, постоял, почитал красивые листочки, случайно увидел, что банк золото закупает. Аж ахнул: ну, катит ему сегодня! Подошел к окошку, за которым сидела молодая симпатичная девушка.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Слушаю вас.

– Я вот прочитал объявление, что вы золото покупаете.

– Это не ко мне. Гуля, к тебе клиент! – И Пашко равнодушно: – Пройдите к третьему окну.

Гуля, казашка, тоже молодая и красивая, вежливо поздоровалась:

– Слушаю вас.

– Я бы хотел сдать золотые монеты.

– На хранение? – спокойно спросила.

– Нет, за деньги.

– Покажите монеты.

Пашко осторожно положил в лоток три кругляша. Гуля взяла монеты, долго рассматривала, включала какие-то аппараты, потом взвесила и подняла глаза:

– Вы знаете, банк купит ваши монеты, но это не простой процесс, к тому же вы заплатите налог. В общем, в результате, если все нормально, вы получите вот такую сумму.

Она написала цифры на бумажке и показала через стекло. Пашко кивнул. Она поманила его пальцем ближе к окну:

– Я могу купить эти монеты прямо сейчас, для себя, вы, наверное, знаете, что казашки любят золотые украшения. Я дам вам вот такую сумму.

Опять листочек с цифрами.

– Это чуть меньше, чем банк, но никакой волокиты. Я даже паспорт ваш не спрашиваю, потому что монеты действительно настоящие. Вы согласны?

– Прямо сейчас? – испугался Пашко.

– Да, я только сниму деньги с карточки. Монеты пока можете взять.

Пашко трясло. Таких денег, какие написала эта девчонка на листочке, ему в котельной за десять лет не заработать. И это только три монетки! А у него их тридцать! У парня закружилась голова, он сел на стульчик. Скоро пришла Гуля.

– Вот, смотрите, это счетная машинка. Я закладываю пачку, она считает. Видите сумму? Все сходится, правда? Вы довольны? Только прошу вас о нашей сделке никому не говорить. Меня уволят с работы. Извините, а вы не можете достать еще несколько монет? Я бы купила их по той же цене.

Пашко помялся.

– Я пока ничего не могу сказать, но если что-то будет, я к вам приду.

Гуля спросила:

– Извините, вы куда с такими деньгами? Давайте положим их во вклад, а прямо сейчас оформим банковскую карту, и на ней будут храниться все ваши средства. Согласны?

Она принесла бланки, что-то набирала на компьютере, сделала копии паспорта, спросила, сколько он хотел бы оставить себе, остальные занесла на счет. Пашко где-то расписался, получил голубенькую сберкнижку, пачку денег спрятал во внутренний карман пиджака.

– Спасибо вам, – улыбнулась Гуля из-за стекла. – За карточкой приходите через три дня.

Молча менялись сменами с Сашко, ни тот, ни другой не заговаривал о кладе, хотя вместе оттирали от ржавчины водопроводную крышку, вместе ходили в магазин к тетке Матренке, чтобы она взвесила эту штуковину. Тетка ворчала, но прибодрила железяку и назвала вес. Пашко записал. Братца отправил к Кургузкину, чтобы он завтра подтащил к котельной свой сварочный аппарат, а расчет на месте. Пашко припрятал две бутылки водки и позвал Викентия Амбросимовича, чтобы он руководил сваркой. Кургузкин осмотрел крышку и прямо спросил:

– Мужики, если вы самогонный аппарат решили сварганить, то крышка не годится. Говорите прямо, что надо изобразить?

– Понимаете, господин Кургузкин, надо к этой крышке прикрепить два медных кабеля, чтобы она была вроде кипятильника.

Кургузкин посмотрел на учителя, как на ребенка:

– Сразу закоротит, и амба. Нахрена вам такой кипятильник?

– Нет, позвольте, товарищ Кургузкин, научный эксперимент. Мне известно, что надо в сеть включить целый ряд приборов, но каких – научите! Вы же профессионал!

– Знамо дело, что не учитель. Надо, чтобы эта хрень раскалялась до красна?

– Нет, до красна не надо, это опасно, а вот чтобы черная и очень горячая.

Кургузкин огляделся, видимо, соображая, кто будет рассчитываться. Пашко кивнул: расчет на месте.

– Тогда плесни мне сто пятьдесят, а я доеду до своей каптерки, подберу, что надо. Но, ребята, имейте в виду, линию садить будет прилично.

К вечеру полупьяный Кургузкин все сделал в лучшем виде. Тут же подключили конструкцию, плита за пятнадцать минут накалилась, аж вода отскакивала, не закипев. Получив полный расчет, Кургузкин пошел заводить трактор. Пашко вышел за ним следом.

– Про эту конструкцию никому, понял? Если кто-то на напряжение будет жаловаться, вали на трансформатор или замыкание, но про нас ни слова. А за молчание я тебе хорошо заплачу. Будет все хорошо – Сашка на Аниске женим, у них вроде как любовь.

– Пашко, жени, жени от позора. Вчера мать сказала, что дочь вроде на соленое поворотило, а это херовая примета.

– Не паникуй, все уладим. Она от братка и подхватила, больше некому. Я-то знаю, что они у нас курдаются. В общем, язык прижми, и все в наших руках. Ты меня понял? Смотри, дело очень серьезное.

– Да понял, Пашко, понял, ты хороший парень, я и отца твоего уважал.

Из двух оставшихся магазинов Пашко выбирал наиболее удобный. У хозяйственного задняя стена совсем голая, начнешь возиться – с соседней улицы увидят. К мебельному вообще не подобраться, за магазином дорожка протоптана, ребятишки напрямую в школу ходят. Вечером братцы пошли к хозяйственному с лопатами хотя бы снег разгрести, добрались до земли, вокруг выложили бруствер из снежных кирпичей. Если что – будто ребетня играет. Приволокли конструкцию, толстый медный кабель закрепили в зажимах, стянув болты, Пашко взял стремянку, Сашко притянул два конца кабеля. Пашко крючками согнул оголенные концы и полез к вводу, подвесил один провод, осторожно завел второй. Сноп искр, и тишина. Пашко спрыгнул с лестницы и кинулся ко крышке. Сашко отодвинул, не дай бог – наступит. Посветил фонариком, а из-под крышки уже пар идет.

– Сашко, ничего не трогай, я все лишнее унесу и усну пару часов. Потом сменю тебя.

Дома поел холодного мяса, сказал, что у друга подешевке купил. Выпил кружку горячего чая, прилег на кровать. Он до сих пор не сказал компаньонам о первом кладе, иной раз порывался, но останавливался. Правда, были и оговорки: вот возьмем второй, тогда и разберемся. А мысль грызла: нет второго и нет третьего – тогда как? Конечно, все поделим на троих, о чем может быть разговор? Так думал, только резко отгонял эти мысли.

Он проспал четыре часа, к магазину прибежал уже в два ночи. Сашко еле жив от холода, но улыбается: крышка на четверть ушла в землю.

– Ты иди домой, завтра твоя смена, а я потом отключу установку и вычищу грязь. В семь часов подбежишь, надо агрегат домой утащить и землю снегом закидать.

Пытался греться над крышкой, но мешал теплый пар, потом было еще холоднее. Выскакивал на улицу и пробегал метров по триста в обе стороны. Грело золото в метре под ногами, грела сберкнижка, даже несколько хрустящих бумажек в кармане нательной рубашки.

Приволок стремянку, поднялся, аккуратно потянул кабель, опять сноп искр, снял второй, все утащил за магазин. С трудом вытащил крышку, хорошо, что учитель посоветовал приварить по центру скобу. Лопатой стал выгребать грязь и укладывать ее в подготовленную в снегу яму. Когда дошел до мерзлоты, череном лопаты замерил глубину: неплохо, сантиметров

тридцать. Выматерился чуть не вслух: надо утеплить ямку, чтобы не промерзало дальше. А чем? Побежал домой, ухватил несколько драных половиков, фуфайку, вернулся с санками, все тряпье спихал в яму, сверху закидал снегом. Грязь тоже завалил. Сложил все на санки и пошел домой. Подумал: надо утром проверить, хорошо ли замаскировал, лег, не раздеваясь.

Будильник звякнул, Пашко кинулся к магазину. Светает, огляделся, нырнул за угол, бруствер стоит, все снегом усыпано. Остался доволен. Дома снял железное ведро с плиты, налил в таз горячей воды, голову вымыл, лицо с мылом, по пояс обтерся влажным теплым полотенцем. Одел все чистое и теплое, вынул из схрона пять монет и пошел на автобусную остановку. Людей немного, холодно, все молчат. В банк заходил смело, была какая-то уверенность, что он имеет право заходить в этот банк, здесь его деньги хранятся.

Гуля встретила его улыбкой, как старого знакомого:

– Ваша карточка пришла, я помогу вам перевести деньги со сберкнижки на карту. Эта машина называется банкомат. Вводим счет сберкнижки, номер вашей карты, переводим всю сумму. Так, теперь откройте конверт, мне не надо показывать, и никогда никому не показывайте и не говорите ваш пароль. Видите, там четыре цифры. Вы их вводите вот в это окно. Теперь осуществляем перевод. Все прошло. Введите еще раз свой код. Нажмите слово «Баланс». Банкомат показывает вам, что все деньги поступили на вашу карту. Если вам потребуется снять деньги с карты, обратитесь к дежурному консультанту, вам помогут. Так, никаких новостей нет?

– Есть, – кивнул Пашко.

– Пройдите в кабину. Сколько?

– Пять штук.

– Отлично. Цена та же. Мне надо с полчаса, чтобы собрать деньги. Ровно в одиннадцать приходите.

Гуля при нем пересчитала банкноты и в спецкабинете, где обычно снимают и вносят деньги большие люди, помогла положить их на карту. Заставила проверить баланс: да, вся сумма поступила.

– А если я потеряю карту?

– Запишите телефон, позвоните, карту тут же заблокируют, и никто не сможет ею воспользоваться. У вас хорошая память? Запомните код, эти четыре цифры, или запишите так, чтобы никто не мог догадаться. Всего вам доброго. Да, если у вас что-то появится, вот мой телефон, позвоните, я буду готова.

Из банка пошел искать стоматолога, слышал, что эти люди покупают золото и делают из него зубы для богатых. Спросил одного-двух, указали дорогу. Переждал нескольких клиентов, вошел.

– Раздеваться надо хотя бы в коридорчике, там вешалка, – проворчал врач.

– Я на минутку. Мне надо продать золото, – спокойно сказал гость.

– Понимаю. Кольцо, серьги?

– Слиток, – еще спокойней и ровнее ответил гость.

У стоматолога сползла повязка и скособенились очки.

– Слиток? И откуда он у вас?

– До свидания, – сказал Пашко и повернулся.

– Обождите! Я не то хотел спросить. Он большой?

Пашко подумал:

– Скорее всего, вас устроит двадцать пять граммов.

– Очень интересно. Когда вы его принесете?

– Меня интересует цена, – деловито ответил гость.

– А меня проба.

– Проба стоит на слитке, 96, высшая по царской шкале, я смотрел в справочнике. И ей нельзя не доверять, это клеймо Императорского Банка России. Я имею в виду царскую Россию.

Стоматолог остолбенел:

– И сколько вы можете предложить?

Пашко явно играл, ему нравилось быть хозяином положения, диктовать свои условия:

– Сколько вы способны оплатить?

– Принесите экземпляр, я посмотрю.

Пашко кивнул, вроде пошел, но обернулся, сказал спокойно:

– Только имейте в виду, я буду не один, так чтобы без фокусов.

– Напрасно беспокоитесь, я дантист, а не бандит.

– Вот и хорошо. Я приду послезавтра в десять утра.

Пашко уже заметил, что стал меняться, появилась уверенность и даже самоуверенность. Ты посмотри, как он сегодня разговаривал с Гулей – как с равной, если в прошлый раз он был унижен просьбой купить монеты, то сегодня она уже интересовалась и заглядывала в глаза. Будь она русской, Пашко непременно подумал бы, что вместе с монетами ее интересует и их обладатель, но Гуля казашка, она и думать не смеет о русском женихе, как бы он ей ни нравился, к тому же, похоже, она на собственную свадьбу собирает богатое монисто. А может, и того проще: купила за одни деньги, поехала в Казахстан, продала за другие.

А зубодер! Как он нагло встретил и как ласково проводил до самых дверей! И все это – деньги. Деньги делают человека человеком! Вот в чем смысл! Кто он был вчера? Кочегар из деревенской котельной, сирота без роду и племени, неуч с восьмилеткой. А сегодня? Он может купить машину покруче вон той, может отторговать особняк в райцентре. Может! Но как? Ведь непременно найдутся людишки, которые капнут куда следует, и как потом объяснять появление в пустых карманах миллионов?

Но ведь надо сперва поделить эти миллионы. Таратутову можно дать немножко, и он будет доволен. Сашко тоже не особо соображает в этих делах, женить его на Аниске, домик купить в районе, машину со временем, а сослаться на богатое приданое, которое дал за дочкой любящий отец.

Опять вперед забежал! Надо сначала добыть клады еще в двух местах, дело, кажется, пошло. Сегодня ночью придется снова греть. С вечера все направить, оставить Сашко дежурить, а к утру идти завершать.

Когда Пашко выложил на стол всю еду, которую купил в районе, Сашко засмеялся:

– Браток, ты не под клад ли взаймы хапнул? Смотри, а если облом?

– Не боись, аванс выпросил у бухгалтера, годовщина завтра матери моей.

Сашко сник. И брата обидел неуместной шуткой.

Выпили по сто граммов хорошей водки, поужинали. Сашко аж заотпыхивал, давно так не ел. Брат толкнул в плечо:

– Губу не раскатывай, что под одеяло и Аниску ждать. Ты у нее приспросись, с кем она до тебя гарцевала.

– Ты что, братуха? Ни с кем.

– Сашко, это твои заморочки, ни с кем, значит, только с тобой. Тогда поздравляю тебя, папаша, Аниска беременна, отец проболтался. Да не смотри ты на меня так! Я же не против. Девка она и в самом деле славная. Короче, одевайся, пошли работать.

Настроив все оборудование, Пашко забежал к Викентию Амбросимовичу. Тот лежал на продавленном диване и под мощным уличным фонарем, укрепленным на стенке, читал старую «Роман–газету».

– Чем обязан вашему позднему визиту? Как работает наш аппарат? Я хотел сходить, но привлекать всеобщее внимание к нашему уникальному проекту воздержался. Говорите же!

Пашко спешил, надо было немного поспать, потому сказал кратко:

– Все работает, но медленно протаивает земля. Не могли бы вы сказать, на сколько сантиметров промерз грунт?

– Одну минутку, я подниму старые записи. Так, на средину декабря... Видите ли, тут зависит от толщины снежного покрова.

– Ищите: снега семьдесят сантиметров, – подсказал Пашко.

– Извольте. Нынешняя осень похожа на осень... 1997 года. Значит, пятьдесят сантиметров, мой любезный друг.

– Благодарю за информацию. Сегодня мы должны пройти мерзлоту.

Проснулся от того, что кто-то толкал его в плечо. Очнулся – Сашко.

– Пашко, перестала греть.

– Давно?

– Не знаю. Я понял потому, что пар не идет.

Оба бегом побежали на объект. Пашко встал на колени и щупом поискал фазу – нету. Схватил стремянку и кинулся к боковой стене. Один кабель лежал на снегу, не доглядел, оставил

несколько жилок провода – перегорели. Зачистил изоляцию, загнул крюк, полез на стремянку. Сноп искр, Пашко скатывается с лестницы и бежит к яме. Щуп сразу находит фазу.

– Сашко, иди спать, я дождусь утра.

Он положил черенья двух лопат поверх ямки и накрыл тряпками: все тепло остается внутри, скорей прогреет. Дойти бы до талого грунта. А там легче. Ступеньки выдолбил, чтобы под фундамент легче было пройти. На это еще ночь. А сил нет. Одно согревает: есть золото, оно мое, даже если тут ничего не найдем – гори оно все синим пламенем! Опять бегал по улице взад и вперед, опять промерзли ноги. Какие унты он видел сегодня на рынке! Но как купишь, на какие шиши? Как брательнику объяснишь? Он тоже ходит в старых пимах с галошами, в котельной иначе нельзя. В шестом часу отключил провода, собрал все на санки, вычистил оттаявшую грязь, аккуратно сложил ее в снег и привалил сверху. Расчистил возле ямы грязь, присыпал снежком, встал на колени, ножом дотронулся до дна. Нож вошел в землю! Это большая удача. Быстро столкал в яму тряпье, насыпал бугор снега, отвез санки с оборудованием и инструментами, вернулся, осветил фонариком – все в полном порядке. Довольный, потащился домой.

На встречу со стоматологом взял с собой Гошу Семиколенного, такое прозвище было у его отца, и у деда, и трое его ребятишек отгаркивались на этот странный зов. Гоша был высок ростом, голос имел грубый, словно в трубу говорил, а сила была в нем такая, что, случись где буксануть его «жигулям», он цеплял веревку за передок и выволакивал машину на чистинку. Мужики все говорили:

– Тебе, Гоша, надо в город ехать, в цирк устраиваться. За такие фокусы там добрые деньги платят.

Гоша отмахивался:

– Да ну вас! У меня дома свой цирк, только вот клоуна не хватает.

Поехали на Гошиной машине, Пашко предупредил:

– Стоишь и молчишь, молчишь и стоишь. Когда надо будет, я тебе подскажу.

Гоша внимательно смотрел на дорогу и требовал конкретности:

– Если в рыло кому – за всяко просто, если мебель перевернуть – как два пальца об асфальт. Ты только скажи, за твои деньги я весь райцентр раком поставлю.

Зашли в стоматологию, Пашко только сейчас обратил внимание, что она сделана в двухэтажном доме, квартира бывшая перепланирована. Пашко ждать не стал, открыл дверь, врач поднял голову:

– Одну минутку, я сейчас закончу.

А уже через минутку:

– Пожалуйста, входите.

Пашко вошел, и Гоша тоже, но, показав его зубодеру, приказал быть в коридоре и ждать.

– Охрана? А вроде без оружия.

– Ему не надо оружие, опасно. Он только рявкнет, все, кто в силах – убегают, а остальные мочатся.

Стоматолог хихикнул. Пашко подал ему брусочек. Врач долго рассматривал его под лупу, потом хотел уйти в соседнюю комнату.

– Брусочек оставь, – спокойно попросил Пашко.

– Но мне надо проверить... – залепетал доктор.

– Вот тут и проверяй.

– Тогда пошли вместе.

Понимал толк в металле стоматолог, и из пипетки капал, и под светящийся аппарат клал, потом обтер тряпочкой, вернул хозяину.

– Ваша цена?

Пашко назвал цифру на десятину меньше, чем в банке. Врач подавил кнопочки на телефоне, попросил скинуть двадцать процентов.

– Нет, – сухо ответил Пашко и встал.

– Молодой человек, это золото незаконного происхождения. Если я вызову милицию...

Пашко улыбнулся:

– Не успеешь. Гоша убивает на раз. А когда милиция приедет убрать твой теплый труп, Гоша промычит, что ты ему сверлил зуб и сделал больно, вот мужик и не удержался. Послушай, лекарь, ты делай свое дело, этой пластинкой ты стольких дурочек осчастливишь и столько бабла соберешь,

что сам меня искать будешь, не продам ли еще.

Хозяин вроде одумался, предложил записать телефон и позвонить через неделю. Есть несколько коллег, которые обязательно заинтересуются столь чистым металлом.

– Вы знаете, меня восхитило клеймо Банка Российской Империи. Не искушайте: это клад?

– Да ну, какой клад. Старый туалет чистил, вот и выпали, – с улыбкой ответил Пашко.

– Да, от вас лишнего не услышишь. Значит, я жду через неделю.

– Интересующихся предупреди, что торговать будем в банке, через их аппараты. Деньги на карточку, товар в салфетку. И чтоб без фокусов. Я в любом случае выкручусь, а потом с Гошей в гости домой приду. Не пугаю, предупреждаю.

Позвонил Гуле и объяснил ситуацию, что есть клиент, обещал еще подогнать своих, но опасно, народ битый, нельзя ли как-нибудь через кабину?

– Вы можете сейчас зайти ко мне? – спросила она.

Встретила с улыбкой, указала на кабину, сама прошла на рабочее место. Широко открыла стекло.

– Вас зовут Павел? – с улыбкой спросила она.

– Павел по паспорту. А так – Пашко.

– Странное имя.

– Не я придумал, – ухмыльнулся парень.

– Извините, Пашко. Я не совсем поняла: вы хотите кому-то продать монеты? Я же просила подождать. Скажите, это строго между нами: у вас их много?

– Сейчас штук двадцать пять, – равнодушно ответил он.

Гуля испуганно всплеснула ручками:

– С ума сойти, это же целое состояние. А почему вы уточнили: сейчас?

Пашко усмехнулся:

– Думаю, будет больше.

Гуля испуганно на него посмотрела:

– Пашко, разве это подделка?

Парень испугался:

– Что вы, Гуля, все натуральное. Но есть слитки, которые хотят купить стоматологи. Только я боюсь, обманут, потому просить хотел, чтобы вы помогли.

Гуля задумалась.

– С моей стороны вроде ничего незаконного нет. Только вы их предупредите, что слитки будут у меня, деньги считаю я и сразу перевожу на карту, а золото отдаю им. Так пойдет?

– Конечно! Не сомневайся, Гуля, царской монетой, если все срастется, я тебя одарю. К тому же ты мне еще в одном деле потребуешься. Я потом объясню. Только говорить бы надо не в банке. По-моему, со мной тут уж начинают здороваться.

Гуля засмеялась:

– Не смущайтесь. У нас порядок такой.

– Гуля, давайте на ты перейдем, неловко как-то с такой красивой девушкой официально разговаривать.

Гуля стала над столиком и наклонилась к окошечку.

– Я согласна. Но только за пределами банка. И купите себе мобильный телефон, вот мой номер, звоните, буду рада. А наши собирают деньги, монеты очень им понравились.

Вернулся домой, кинул брату теплые сапоги и костюм утепленный, охотничий. Сашко глянул с испугом:

– Брат, в долги влазишь, а если пусто? Чем отдавать.

– На том свете угольками. Одевай и не думай. Вечером рыть пойдем.

– Я топор, который к лому приварен, выточил, им ловко долбить. Свой топор подладил, земля есть земля.

Пашко вытянулся на кровати:

– Спуск сегодня – кровь из носу – надо сделать. А уж потом в глубину.

– Брат, а если нам потом талую землю буром? Связисты ямы под столбы сверлят.

Пашко оживился:

– Молодец. Найдешь надежного, под вечер заберем и утром вернем. Может, и не одну ночь придется покрутить.

С буром пришлось повозиться, рукоятка то и дело задевала стену, Сашко уже сбил всю руку, крутить начал Пашко, осторожно обходя стену и со всей силы углубляя снаряд. Через десяток минут работы вынимали бур и стряхивали землю. Потом сменили занятие. Сашко сбивал край

ямы, начиная формировать канаву в сторону от стены, чтобы можно было лечь и внизу работать руками. Глина подавался плохо. Пашко сменил брата с топором, приваренным к толстому лому. Долбили и менялись, менялись и долбили. Вымотались так, что Пашко принял лом и не удержал:

– Все, брат, сил нет.

Яму забросали тряпьем и фуфайками, укрыли досками, уложили комьями снега, сверху присыпали снежной пылью. Дома обмылись, поужинали. Пашко налил по полстакана водки.

– Это с устатку. Ты завтра спи, я пойду на смену.

Пашко расправил старенький, еще дедушкин тулупчик на русской печи и лег на спину. В пояснице стояла неприятная ломота.

– Сашко, у тебя спина не болит?

– Болит.

– А что молчишь?

– А что мне, петь, что ли?

Пашко спрыгнул на пол и затолкнул братана на печь. Он слабее, только не скажет. И про клад молчит. Неужели не интересно поговорить об этом?

– Сашко, как будем клад делить?

Тот долго молчал, потом ответил:

– А что его делить? Клад твой, мне за работу заплатишь на курево, и ладно.

Пашко вскочил с кровати и запрыгнул на лавку у печи:

– Сашко, ты почему такой? Мы же братья, живем вместе, робим вместе, значит, и клад общий! – Пашко так хотел, чтобы брат прямо сказал, что делим поровну, снял бы с него эти соблазны, освободил от мысленного греха.

Сашко ответил примирительно:

– Спи. Его еще отрыть надо, а потом куда с ним? Там же не русские сегодняшние деньги? А куда сунешься, если там, к примеру, брюлики или ржа, как жулики золото зовут?

Пашко залез под теплое материно еще одеяло, пахнувшее детством, свернулся калачиком. Бедный Сашко, неужели он заметил, что есть у меня мыслишка закурковать найденное? Вдвоем достанем – не спрячешь. И уже засыпая, подумал: «В последний вечер отправлю Сашко в котельную, а до клада сам доберусь. А потом скажу, что ничего там не было». С тем и уснул.

С телефона из котельной позвонил стоматологу. Тот возмутился:

– Мы уже два дня ждем вашего звонка. Короче говоря, деньги все у меня, я аккуратно обменял на крупные, по вашей цене на сто граммов. Понятно, да? Только не надо шляться по банкам, это очень рискованно. Приходите ко мне в клинику, производим обмен, и в разные стороны.

Пашко ответил:

– Я своих решений не меняю.

– Но это же глупо, рисоваться с такой суммой. Уверяю вас, – настаивал стоматолог.

– Завтра в половине второго в банке. Других вариантов нет.

– Понял, – вяло ответил зубник и положил трубку. Пашко позвонил с мобильника Гуле.

– Гуля, здравствуй, это Пашко. Извини, что поздно.

– Ничего, все нормально.

Пашко рассказал о предложении стоматолога и о своем решении. Гуля его похвалила: ему вполне могли подсунуть фальшивые пятерки, их мошенники производят в больших количествах, потому и в банках так внимательны, особенно к крупным купюрам. Так что Пашко поступил правильно.

Утром Пашко нашел Гошу Семиколенного и спросил, может ли он сегодня съездить с ним в район.

– Какой базар, шлеп твою в бродни мать! Пашко! Ты мне установи твердую ставку, я тебя даже ночью буду охранять.

В банк вошли вместе, трое незнакомых мужчин встали, будто их ждали. Пашко кивнул знакомому стоматологу:

– Я позову вас в кабину. Одного.

– Но ребята тоже хотели бы посмотреть, – кивнул тот в сторону товарищей.

– Знаешь, что? Видишь вот эту казашку? Я очень хотел бы ее трахнуть, но не судьба. Потому пусть сидят и ждут, иначе я заворачиваю оглобли.

Стоматолог кивнул ему и пожал плечами в сторону товарищей. Гуля пригласила в кабину:

– Здравствуй, Пашко. Клиенты на месте? Приглашай. Я сделала для тебя другую карточку, валютную, ты же ничего не понимаешь. Евро сильно растет, есть смысл эти деньги положить на валютную карту. Зови.

Стоматолог вошел, Пашко развернул бумажку и передал Гуле четыре пластинки по двадцать пять граммов. Она провела экспресс-экспертизу и кивнула стоматологу:

– Металл полностью соответствует указанным на государственном клейме реквизитам. Пожалуйста, деньги.

Пересчитала, кивнула, подала завернутые пластинки. Стоматолог еще раз их осмотрел, даже на зуб попробовал и вышел. Гуля быстро просчитала и показала бумажку с цифрами евро.

– Переводим на карту?

Пашко кивнул. Вышли в зал, он вставил карту в банкомат, ввел код и увидел ту же цифру. Гуля улыбнулась.

– Ты говорил, что нужна моя помощь. В чем?

– Это длинный разговор. Если можно, я тебя дождусь.

Гуля кивнула и ушла. Пашко спросил Гошу, есть ли у него знакомые в ГАИ.

– Море! – захохотал Гоша. – Я к ним каждую неделю попадаю. То с похмелья, то превысил – найдут, за что. Выкручиваюсь.

– Гоша, а как бы права сделать? Когда мне учиться и где? В район не наездишься.

– Да одной левой! Поехали хоть сейчас. Только, друг, бабки нужны, ну, это я узнаю мигом.

Подъехали к милиции, Гоша ушел и вернулся только через полчаса. Пашко уж нервничать начал: в пять часов Гуля выходит с работы. Гоша бросил на сидушку бумажку:

– Там все написано, какие документы надо и сколько рублей. Завтра принесешь – послезавтра получишь.

– Да мне вообще-то не к спеху, – равнодушно зевнул Пашко.

– Ты зевалом-то не торгуй, а куй железный, пока горячий. Полиция – место бойкое, сегодня ты камеру охраняешь, завтра тебя в камере охраняют. Переворот ментов в природе. Ты понял?

Гулю встретил прямо в дверях, по ступенькам спустились вместе, отошли в аллею.

– Пашко, ты богатый человек, а почему одеваешься, как деревенский?

Он засмеялся:

– Так я и есть деревенский.

– Ладно, больше не буду лезть не в свое дело.

– Я сам все расскажу. – Пашко знал, что это не очень сложно, даже прикинул, как это можно сделать прямо сейчас. Взял Гулю за плечи и крепко поцеловал в губы. Она вздрогнула, охватила его за шею, сама нашла его губы и притихла, ждала. Он опять целовал ее губы, щеки, нос. Гуля прижалась к его груди и слышала, как колотится его сердце. Спросила с улыбкой:

– Это и есть та помощь, которая требуется от меня?

– Прости, Гуля, я не особо опытный ухажер, не сравнить с твоими воспитанными и образованными, но ты мне сразу очень понравилась, такая красивая, как из сказки.

– «Тысяча и одна ночь»?

Пашко не понял. Гуля кивнула:

– Ладно. Дальше что? Ты поведешь меня в номера? При твоих деньгах можно всю гостиницу откупить на всю ночь.

Пашка понял, что сотворил глупость, дурак, со свиным рылом... Такая красавица! Страшно сконфузившись, он дернулся было уйти. Гуля остановила:

– Пашко, прости, я не умно пошутила. Прости меня, ты мне тоже нравишься. Но... есть вопросы. Нет, сначала о деле, в котором я могу тебе помочь.

Он рассказал ей все про письмо, про вскрытие первой закладки, про работу на второй, но остается еще одна, на виду, просто так не вскрыть. И до лета ждать терпения не хватает. Надо что-то такое придумать, чтобы Петька-Партком разрешил рыть экскаватором с задней стороны здания. А в деревне откуда может возникнуть такая нужда?

– А если экскаватор выроет клад? – спросила Гуля.

– Нет, закладка сделана в глубине, под фундаментом.

Гуля помолчала, что-то обдумывая. Потом сказала, что завтра позвонит и

расскажет, что можно сделать. Подала руку для прощания. Пашко взял прохладную ручку и стиснул ее в своей горячей и большой ладони.

– Скажи, Гуля, ты монетки себе на свадьбу покупала?

– Тебя это сильно интересует?

– Нет. Я не знаю. Если себе, то я больше к тебе не приду.

– Пашко, ты приходишь не ко мне, а в банк. Монеты я покупаю для своих сестер, родных и двоюродных, ты же знаешь, как роднятся казахи. Я не собираюсь замуж, и жениха у меня нет. Ты хороший парень, но ты богач, а я скромный сотрудник банка. Я призналась, что ты мне нравишься, а ты подумал, что меня интересуют твои деньги. Потому оставим пока этот разговор. А поцелуй... Я обязана его вернуть.

Она ухватилась за воротник пальто и подтянулась к самым губам, едва дотронувшись до них. Он хотел подхватить ее, но Гуля выскользнула.

– Я позвоню тебе завтра. До свидания! – кричала она уже на бегу.

Ошарашенный Пашко стоял на тротуаре, пока Гоша не начал сигналить.

– Полбака бензина спалил, пока ты с этой кралей базарил. Пашко, а тебе не приходилось с мусульманками дело иметь? Говорят, они совсем не так устроены. Не слыхал?

– Не знаю. Завтра у учителя спрошу. А сейчас заезжай на заправку, проси полный бак.

На третью ночь спуск оборудовали, Пашко лег на живот и велел Сашко держать его ноги, осторожно спустился, широким ножом стал рыть в сторону. Вырыл с полметра – ничего нет. Неужели обман? Его опять била нервная дрожь. Он велел Сашко опустить его и еще раз палкой промерить глубину ямы.

– Ну, что там?

– Пашко, надо еще рыть, видно, наспускали земли.

– Тяни меня за ноги!

Встал, отряхнулся, спросил брата:

– Есть еще силенки?

Сашко заплакал:

– Братко, если надо, я зубами буду грызть, только бы хоть чуть-чуть найти, чтобы из бедности и голода этого вылезти!

Пашко обнял брата.

– Давай отдохнем, потом опустишь меня, я в ведро буду землю складывать, а ты поднимать.

Черпали долго. Уже и палка указывала, что пройдена метровая отметка, Пашко сообразил, что за эти годы с ближайших огородов могло нанести песка, так что страховка верная. Потом опять Сашко держал брата за ноги, тот сполз и снова вгрызался в землю. Пашко копал и думал, что делать. До закладки он доберется обязательно, достать ее при брате – значит, делиться. Оставить в земле – а вдруг кто увидит и возьмет? Скрыть. А как брату в глаза смотреть? Уехать сразу, забрать Гулю и уехать. Куда меня несет, ведь еще одна закладка, и завтра Гуля подскажет, как ее вскрыть. Тут уж никуда не денешься, брат будет знать.

– Сашко! Ты замерз?

– Нашел, о чем спросить. Меня только и согревает, что не зря рыли. И ты уж там измучился совсем.

– Потерпи. Все воздастся.

– Нихрена ты заговорил.

– Велено было молитву читать. Ты хоть одну знаешь?

– «Господи, помилуй» знаю.

– Вот и тверди, да негромко, а то старухи сбегутся.

Пашко ровными рядами снимал грунт, уходя в глубину. Устал, пот заливал глаза, кровь билась в висках. Попробовал ножом чуть в сторону и уперся в кирпич. Откуда на такой глубине кирпич? Так это же закладка защищена! Нашел край кирпича, всунул нож, провернул, кирпич подался. Рядом другой, а сверху металлическая пластина. Раздвинув оба кирпича, Пашко нащупал кожаный мешок и потянул на себя. Под рукой что-то зашелестело с тонким звоном. Осторожно вынув мешочек, Пашко полез за вторым. Все обшарил – пусто. До дальней кирпичной стенки добрался – в тайнике больше ничего не было. Не верил, велел опустить еще ниже, по локоть руку запихал в нишу – пусто. Маленький мешочек легко уместился за пазухой.

– Брат, тяни, ниша пустая.

Сашко аккуратно выволок брата. Он плакал.

– Ты чего, братко? У нас еще есть запас. Не переживай.

– Да мне тебя жалко, вымотался с этим кладом, да еще в долги влез. Отдышись, я пока инструмент соберу.

«Что я творю, сволочь такая! Как же я все променял на деньги? Родство наше, детство голодное? И как теперь из этой грязи чистым выйти? Нет, как только все уляжется, признаюсь брату, и все поделим». Хотел поклясться, но что-то удержало. Ухмыльнулся: а ведь не отдашь! Черти тебя обуяли, они и утащат за собой. Сплюнул, а тут Сашко уже зовет, сгрузил на себя все железо. Пашко хотел отобрать хоть лом с топором – не отдал, ты, говорит, и так сильно устал.

В обед позвонила Гуля, Пашко долго соображал, на какую кнопку давить, наконец, нашел и услышал такой желанный и ласковый голос:

– Добрый день, Пашко. Я решила твою проблему. В департаменте охраны памятников истории и культуры, это в области, работает моя хорошая знакомая, кстати, тоже казашка, ее зовут Адия, если хочешь, могу познакомить.

– Не хочу, – односложно ответил Пашко.

Гуля продолжала, как будто не услышала ответа:

– Сегодня она позвонит владельцу этих магазинов, о которых ты говорил, и скажет, что магазины эти стоят на особом учете как памятники старой архитектуры. Предупредит, что она приедет провести обследование состояния объекта. В общем, она знает, что сказать. Приедет она на этой неделе, я дала твой телефон, она тебе сообщит. Конечно, она ничего не знает, просто это моя настоятельная просьба. Я думаю, что вы с нею встретитесь до ее разговора с владельцем, ты объяснишь, как именно надо копать.

– Не понял, а кто будет копать?

– Экскаватор, конечно. Думаю, тебе там лишний раз показываться нет смысла.

– Я все понял, Гуля. А ты с ней не приедешь?

– Ты о чем, Пашко? Рабочий день! До свиданья.

– Спасибо, Гуля, до свиданья.

Утром Сашко пошел на смену, открыл шкафчик с продуктами и снова закрыл. Пашко заметил:

– Там колбасы кусок, банка сгущенки, возьми.

– Я тебе оставлю.

Пашко вскочил:

– Сказано тебе, значит бери. Я яиц поджарю, а к вечеру супчик сварю. В ночь сам пойду.

Сашко устало сел на лавку:

– Знаешь, братко, как обидно, столько трудов, и все напрасно. Под теми магазинами и копать не надо, нагнул нас буржуй, а мы и уши развесили.

Пашко сел рядом. Опять защемило сердце. Обнял брата:

– Верь мне, брат, найдем клад, не может быть, чтобы такие люди писали глупые письма на свою родину.

Сашко насмелился:

– Брат, а ты хорошо там все проверил? Может, зря мы все обратно зарыли?

– Конечно, проверил, и вниз копал ножом, и вверх, во все стороны. Ничего там нет. Может, раньше кто вынул, могли подсмотреть. Иди, мне надо еще по одному делу дойти.

– Половинку колбасы я тебе оставил, – сказал, уходя, Сашко.

Пашко схватил эту половинку и в воротах сунул брату в карман.

– Так не по-братски, – грустно посмотрел на него Сашко.

Пашко как по сердцу резануло. Закрыл дверь на крючок, убрал все со стола, на чистый рукотерт высыпал содержимое кожаного мешочка. Горка ярких камешков, таких ярких, что в полутемной избе стало светлее. Пашко включил свет и ахнул: горка горела, он сдвигался влево и вправо, и острые яркие лучики появлялись все в новых местах. Конечно, это бриллианты. Куда с ними? Сначала хорошенько прибрать, не столько от брата, сколько от недобрых людей. Положил в тот же сапог в подполе, заткнул сухим голенищем другого сапога и бросил к самой стенке.

Вдруг вспомнился стоматолог, его злой взгляд при выходе из кабины. Пашко много слышал про убийства из-за денег, но как-то не подумал, что это может коснуться его. Лег на кровать и стал думать. Зубодер знает, что

золото у него есть, есть и карточка, на которую Гуля положила деньги. Выдавить код карточки и оставшееся золото ничего не стоит, Пашко понимал, что если ему будут вставлять паяльник, он отдаст все до последней мелочи в кармане. Если уж сознание потерял, когда кровь брали из пальца на анализ, то тут он долго сопротивляться не будет. Главное, чтобы Сашко дома не было.

Пошел к Мите Зырянову, зная, что с ним без бутылки разговора не составишь, вытащил из-за печки бутылку водки. Прятал так, от чужих глаз, Сашко к водке равнодушен. Митя возился во дворе, гостя встретил с интересом:

– Так, с Кургузкиным вы электроплиту варили, на которой кабанов можно жарить, а ко мне ты пришел, чтобы я тебе на огороде Байконур отчебучил? Литр водки, и стартовая площадка готова. У меня и материал припрятан.

Пашко насторожился: растрепал электрик, вот и верь после этого людям. Мите сказал:

– Ты все правильно рассчитал, теперь надо кабана завалить, а нечем. Не одолжишь двустволки?

Митя стал серьезней:

– Зачем тебе оружие, если ты сроду не охотник? Вот я без выстрела недели прожить не могу. Представь себе, без бабы могу, а без ружья нет. А, помню, в детстве ты постреливал, пока менты не отобрали. А сейчас зачем? Объясняй!

Пашко встал:

– Ладно, Дмитрий, извини, не знаю отчества, и на том спасибо, что поучил уму-разуму, – и пошел.

Митя крикнул вслед:

– Приходи с литрой, поговорим.

Пашко промолчал и направился к Гоше Семиколенному, вроде водилось у него ружьецо. Гоша спал на диване, а в телевизоре президент на весь дом рассказывал ему на пресс-конференции, как хорошо в стране российской жить. Гость понял, что в доме больше никого нет, выдернул розетку телевизора, президент на мгновение задумался, произнес неслыханный звук и исчез. Гоша вскочил.

– Что, опять едем?

Пашко засмеялся:

– Понравилось?

– Хорошо платишь, Пашко, потому и понравилось. Да, водитель, права забери, все путем.

– Еще есть шанс заработать. Мне ружье надо, причем сегодня и на время, к весне свое куплю.

– Споемся. А патроны?

– Надо и патроны, но только картечь.

Гоша аж присел:

– И на какого зверя?

– Не задавай вопросов. Или ты даешь мне ружье и пяток патронов с картечью, либо я нанимаю другого водителя.

Гоша вскочил:

– Обожди, не гони. Ружье сначала найти надо, потом обслужить, потом пристрелять хоть малым зарядом, да тебе картечи зарядить. Слушай, Пашко, а ты не надумал ли кого-то мочкануть?

Пашко засмеялся:

– Кого у нас в деревне можно мочкануть и за что? И так все ходят как убитые.

Гоша согласился и полез на полати искать ружье. Выволок двустволку, вполне приличную на вид, переломил, заглянул в стволы – надо чистить. Шомпол отдал Пашке, сам стал снаряжать патроны. Все у него получалось быстро, и ружье, и патроны были готовы разом.

– Пошли за огород, возьми вон фанерку, пальнем пару раз дробью да один картечью. Не жмись, я тебе семь штук зарядил.

Посмотрели пробитую фанеру: и дробь кучкой, и картечь в самую середку с обоих стволов. Гоша пару раз заставил Пашко разобрать и собрать ружье, потому что это не вилы, на плече не понесешь. Патроны сложил в карман, ружье в футляр и мешком обернул. Донес до дома, никто и внимания не обратил.

Загудел мобильник.

– Это Пашко?

– Да.

– Здравствуйте, я Адия, подруга Гули. Ничего не изменилось? Тогда так. Я сейчас звоню Петру Петровичу, владельцу магазина, и назначаю ему встречу на завтра. Приеду в село, сразу вам позвоню, будьте на месте.

Адия приехала в десять часов, позвонила, сказала, чтобы на всякий случай терся в компании любопытных. А чтобы сразу узнала, газетку в руках держал. Сама подъехала к офису торгаша, он даже встретить не вышел. Начала с порога:

– Петр Петрович, вы работаете в зданиях, обладающих большой исторической ценностью. Это постройки конца восемнадцатого века. Я уж не говорю о том, что право пользоваться ими вы не получили в нашем ведомстве, вы хоть какой-то договор аренды предъявите.

Петька, конечно, труханул. Какой договор аренды, когда сунул, кому надо, в комитете по имуществу, так и оформили все бумаги. Платит в год копейки. Но достал и предъявил. Адия глянула, даже в руки не взяла:

– В сортире на стенку можете их повесить. Сколько лет эксплуатируете объекты национального достояния?

Петька на то и бывший парторг, пошел в атаку:

– Какое достояние? Шесть лет. Отопление подвел, проводку заменил, крышу перекрыл. На всех.

– Судить вас придется. Старая кровля какая была?

– Черепица.

– Черепица? Да вы варвар! Мы по всей области ищем старую черепицу, чтобы восстановить музей книги, а вы все на свалку? Ну, варвары! Договора ваши передам в областной департамент по госимуществу, думаю, за шесть лет они вам насчитают на годовой объем товарооборота. Поехали, посмотрим, как выглядят полуразграбленные исторические здания. Да, по экскаватору вы все решили?

– Будет экскаватор. Только я так и не понял, для чего?

– Копать будем с задней стороны здания и смотреть фундамент. Вы представляете, что третий век метровые стены давят на фундамент. Что в нем, в каком он виде – все это я должна проверить. Возможно, эксплуатацию зданий, как мест скопления большого количество людей, придется прекратить.

– Какое скопление? Денег нет у людей, какое скопление? Им хоть живого осетра привези, все равно купят только минтая.

Посмотрели два магазина, подъехали к хозяйственному. Экскаватор уже стоял у крыльца. Пашко вышел из магазина как раз к подъезду комиссии. Адия махнула ему рукой:

– Молодой человек, вы не очень заняты?

– Свободен.

– Прошу помочь мне, я оплачу. Так, Петр Петрович, трактор с той стороны пусть заходит. Как вас зовут?

– Пашко.

– Определите середину стены. Следите, чтобы копал не по камню, не царапал фундамент, а небольшой слой мы потом лопатой снимем. Верно?

– Понятно. А глубина?

Адия обратилась к трактористу:

– На какую глубину вы можете зарыться?

– А сколько надо? – тракторист улыбнулся.

– Метр двадцать.

– Влеготку, – мужик хохотнул.

– Смотрите, осторожно.

– Да, а кто мне платить будет? – поинтересовался тракторист.

– Петр Петрович, конечно.

– Ну, с него соскользнешь...

Тракторист расставил лапы экскаватора, поерзал трактором по снегу, встал напротив Пашкиной отметки и начал рыть. Мерзлый грунт поддавался плохо, но с каждым движением ковш вынимал приличное количество земли. Адия ушла в машину греться, Пашко не мог покинуть пост, на котором оказался вроде как случайно. Дело пошло совсем хорошо, когда прошли мерзлый грунт, Пашко стоял над ямой и следил, чтобы ковш не касался фундамента. Сунул палку в яму – нет метра, кивнул трактористу: еще. С запасом прошли метровую глубину, подошла Адия, посмотрела фундамент.

– Как думаете, Пашко, чем крепили кирпичи древние строители, ведь вездесущего цемента еще не знали?

Пашко смутился:

– Что-то слышал, но не знаю.

– Известью. На Руси при строительстве церквей в раствор добавляли яйца и молоко. Но довольно об этом. Как вам ямка?

– Спасибо. Вполне...

– Тогда я поехала. Еще забегу к Гуле. Привет ей передавать? Что вы так смущаетесь? Деревня сохраняет скромность и стеснительность. Господи, а какими мы были в своих аулах? Так что с Гулей? Имейте в виду, вы ей нравитесь. А она совершенно свободная девушка, в отличие от меня. Я к свадьбе готовлюсь.

– Поздравляю.

– Будьте счастливы. До свидания.

– А Петр Петрович?

– Я пришлю ему бумагу. И сдам с потрохами, магазинами он пользуется незаконно.

Подошел тракторист, злой и нервный.

– Вот суки! Она в партком отправила за деньгами, а Петька к ней. А ее уж дырка свись! Зарою нахрен эту яму!

Пашко спохватился.

– Обожди, она оставила деньги, возьми, а зарывать только завтра, она какие-то анализы будет делать. Ну, тебе скажут.

От души отлегло, когда ушел трактор. Смеркалось. Хоть бы скорей! Не стал ждать темноты, спрыгнул в яму, быстро лопатой стал отбрасывать землю, и уже через десяток ударов услышал металлический стук. Упал на колени, руками выгребал землю, пока не выколупал свинцовую шкатулку. Открывать не стал, выбросил наверх лопату, выкарабкался сам, огляделся, тропинкой школьников пошел домой. Сашко уже ушел в котельную, на плите стояла вареная картошка, на столе бутылка с подсолнечным маслом. Пашко осмотрел шкатулку, нашел маленький замочек, сковырнул его ножом и открыл крышку. Вывалил на стол всякие дамские побрякушки: кольца, браслеты, цепочки, перстни, часики и какие-то еще непонятные безделушки. Собрал все в шкатулку, опять в подпол, в завалине у печки зарыл в землю. Все. Клад взят. Надо принимать решение. Учитель – ладно, дать ему денег на прожитье. А что с Сашко? Сунуть чуток, сказать, что больше ничего нет? Понял, что глупость. Ладно, об этом потом. В сенях в шкафу отыскал сверток с колбасой, отрезал кусок хлеба и пошел в котельную.

Сашко испуганно вскочил:

– Что, брат, пусто?

– Пусто опять, – буркнул Пашко и отвернулся, закашлялся.

– Мне все равно, – с улыбкой сказал Сашко, – не жили богато, и начинать не надо. Так спокойней. Богатство уж стольких людей зверьем сделало. А ну, если и мы так? Не надо, вот есть картошка, маслице, весной корова отелится. Слушай, брат, и дай совет. Аниска настаивает на женитьбе, и домой вести некуда, и к ним идти нет охоты.

– Ты говорил, что она беременна и точно от тебя.

Сашко расплылся в улыбке:

– В положении, точно, она вчера ко мне приходила. Тянуть-то больше некуда, а то на свадьбе родит. Позор.

– Успокойся. Никакого позора нет.

– Ты, брат, за клад не переживай. Я и сразу не шибко надеялся, а теперь понимаю, что только своими руками. Заведем с Аниской хозяйство и будем поживать. Еще в гости на свежую сметанку ходить будешь.

Со смены Пашко пришел никакой, Сашко заметил, что брат не в себе:

– Ты не заболел? Ну-ка, дай лоб. Брат, горячо. Обожди, я сбегаю в медпункт.

Принес пакет с лекарствами и привел Аниску:

– Боюсь тебя одного оставлять. Аниска, поставь градусник. В сенках клюква мороженая, принеси, сок выдави и дай с горячим чаем. Да покорми хоть чем-нибудь.

Аниса выпоила все таблетки и капли, какие дала фельдшер, поставила горчичники на грудь и на спину, сварила кашу на молоке, кинула в тарелку ломоть масла:

– Поешь, Пашко, сытому болеть легче. Вот. А теперь я тебя укутаю, и спи, а я рядом буду.

Пашко забылся, голова кружилась, и вместе с нею кружились магазины, лом и лопата, кучи земли, потом прямо перед ним встало золотое солнце, оно палило глаза и сжигало лицо. Парень хватался руками за лицо, девчонка едва его удержала.

– Не бойся, это бред. Что я говорил?

– Да ничего. Мычал что-то.

Он опять забылся, и уже монеты стали кататься по столу, прыгать на подоконник, потом на пол, проваливались в щели и падали в подпол. Он пытался их поймать, но все скользило сквозь пальцы.

Увидел мать, она как всегда сидела вот на этой кровати и что-то вязала, носки да рукавички, а потом подала Пашко толстый свитер из овечьей шерсти. «Поди, и не примешь теперь, сказывают, ты сделался богач. И с братом не делишься. А неужели не дашь брату его долю?» Пашко закричал, что ничьей доли тут нет, все мое, я все нашел, я все вырыл, и ни с кем не буду делиться!»

Аниска пошевелила его, он очнулся, попросил пить, дала ему морс теплый из клюквы. Попил. Она обтерла лицо полотенцем, сняла горчичники.

– Долго я спал?

– Да минут десять.

– А чего говорил?

– Да всякую чушь. Жар, вот и лезет в голову всячина. Про золото кричал, что никому не отдашь. Успокойся, спи. Жар-то сняло немного.

Пашко боялся уснуть, чтобы еще что-нибудь не выболтать. Почему он матери сказал, что ни с кем делиться не будет? Значит, уже сложилось это в башке, жалко отдавать. Представил, как уедет в большой город, купит дом, женится на Гуле, машину возьмет самую шикарную. Да, он имеет право, а дать кому или не дать – это его дело. Когда денег много, хочется, чтобы их было больше. Он опять провалился в тяжелый сон, опять увидел того черта, что приходил в прошлый раз и ругался матом. «Слышь, сумел хапнуть богатство – никому ни гроша! Ты представь, что творилось бы на свете, начни богатые делиться с бедными? Это же смех! Такого нигде в мире не бывало, уж я-то знаю! Ты богач, тебе все поклоняются, двери открывают, ручку целуют. А раздашь – и кто ты будешь? Как был Пашко, так и останешься. Вам бы для компании еще пару чудаков, и было бы, как у нас заведено: Сашко, Пашко и Колупай с братом. Колупай – это как бы легонький умишком, ну и брат его соответственно. Отдашь богатство – пришлю тебе Колупая с братом, и будет полный комплект. Ни копейки никому, слышишь? А то я могу в обиду впасть!»

Проснулся под утро, Аниска спала, раскинувшись на диване. В слабом свете, падающем из избы прямо на ее фигуру, Пашко вдруг заметил, как похорошела Аниска, видно, беременность ей на пользу. А брат? Будет чужого растить, как своего? Или дите в самом деле его? Да пусть как хотят. Дам брату немного, может, дом куплю и хозяйство. Нет, в деревне нельзя, заметно: из грязи в князи. А куда их, в район? Все равно узнают. В город Сашко не поедет ни под каким предлогом.

Задремал, встала Аниска, опять лекарства, градусник. Улыбается:

– Нет температуры, организм у тебя здоровый, скоро переборол. Ты лежи, я домой сбегаю, управлюсь, потом уж с вашим хозяйством.

Голова шумела и побаливала, но не это беспокоило Пашко, из ума не выходили сны и видения, больше всего черт. Откуда он взялся? Из материных вечерних страшных сказок, которые она наговаривала, чтобы парнишка никуда не бегал вечерами, а привыкал к дому? Но это было так давно. Из читанных позже жутких книжек Гоголя, где черти жили и творили свои дела на земле, между людей? Те черти были пакостливые, но почти безвредные. Один даже паренька свозил к царице за тапочками для невесты. Правда, не по доброй воле, но свозил же. А тут – угрозы, и все похоже, как в молитве сказано.

Гуля же снилась, как он забыл! Жемчуга перекатывает с руки на руку, любуется, просит подарить, а те штучки из оловянной шкатулки, которые и сам Пашко путем не рассматривал, не интересны они ему, он соображает, как это на деньги перевести – так эти штучки она примеряет, и все ей баско, все к лицу. Молчит, но глазами просит подарить ей эти безделушки. Пашко тряхнул головой: вот сон, пустяк, а как теперь на Гулю смотреть? Может, у нее в головке именно такие мысли и бродят? Может, не Пашко ее волнует, а богатство, о размерах которого она еще не знает?

Пашко крепко запер калитку, дверь в сенки хоть и худая, но все равно на жердочку припер, входную в избу защелкнул на крючок. Крючок самокованый, в косяк вбит на четверть, петля тоже кована, два острых жала через дверную плаху–пятидесятку пропущены, загнуты и в избу возвращены. Было время, всего боялись люди. А Пашко сейчас стал бояться. Специально в район съездил, купил пачку патронов дробовых и пачку картечью заряженных. Продавец потребовал охотничий билет, Пашко сказал, что дома на рояле оставил и положил на стол солидную бумажку, дороже стоимости всех патронов. Выходил под вечер на огород, стрелял просто так, чтобы к ружью привыкнуть.

В этот вечер опять размышлял над богатством. Знающие люди говорят, что все можно продать, только надо в приличный город ехать и находить интересующихся. Про всю хрень в свинцовой коробке узнал, что можно в разных местах по разным паспортам сдать в комиссионные магазины, а бриллианты только ювелирам или иностранцам, но до них Пашко не дотянуться.

Полежал на диванчике, почитал какую-то книжку, Гуля подсунула. Хорошая девчонка, только другой народ, сколько она добра для него сделала, а все время от времени прочикивается грязная мыслишка, что не Пашко, неграмотный деревенский парень примитивной культуры, да и не красавец, если честно сказать, не он, а то богатство, которое волею случая оказалось в его руках, прельщают ее.

Пашко выпил кружку горячего чая с плиты и лег под одеяло. Плохо протопил Сашко, печка уже остывала, а ночь вся впереди. Ружье заряженно двумя патронами – один с картечью, другой с крупной дробью. По патрону из магазинных пачек положил на полку дивана. Так делал каждый вечер, когда ночевал дома, подменяя в ночную смену Сашко. Про ружье брат знал, потому что Пашко уносил его в котельную на смену, но даже спрашивать не стал. Оба чувствовали, что чужими становятся с каждым днем. Ладно, все утрясется, завтра с Сашко про богатство поговорим, может, махнем в город, ему квартирку с Аниской и себе тоже приличную, чтобы не стыдно было Гулю и Адию в гости пригласить.

С такими мыслями и уснул, не слышал, как подошла прямо к воротцам машина, как сломалась задвижка на калитке, как хрустнула жердочка на сеночных дверях. И только когда рванули кухонную дверь, очнулся и мигом сообразил: это они! Подергав дверь и поняв, что открыть ее не удастся, гость подал голос:

– Пашко, это дантист, стоматолог. Отдай мне золото, сколько есть, и я уеду. Не откроешь – будет хуже. Браток твой уже в котельной лежит, я его зарезал, или не знает ничего про золото, или полный дурачок. Но ты все отдашь, потому что я пойду окно вышибать, если дверь не смогу сдернуть.

Пашка схватил ружье, взвел оба курка, подошел к двери:

– Не ори на всю деревню, повтори свои условия через дверь, я ухо подставлю.

Услышал четкий вкрадчивый шепот, поднял ружье и дважды выстрелил, на уроне шепота и живота. Стоматолог молча завалился, Пашко перезарядил стволы крупной дробью, прислушался, осторожно снял крючок и резко пихнул дверь. Она открылась только наполовину, тело мешало. Пашко выполз в ограду, присмотрелся – никого. Из калитки резко осветил салон машины – никого. «Вот дурак, – подумал, – на такое дело один пошел. Или жадный чересчур». И вдруг – Сашко! «Братец твой лежит!» Набрал «Скорую», кратко сказал, что сам бежит к раненому брату. Сашко лежал на топчане на правом боку, кровь стекала на грязный пол.

– Сашко, брат, очнись, Сашко!

Он распахнул куртку, разорвал рубаху и припал к груди. Сердце билось. Выскочил на территорию, помахал фонариком, машина со стороны райцентра свернула к котельной. Врач и медсестра осторожно сняли с парня одежду, поставили две капельницы, перевязали три колотых раны.

– Доктор, это мой брат. Он должен жить. Я вас умоляю, я заплачу любые деньги, чтобы он жил.

– Не мешай доктору, – шепнула медсестра. – Будет жить твой брат.

Уже из машины врач сказала:

– Надо полицию вызвать. Звони, а то наши сообщат.

Проводив машину, Пашко вернулся домой, стоматолог лежал на спине, неловко подогнув ноги. Он вышел во двор и набрал полицию.

– Я застрелил человека. Село Сладчанка, улица Зеленая, 21, – и нажал кнопку. Спустился в подпол, собрал в один мешочек все ценности и закинул на пологую крышу домика, покрытую рыхлым снегом. Мешочек сразу провалился. Прошел в дом, разжег приготовленные Сашкой дрова, стало потеплее. Через полчаса с диким воем подлетела машина, на всей улице в домах загорелся свет. Двое полицейских вошли в избу, третий остался с доктором в сенях, потом и они вошли.

– Где ружье?

Пашко указал на диван.

– Почему долго не сообщал?

– Он брата моего зарезал в котельной, потому я сразу туда. Потом уж врач сказал, чтобы позвонил.

– Виктор Иванович, это же наш стоматолог! И что он тут делал? Что он к тебе ломился?

– Спросите у него. Не знаю. Грозил окно выломить. Ни пить, ни есть не просил.

– Ты, парень, шутки не шути, хотя ясно, что с твоей стороны самооборона, но причина, причина разбойного нападения врача-стоматолога на бедный деревенский домик? – Тот, кого назвали Виктором Ивановичем, внимательно посмотрел на Пашку: – Может, у тебя клад в подполье?

Когда написали все бумаги и сделали фотографии, Виктор Иванович сказал:

– Поедешь с нами. Я следователь, тебя не арестовываю, понимаю, что надо еще с братом встретиться. Мы им займемся, когда немного очухается. А ты будешь под подпиской.

Пашко спросил:

– Можно, я во двор выйду?

– Иди.

Пашко свернул за плетеный сарайчик и позвонил Гуле. Та ответила сонным голосом.

– Гуля, случилось страшное, брат ранен и в больнице, ко мне приехал стоматолог и грозил на ремни порезать, чтоб забрать золото. И я его убил.

– Какое золото, Пашко, ты же ему все продал. Ладно, что делать мне?

– Будь у милиции, меня сейчас привезут. Прошу.

– Буду.

Она действительно пришла, и Виктор Иванович, предупредив вопрос задержанного, кивнул: «Иди!» Гуля обняла парня и стала говорить ему на ухо, что «все продал» – значит, у тебя ничего нет. Карточки забрала и дважды попросила повторить код рублевой – деньги потребуются, и немалые. Утром пообещала съездить к Сашко. Чмокнула в щеку и побежала домой.

В камере было человек пять, все уже спали, грохот дверей разбудил, потому ворочались и матерились. Утром Пашко вызвал Виктор Иванович:

– Слушай внимательно. Ружье не твое, зачем ты его взял у знакомого? Ждал кого-то? Почему? Откуда у тебя при зарплате коту под хвост две банковских карточки, к тому же одна валютная? У стоматолога в сейфе нетронутая плитка золота еще царской отливки. Отсюда вывод: ты нашел клад. Хорошо, нашел, но ты должен был, как законопослушный гражданин, отдать его государству, а оно определило бы, сколько вернуть тебе в качестве вознаграждения. Что скажешь?

Пашко знал, что надо будет отвечать на эти вопросы и сразу поднял голову:

– Вот что скажу: этому государству у меня и мысли не было отдать найденное. Что я от него видел, от государства вашего? Мать угробилась на работе, мы с братаном вместо школы на ферму, а когда коров новые князья и бояре на колбасу перевели, пошли по рукам: сегодня похороны, завтра туалет рыть, к зиме вот на котельную взяли, спасибо им. А я нашел ничье и отдать? Да я лучше еще дальше закинул бы, знай такой расклад. Теперь о деле. Коли вы знаете про карточки, я отдам вам валютную, там приличная сумма в евро. А вы отпустите меня, ведь я ни в чем не виноват. Зубодер

думал, что у меня ящики этих слитков, раз пошел на такое, брата порезал, сволочь, и меня обещал кончить. И кончил бы, потому что дать ему нечего, но он никогда в это не поверил.

– В твоем доме провели обыск, действительно, ничего нет. А ты не боишься, что карточку я возьму, а тебя не отпущу?

– У меня что, выбор есть?

– Верно, – улыбнулся Виктор Иванович. – Собирайся, сбегай к брату, твой телефон у меня есть. Код карты напиши и принеси. Пока ты все дела свои устроишь, я подготовлю постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Встретимся около районной администрации, со стороны садика, ты мне карту и код, я тебе постановление.

– Виктор Иванович, со мной будет девушка, Гуля из банка, она своя в доску, но настаивает, чтобы был свидетель.

– Ох, пугаешь ты меня, дорогой, но я согласен, потому что ты действительно хороший парень. Кстати, она и код подтвердит. И наличку валюты обеспечит. До встречи.

Аниске утром отец сказал, что Сашко, порезанного ночью, в больницу увезли, сказали, будет–нет живой, крови много вытекло. Она наскоро оделась, выскочила на большак, кто-то посадил, довез до района, бегом прибежала в больницу, а тут не пускают.

– Да как же, девоньки, жена я ему, отчего нельзя-то? Разве ему хуже будет, если меня увидит?

Медсестры поняли, что она не отступит, одели в белый халат и в шапочку, провели в палату. Сашко лежал с закрытыми глазами. Она встала на колени перед его лицом и прислушивается, дышит ли. Сестра тронула за плечо:

– Он в сознании, видимо, уснул.

– Я тихо, девоньки.

Лицо потрогать боялась, только шептала:

– Милый ты мой родной, Сашко, пусть ты меня бросишь, может, я того и стою, только ты не умирай, живи, и я как-нибудь рядом, хоть изредка погляжу. Знаю, что не простишь ты мне всех моих грехов и обмана не простишь. А все одно признаюсь, сниму грех с души, человек, когда он между небом и землей, – он все равно что святой, ему можно всякие тайности доверять. Вот и покаюсь. Прогонишь – уйду, зато душу облегчу. Всю жизнь врать не будешь.

Сашко облизал пересохшие губы и открыл глаза:

– Аниска, это ты бормочешь, а я понять не могу, то ли еще сплю и сон вижу, то ли обморок со мной. А это ты. Про чьи грехи ты говоришь?

– Про свои, Сашко, родно мое! Грешна я перед тобой. И ребеночек, может, тоже не твой. Сучка я подзаборная, любимый мой, гони меня со двора. Видно, проклята я людями какими или род наш такой непутевый. Прости меня, и я уйду.

– Куда же ты пойдешь? Тебя никто не гонит, если врач придет, скажу, что жена.

Аниска тронула его за плечо:

– Сашко, а ты все слышал, что я говорила? Ты все понял? Ты не будешь меня убивать потом каждый день, как тятька мой увечил мать, что не девицей пришла?

Сашко грустно улыбнулся:

– Дура ты, Аниска, ты мне люба, и я тебе тоже, и кто нам что может переменить? Вот встану, оклемаюсь малость, и перейдешь к нам жить. Брат против не будет, он добрый.

– Кто это у нас загостился? – грозный голос хирурга. – Ты кто ему, сестра, подружка, а может быть – жена?

Аниска кивнула.

– Я давно заметил, что любовь способствует выздоровлению более, чем лекарства. Но, извини, у нас свои дела, пойди погуляй. Есть ему ничего не бери, мы сегодня малость кишочки ему укоротили, так что будет питаться святым духом и вот из этих пузырей.

Доктор осмотрел заклеенные швы, позвал санитарок сделать перевязку:

– Не тошнит? Пить хочется? Пока нельзя, не балуйся, раны у тебя серьезные, но не смертельные. Через недельку верну тебя к твоей красавице.

– К кому? – не понял Сашко.

– Вот чудак! К жене.

Пашко к брату пустили сразу после обеда, сказали, что не более пяти минут. Сашко лежал на спине, в обеих руках капельницы, лицо бледное.

– Брат, ты его убил? Скажи, тебя не посадят? Мне казашка сказала, что не посадят. Правда?

Пашко кивнул головой, хотел что-то сказать, но ткнулся лицом в вонючий матрас, прикрытый испачканной кровью простынкой. Слезы стыда и вины душили его. Как он мог столько времени скрывать от брата свои находки? Что он возомнил о себе? Как думал жить с таким камнем на душе? И совсем хотел скрыться. Не криви душой, Пашко, совсем хотел скрыться, оставив брата наедине с бедностью. Было! И как теперь сказать?

– Братко, ты не реви, я живой, все срастется, мы с тобой еще и женимся, ко мне Аниска приходила, зареванная...

– Сашко, брат, ты прости меня, ведь я все закладки раскопал и везде нашел, что искали, а тебе не сказал. Прости меня, хотел скрыть, жадность обуяла, будь я проклят на том и на этом свете!

– Пашко, ты зачем так? Нельзя себя проклинать. Я ведь без претензий. Нашел, и слава богу. Да я и понимал, что нашел, только не говорил ничего. Мне и сейчас ничего не надо.

Пашко рыдал и не мог выдавить слова. Был смертный стыд перед братом, но уже ослабла внутренняя пружина, давившая грудь в последнее время, преодолел себя и от того был счастлив.

– Брат, мы с тобой заживем, клянусь матерью своей, нет у меня других святых, клянусь, что все до копейки поделим.

– Ты про учителя не забудь.

– Не забуду. Домик ему приличный купим и на книжку положим, чтоб до смерти хватило.

– Ко мне Аниска приходила, я начал рассказывать, да ты смешал. Плачет, кается, что обманула меня в первую ночь. Ревет, вот тут же уткнулась, медичка хотела ее увести, я попросил. Аниска и говорит: «Милый мой Сашко, я изо правды беременна, может, и не от тебя, только ты меня не бросай, я буду тебе верной женой и хозяйкой и любить буду всегда».

– А ты что ответил?

– Что я отвечу, брат? Хорошая она, ласковая, заботливая. Женюсь на ней, если ты не против.

– Ну вот, придумал, почему я буду против твоего счастья? Рад за тебя буду, Аниска, правда, девка славная и любит тебя.

Медсестра подошла проверить капельницы:

– Молодой человек, вы злоупотребляете.

Пашко встал. Ему было легко и свободно. Он впервые за несколько недель открыто смотрел на брата.

– Лечись, я с врачом поговорю, может, надо чего.

– До встречи, Пашко, ты бы Аниску вместо меня определил в котельную, чего она без дела будет?

– Нет, я ее к тебе отправлю, вместе вам веселей будет.

Спросил сестру, и она проводила его до кабинета врача. Пашко поздравствовался:

– Доктор, я брат этого вчерашнего резаного. Вы мне скажите, может, надо что из лекарств? Чтоб быстрей на ноги поднять.

– За ваши деньги – любой каприз. Я напишу рецепт, если есть возможность купить. Но предупреждаю: это недешево.

Пашко вышел, подозвал медсестру:

– Девушка, вот деньги, – он сунул в нагрудный карман халата. – Попросите нянечек, пусть у брата матрас и все остальное заменят. Если нет свежего – купите. И вот эти лекарства купите. Я отблагодарю. Пойдет?

– Пойдет, – улыбнулась девушка.

Митя Зырянов выследил, что Пашко прошел к Гоше, и тут же нарисовался, поздоровался, сел в передний угол:

– Все каюсь, Пашко, что отказал тебе в ружье. Для лучшего друга пожалел! А Гошкино могло дать осечку, старье есть старье. Теперь бы и девятый день справили, зарезал бы зубодер, как пить дать. Вот только Сашку-то он за что? Меня тоже вызывали, допрашивал следователь, по почкам бил, пистолет к виску приставлял: зачем парень просил ружье? Но я ничего не выдал.

– Врешь ты все, Митя. Никто тебя не вызывал. И что ты мог выдать? Ну, я попросил, ты не дал, я ушел.

– Откуда им знать? А может, мое стреляло? А мне это ни к чему. Свадьба у меня намечается, перехожу к Мякеше. Вот бражку на самогон перегоним и загудим медовый месяц.

Пашко стало интересно:

– Она же старше тебя, да и намного, поди, годов на десять.

Митя рукой махнул:

– Бери выше, на тринадцать, на чертовую дюжину. Но, как говорится, любовь ровесников не ищет. А хозяйство какое у Мякеши? Мотоцикл «Урал», бензопила «Дружба», телевизор «Рекорд». А какая кровать! Только доползешь, ткнешься – и уже спишь.

Пашко засмеялся:

– А Мякеша?

– Понял. Маху дал. Ребята, это не любовь, это сказка. Мякеше, по-доброму, в фильмах надо бы сниматься, красава! Пашко, дело прошлое, скажи, почему именно тебя хотел добыть зубодер? Лучшему другу! Неужто правда, что пообещал ему золота на зубы, а потом трекнулся?

Пашко насторожился:

– Какое золото я мог ему обещать, Митя? Знаешь, кого раньше золотарем звали? Не того, у кого золота, а того, кто сортиры чистил. Ты меня к этому хочешь приравнять?

Митя тяжело вздохнул:

– Пашко, лучшему другу! Почему я должен узнавать архиважные новости от полоумного Викентия? Он сказал Мякеше, чтобы меня не принимала, а дождалась его, Вику, что он скоро станет богатым, как арабский эмират, потому что они с Пашко, с тобой, то есть, нашли золотой клад.

Пашко так и обмер, хохотнул только:

– Ну, Викентий Амбросимович горазд по части выдумок. Это он мозги туманил твоей Мякеше, а ты и поверил.

Но сообщение Мити всерьез встревожило Пашко. От Гоши, не простившись, забыл, зачем и приходил, бегом к учителю. Тот встретил гостя в дверях, радовался благополучному исходу и не переставал улыбаться. Пашко начал с матерков:

– Викентий Амбросимович, твою мать, почему вся деревня знает о кладе?

Таратутин даже не вздрогнул:

– Ну, положим, не вся, не вся, а только особо доверенные лица. Не вся деревня, а только возлюбленная Мякеша.

– А разве это не одно и то же? Если деревня на утро знает, с кем ночью она переспала, вы думаете, про клад у нее хоть на минутку задержится?

Учитель обиделся:

– Пашко, вы почему так плохо думаете о людях?

Пашко взревел:

– Мне о людях – насрать! Я о кладе думаю! Если этот слух дойдет, куда надо, меня опять возьмут за задницу, и тут уж десяткой евро не открутишься.

Викентий Амбросимович просиял:

– Пашко, значит, клад найден? И почему я узнаю об этом только сейчас?

– Наверное, и в этом мое счастье. Не зря сказано: избави бог нас от таких друзей, а с врагами мы сами справимся. Конечно, теперь уже все пойдет как по маслу, и уже завтра мы встретимся со следователем, но уже на других условиях.

Викентий Амбросимович засуетился:

– Пашко, в чем проблема? Выкладывайте, и будем искать решение. Это я вам как математик говорю, решение всегда есть.

Пашко без деталей и подробностей рассказал о том, что клад – это не демократические пятитысячные бумажки, а драгоценности, которые продать не так просто. Учитель попросил уточнить, что за драгоценности. Когда узнал, что это золото, бриллианты и ювелирные украшения, оживился и забегал по комнате. Пашко терпел, сколько можно, потом окликнул:

– Эй, гражданин Таратутов, вернитесь в реальность! Вам срок светит как соучастнику, а вы радуетесь.

– Дорогой мой юный друг! То, чего вы так испугались, и подтолкнуло меня к верному решению. Коли пошли разговоры о кладе, его надо легализовать.

Пашко еще не дослушал, но уже отрезал:

– А вот хухо ни хохо? Ни грамма никому не отдам!

Учитель саркастически улыбнулся:

– И будете всю жизнь сидеть на куче злата, как тот Кащей? Никто не знает реального объема клада, тем более в ассортименте. Я же вам предлагаю явиться в финансовые органы и сдать золотые слитки, не все, но так, чтобы премия позволяла вам жить без забот. Моя мысль понятна?

Пашко думал. Да, это выход, но надо кинуть им хоть с килограмм, тогда поверят и заплатят четвертую часть цены всего золота. А уж после...

– Хорошо, Викентий Амбросимович, я сегодня все решу. А это вам на первый случай. – Он положил на стол небольшую пачку денег.

Сашко лежал на кровати и ждал. Аниска убежала домой по своим делам.

– Что, брат, плохие новости?

– Не могу ума дать, что теперь делать. Сообщник предлагает часть золота сдать, за него получить законную премию, и тогда можно потихоньку продавать остальное, и открыто жить в достатке. Но это надо обдумать.

И он думал: «Действительно, учитель прав в одном: сдача части клада легализует деньги, и тогда уже никто не спросит, откуда машина или дом в городе. Но велик риск, что просто обманут, обожмут какой-нибудь бумажкой, найдут нужную статью и все конфискуют. А что, если сыграть в открытую? Окончательно запутавшись, он позвонил Гуле. Девушка сразу спросила о самочувствии Сашко, потом о состоянии самого Пашко. Ответил, что состояние жуткое. Очень нужна помощь, совет, но это не по телефону. Гуля засмеялась и похвасталась, что на днях купила маленькую японскую машинку и сейчас приедет.

Он встретил ее у ограды, не хотелось, чтобы она видела всю их нищету, но Гуля настояла, что должна увидеть Сашко. Она села у его кровати и, как мать, тихо спрашивала и тихо же давала советы. Пришла Аниска, Пашко их познакомил. Гуля наказала невесте, чтобы берегла и быстро выходила жениха.

Сели в машину, Пашко кратко все рассказал. Гуля несколько удивилась:

– Пашко, ты будь немного психологом. Деревня, такое событие, все в неизвестности, и вдруг деревенский дурачок объявляет, что есть клад, и он уже почти Рокфеллер. Да об этом поболтают с недельку, и все. Пашко, прости, я вмешиваюсь в твои дела, но как друг, тебе от этого хуже не станет. Я ездила в область по делам и добилась приема президентом банка. Сказала ему о царском золоте в слитках Императорского Банка, он очень заинтересовался. Я уточнила, можно ли совершить сделку без особой огласки, запросов и вопросов. Сказала, что примерно три килограмма, да? И назвала цену, конечно, Пашко, чуть ниже той, по какой золото сегодня торгуется, чтобы у президента был корыстный интерес. Десять процентов он готов выплатить наличными, десять положить на карту нашего банка, а остальные на депозит, они будут работать в банковской системе, а ты получишь от этого проценты. Пашко, это самый надежный способ. Сдать государству – выбросить на ветер. Думай, я готова тебе помочь. Да, слитки не протирай ничем жестким, чтоб никаких царапин, сколов и прочего. Если хочешь – я свожу тебя к президенту. Но сначала в магазин, все новое и приличное, потом в гостиницу, душ и переодевание, потом салон красоты, прическа, ногти, руки. Ты должен произвести впечатление. Ну?

– Я давно согласен, Гуля.

– Решено. Едем послезавтра. Возьми один экземпляр, пусть порадуется. Ты даже не знаешь, что он будет иметь от этой сделки. Золото – это государственный запас, тем более такое.

Пашко вышел из машины и помахал рукой в след уезжающей Гуле. Он согласился, но что так неспокойно на душе?

В магазине Гуля знала, кажется, все, и во всем разбиралась. Она замучила юных продавщиц, бракуя костюм за костюмом, и те терпели только потому, что впервые пара русский-казашка в предсвадебной суете. Потом выбрали дубленку, дюжину

рубашек, легкие полусапожки, красивую шапку, перчатки и шарф. Белье и носки девочки принесли уже в пакете.

В гостинице сняли небольшой номер, Пашко помылся, побрился сунутой Гулей в пакет невиданной трехрядной бритвой, обтерся мягким и пушистым полотенцем, накинул халат (Гуля предупредила) и вышел. Девушка подошла и крепко его поцеловала, он хотел ухватить ее на руки, но Гуля засмеялась:

– Пашко, у нас не остается времени. – Подошла, расчесала влажные волосы. – Я тоже люблю тебя, Пашко. И я буду твоей. Даю тебе слово: как только мы сдадим золото в банк, первая ночь – наша. Тебе не кажется, что я чересчур откровенная? Не думай, я не столь развратна, как может показаться, и ты в этом убедишься. Просто судьба нас свела, а я чувствую, что золото как-то стоит между нами. Стоп, про любовь ни слова, до банка десять минут езды. Одевайся.

Президент банка, крупный и сильный мужчина лет сорока, безукоризненно одетый, вышел навстречу, поцеловал ручку Гули и крепко пожал руку Пашко:

– Мы не будем терять время, оно дорого.

Пашко вынул из нового портфеля уложенный в красивый футляр золотой брусок. Президент вынул большую лупу из приготовленного футляра и оглядел брусок со всех сторон.

– Удивительный экземпляр. О цене вы знаете, формальностей никаких, деньги наличными и на карточку по десять процентов, остальные на депозит на три года. Снимите раньше – потеряете проценты. Когда вы привезете остальное и сколько?

– С этим бруском три килограмма. Я могу только через два дня.

– Мы приедем 13 февраля в это же время, – добавила Гуля.

– Все будет готово. Ваш брусок, – он бережно положил золото в футляр и пожал им руки на прощание.

Уже в машине за городом Гуля спросила молчащего Пашко:

– Тебя что-то не устраивает?

Пашко очнулся:

– Меня что-то беспокоит. И президент твой какой-то... Будто его, как и меня, одевали к этой встрече.

Гуля засмеялась:

– Родной мой, президент в этом кресле со дня основания банка. Говорили, что это деньги мафии в основе банка, но теперь он стал авторитетным, входит в сотню самых надежных в стране.

Пашко проворчал:

– В этой стране уже давно нет ничего надежного. Все строится на лжи и природной доверчивости русского человека. Даже в быту. Парень переспал с девчонкой, она в плаче показывает ему примаранное белье. А все знают, что в уборку она жила в общежитии шоферов всю осень. И он верит.

Гуля не повернула головы:

– Это ты про Сашко?

Парень вспылил:

– Да при чем тут Сашко, Гуля, я про весь советский народ! И давай к тебе заедем, я переоденусь, деревня с ума сойдет, явись я среди бела дня в таком прикиде.

Пашко переоделся в свой домашний костюм, все новое положил в кресло, только белье и носки кинул в пакет.

– Оставь, я постираю, – попросила Гуля. – Оставь. Я хочу на мгновение почувствовать себя твоей женой. Ты на работе, а я стираю трусики и майку.

– Не надо, Гуля, я так боюсь, что у нас ничего не получится. Я тупой и необразованный, бескультурный, галстук завязать не умею. Тебе будет со мной просто скучно.

Гуля заплакала:

– Пашко, почему ты мне не веришь? Или ты не хочешь меня, потому что я казашка?

Он быстро поймал ее и легонько прижал к груди, и вся она, легкая и гибкая, сразу стала частью его, он всю ее чувствовал, от дрожащих коленышек до густых черных волос, всегда аккуратно окаймляющих ее чуть скуластое личико с темными глазами и губками, чуть припухшими и влекущими. Он осторожно коснулся полураспахнутых губ, снова прижал головку к груди и надышаться не мог ее запахами.

– Я никогда не любил девчонок, не пришлось. Было, нравились, но это так, баловство, пообжимались у

калитки, и вся любовь. А тебя я боюсь, казашка тут ни при чем, ты очень красивая, образованная, у тебя квартира, машина, специальность.

Девушка вздохнула:

– Ладно, милый, сейчас увезу тебя домой, в четверг я за тобой приеду, и закончим эту эпопею с золотом.

Он вышел из машины, кивнул Гуле, вошел в дом. Подумалось: как низко мы пали, неужели в старые времена так жили? Даже при коммунизме был какой-то порядок, продавали новую мебель, на заработок можно было купить всю обстановку. Недавно Аниска заставила его отодвинуть от стены шифоньер, чтобы пол вымыть, он отодвинул тяжелый деревянный шкаф и глазами уперся в пожелтевшую этикетку: шкаф стоил 38 рублей. Мать получала когда сто, когда больше. Она что, три шкафа могла купить? А сейчас? Заносили мебельный набор начальнику котельных, попросил в магазине Петьки–Парткома погрузить, а дома выгрузить и занести. Шептались: комплект стоит двадцать кочегарских зарплат. А мать говорила, что, когда домик был еще новый, стены белили два раза на году, к Октябрьской и Пасхе. Вот и возьми их за рубль двадцать: к советскому и церковному праздникам. Праздник был, когда крышу покрыли шифером. Красота, нигде ни капельки не промокает. А теперь все течет, не белено годами, запах какой-то нежилой, тухлый. Надо сестер позвать, пусть все побелят и перемоют, на постель надо все свежее купить, привезу тихонько, никто не насторожится. Твою мать, а я Гулю сюда заводил! Что она про меня подумала? А целует. Неужто вправду мне так повезло, что такая девушка полюбила? Казашка. У нас их много, разные, но такой красивой, как Гуля, нету. Он даже боялся вспоминать, что пообещала девушка, когда закончим все дела с золотом. Боялся спугнуть. Суеверный стал с этим кладом.

Сашко пришел с работы веселый, говорит, весь день просидели с Анисой и проговорили, как жить станут, сколько ребятишек заведут, дом новый построят, хозяйство чтобы полный двор, а ребятня с колыбели чтоб к работе привыкали, дармоедов в семье не будет.

– Правильно я понимаю, брат? – спросил Сашко, хлебая деревянной ложкой сваренный Аниской суп. Мяса доброго Пашко в городе купил, Сашко можно только крученное на мясорубке, вот Аниска и старается. А Пашко иногда найдет кусок пожирнее и в кастрюлю, а потом с хлебом и луковицу раздавит ладонью на табуретке, аж сок пойдет. Так мать делала. Так вкуснее.

Положил в пакет полбулки хлеба и шмат сала соленого, тоже на рынке прикупил, пошел в котельную. Вчера поздно ночью взял под сараем длинную лестницу, приставил ко крыше и поднялся на самый верх. Бураны все сровняли, ровная крыша, Пашко не по себе стало, хотя понимал, что никто не залезет и мешок не утащит. Ткнул тонкой палочкой и в мешок попал. С разных сторон его обследовал: лежит, дожидается. Палочкой дырки разровнял, спустился, лестницу на место, два следа от опорных жердин снегом присыпал, притоптал.

Ночь отдежурил, день проспал, ночью опять на крышу, подтянул мешок, нашел пакет с пластинками, сунул аккуратно за пазуху, остальное вытряхнул и в снег подальше сунул, а мешок вниз скинул. В этот раз лопату снеговую с собой взял, разровнял поверхность, вроде сойдет. Двери плотно закрыл, занавески на окнах еще старыми материными шалями завесил, свет выключил – даже соседний уличный фонарь не просвечивает. Вынул бруски, сложил в ряд – двенадцать штук по 250 граммов, несколько маленьких отложил в сторону. Три килограмма. На этот случай купил два метра байковой ткани, настриг двенадцать одинаковых кусков, завернул бруски и перевязал бечевкой. К Гуле заедем переодеваться, там она сама распорядится и переложит в портфель. Спрятал надежно в сарае, пошел в котельную, Сашко отправил домой. Сутки провел на работе, только раз сбегал домой, пару котлет закинул, с Аниской поговорил.

– Сына ждешь, Аниса? – спросил с улыбкой.

Аниска кивнула на Сашко:

– Это папаше сына надо, а мне дочь, чтобы сперва нянька, а потом уж ляльки. И матери помощница.

– И много ты надумала рожать? – опять улыбнулся Пашко.

Аниска подняла голову от цела горячей русской печки, вытерла лицо фартуком:

– А это, Пашко, как Бог даст и как Сашко сможет. Сколько будет, столько и рожу.

Пашко собрался:

– Завтра я в город, так что отсыпайся, а я ночь отдежурю.

Сашко встал с кровати:

– Нет, брат, ты бы отдыхал перед дорогой, а мы с Анисой и в котельной ночуем. Как, Аниса?

– Знамо дело, что ночуем, только я сперва хлебы выну из печи.

Когда они ушли, Пашко понял, что брат правильно решил, день завтра непростой, надо основательно отдохнуть. Сходил за свертком в пригон, положил в изголовье кровати, прилег. Завтра все решится. Сдадим это проклятое золото, вернемся в район, ночь проведем у Гули. А потом уедем куда-нибудь, она лучше знает, куда, и будем жить. От всех этих ожиданий было томительно сладко. Часто ли бывает такое состояние у человека? Редко. И не у каждого. Ему повезло, такое чувство посетило его. Они с любимой девушкой сделают огромной важности дело, а потом, приехав домой, станут мужем и женой, потом свадьба, и – прощай, Сладчанка! Пашко поедет смотреть белый свет. Он так крепко уснул, что не слышал сигнала Гулиной машины. Быстро оделся и выскочил на улицу. Уже светало.

Заехали к Гуле, и все повторилось: он тщательно вымылся, побрился, одел чистое проглаженное белье, халат, она встретила у дверей ванной, горячо поцеловала в губы и шепнула:

– Любимый мой джигит, сегодня наш день.

Президент был так же предупредителен, осмотрел каждый брусок, уложенный в красивую бархатную коробочку, это уже работа Гули, и кивнул головой. Тут же вошла девушка, положила на стол в две стопки одинаковое количество пачек денег в банковской упаковке, запечатанный конверт с банковской картой и два экземпляра уже напечатанного договора на депозит. Гуля все посмотрела, взяла конверт с картой и прочитала договор. Положила его перед Пашко:

– Можно подписывать.

Пашко расписался в указанных местах, они встали, президент молча пожал им руки, и гости покинули кабинет. В операционном зале Гуля подошла к окну, перекинулась несколькими словами с девушкой, и та указала, куда им пройти. В отдельной комнате Гуля положила на банковскую карту половину наличных денег, конверт и карту подала Пашко. Он прошептал:

– Оставь у себя, куда я с ними?

Гуля кивнула и спрятала бумаги вместе с договором на депозит в своей сумочке, поблагодарила коллегу, они вышли из банка, и через полчаса их машина выехала из города. Найдя укромное место, Гуля остановилась, потянулась, потом резко повернулась к парню:

– Поцелуй меня, Пашко, я очень устала и хочу любви.

Он нежно целовал ее в губы, в щеки, в глаза, она что-то мурлыкала, потом оттолкнула парня:

– Все, чуть остынь, а то нам до дома не доехать.

Она включила поворот и выехала на трассу. Машин было немного, да и неопытный водитель Гуля была очень осторожна. Останавливались еще два раза, чтобы просто размяться, подышать морозным воздухом. Когда выезжали на трассу, Пашко показалось, что они уже обгоняли этот джип, видимо, ребята тоже останавливались по своей нужде.

Гуля долго была в ванной, вышла в легком халате и села в кресло. Пашко быстро разделся, обмылся под душем и вышел в халате. Оба засмеялись. Он опять стал ее целовать, девчонка обмякла и шепнула ему:

– У меня есть спальня...

Часа через два раздался звонок телефона Пашко. Он нажал кнопку, говорила Аниска:

– Пашко, милый, Сашко плохо, кровь идет, и до «скорой» не можем дозвониться. Мы с Гошей уже к больнице подъезжаем, ты скажи, где тебя забрать.

– Я все понял, пусть едет на Калинина, 26, я встречу.

Гуля сдернула с кровати простыню и накрылась халатом.

– Милый, иди обмойся и одевай свое. Деньги забери, бумаги останутся у меня. Ты не против?

– Конечно, мы же договорились.

Подошла машина, Пашко поцеловал Гулю, успел сказать, что очень ее любит, и побежал на улицу. Гоше крикнул, чтобы гнал к больнице. Аниска плакала в коридоре, Пашко сидел рядом, охватив голову. Прошел томительный час. Хирург распахнул дверь операционной:

– Все нормально. Он тяжелое ничего не поднимал? Мясо кусками не ел?

– Откуда мне знать? Я на работе – он дома, и наоборот. Мясо? Жена его хорошо готовит, мог и заглотить.

– Шов разошелся, будет лежать, это хуже, чем плановая операция.

Пашко достал деньги и подал доктору две бумажки:

– На коньяк после удачной операции.

Доктор улыбнулся:

– При такой оплате я бы день и ночь оперировал. Ну, будьте здоровы!

На выходе его ждал Виктор Иванович, Гошу и Анфиску он отправил в машину.

– Вы сегодня весь день провели с гражданкой Касеновой, так?

Пашко похолодел:

– Да. Мы расстались три часа назад. Меня вызвали к больному брату в деревню. Но что случилось? Что с Гулей?

– Тогда мужайся, Пашко. Ее убили и дом сожгли, выгорело все, видимо, было использовано мощное сверхгорючее вещество, потому что пожарники даже подойти не могли без спецкостюмов.

Пашко сел на ступеньки крыльца:

– Может, она успела выскочить? Подожди, кто мог ее убить? За что? Я порву этих людей, я найду их. За нами из города шла машина, джип, а потом, когда за мной приехал Гоша, мы ее осветили. Гоша, иди сюда. Когда мы отъезжали от дома, ты не заметил джип на той стороне? Ну!

– Пашко, гадом буду, стояла машина. Обожди. Такая же, как у Петьки–Парткома. А номер...

– Гоша, припух!

Подскочил Виктор Иванович:

– Вы номер запомнили? Говорите!

– Не видел я никакого номера. Только джип. – Гошу трудно переубедить.

– Виктор Иванович, ее нашли, хоть что-то? – Пашко посмотрел с надеждой, как будто это что-то меняло.

– Что ты имеешь в виду? Золото, драгоценности?

– Ох, и сволочь ты, майор! И здесь у тебя подозрение!

– Не обижаюсь, Пашко, прими соболезнования, ничего не удалось найти. Там чуть ли не напалм был использован. Кому она была так нужна, или то, чем она владела? Что скажешь, Пашко? Но есть у меня подозрения, что все это как-то связано с золотом.

– Больше, майор, это связано с любовью. Мы сегодняшней ночью стали мужем и женой. Если бы меня не вызвали к брату, все было бы по-другому.

– Да, было бы два сгоревших тела, только и всего. Тут действовали профессионалы высшего класса.

– Найди их, потому что если я найду вперед, я их зарою.

– Ты что-то знаешь. Поделись.

– А если ничего не знаю?

– Свободен. Поезжай в свою Сладчанку.

Два дня Пашко не выходил из дома, прямо из горлышка пил коньяк, плакал и думал, думал. Не давало покоя какое-то скрытое выражение жестокости на внешне благообразном лице президента банка, закрывал глаза, и всплывал в памяти джип. Позвонил Гоше Семиколенному, тот пришел и даже испугался вида Пашко: синюшный, опухший, глаза красные.

– Гоша, напряги память, что на номерах ты заметил?

Гоша присел на стульчик:

– Ты не мстить ли собрался? Выкинь из головы, это бандиты. Номер я видел и помню, но не скажу, иначе и ты пропадешь.

Пашко посмотрел на него жуткими глазами:

– Я так и так обречен, если только это из банка, а других вариантов нет, и они узнают, что я не сгорел вместе с Гулей – отдельно сожгут. Потому я должен знать, кто это, чтобы опередить. Помоги, Гоша!

– Ладно. Но только аккуратно. Номер 123, две буквы О видел. А

номера эти спецом выдаются, только для своих, их и милиция не трогает, я от ребят знаю.

Пашко помолчал, прикидывая:

– Поедем завтра в город, надо одно дело провернуть.

Гоша насторожился:

– Пашко, если со смертельным исходом, то я пас.

Парень ухмыльнулся:

– Паси, паси, да пораньше пригоняй.

Утром выехали рано, к десяти часам были в центре. Пашко оставил Гошу на стоянке, сам пошел в оружейный магазин, подошел к отделу пистолетов. Подозвал паренька, под ноль стриженого, со шрамом на щеке, попросил наклониться:

– Нужен «Макаров» и три коробки патронов, разных, ты понял?

– Базара нет. Бумаги давай.

Пашко вытащил бумажник и выдернул две долларовых сотни. Парень испугался:

– Ты с ума сошел, убери!

– Я тебе еще дам. Решай, я пойду за винтовкой.

Невысокий и толстый, как колобок, продавец винтовок начал было давать характеристики, Пашко через прилавок поймал его за воротник рубашки:

– Мне нужна хорошая винтовка с оптикой и глушаком. Говори, сколько надо, я плачу и ухожу.

Толстяк вспотел, но ответил резко:

– Ну, знаете, молодой человек! Без разрешительных документов...

– Дурак, – шепнул Пашко. – Я через дорогу перейду к вашим конкурентам и куплю, тебе не обидно будет терять такой бонус?

Толстяк улыбнулся:

– Вы умеете убеждать.

Все покупки ему уложили в большую охотничью сумку, он позвонил Гоше, чтобы тот подъехал, не гулять же с таким набором мимо областного УВД. За городом Гоша спросил:

– Ты оружие купил?

– Рогатки.

– А я тебя обрадую. Вышел покурить, а джип наш мимо меня и к банку, к стекляшке. Я посмотрел, вышел здоровый мужик с портфелем, видно, начальник, два клоуна в машине.

Пашко одернул:

– Гоша, гонишь! В машине стекла должны быть тонированы.

Гоша обиделся:

– Пашко, если считаешь меня дураком, нахера спрашивать? Они дверцы открыли, чтобы покурить. И дверцу эту, Пашко, я видел с торца: в три пальца толщиной, бронирована машина!

Пашко кивнул: это хорошо, он и без того догадывался, что такой бандюга на «Запорожце» ездить не будет. Значит, надо выследить, где останавливаются, сколько стоят, осмотрительны или беспечны. На другой день, спрятав оружие, автобусом уехал в город, зашел в общагу, договорился с администратором, взял ключи от комнаты. Полдня провел около банка, наблюдая издалека, чтобы не попасть в камеры, без четверти двенадцать вышел шеф, Пашко сразу его узнал, оценил обстановку, справа выскочил охранник и открыл заднюю дверь. Так, срочно такси и проехать за этой машиной. Таксист лох, туркмен или таджик, велел остановиться метров за пятьдесят. Та же картина, правый открывает дверь, шеф выходит, ребята курят, приоткрыв дверцы. Сбегал в общагу, переоделся, опять к банку. Ровно к двум подъехали, выпустили шефа, поехали. Все, можно до вечера ждать у банка. Три дня наблюдений дали результат: приезжает и уезжает точно по графику, все вместе никогда не выходят, водитель остается за рулем. Брать их только отдельно: водилу и охранника, а потом шефа. Или наоборот? По первому варианту шеф так замкнется, что никогда его не достать, а это Пашко не устраивало. Убрать его – эти разбегутся, как тараканы. Нет решения, и спросить не у кого.

Пошел на рынок, присматривался к молодым русским мужикам, торгующим мелкими запчастями к машинам, безделушками разными. Несколько раз подходил к здоровяку, на столике лежали блесны и рыболовные крючки. Настораживал краповый берет, а на дворе минус десять. Раз прошел Пашко, второй, пока здоровяк не остановил:

– Тебя, я вижу, размеры моих снастей не совсем устраивают?

Пашко ответил:

– Совсем не устраивают.

– На крупную рыбу собрался?

– Да, но ума не хватает, как ее взять... разом.

Здоровяк кивнул: иди за мной. Зашли в вагончик, там грелись четверо:

– Ребята, погуляйте, разговор с человеком. Говори.

– Мою девушку убили и сожгли. Хочу отомстить. Я их нашел, выследил. Они бугра привозят и покуривают, тут бы я мог их шлепнуть, но самый главный потом спрячется – не найдешь. А его надо обязательно.

Здоровяк снял бушлат, сдернул тельняшку, повесил над батареей, снял теплую, одел. Пашко увидел все опознавательные татуировки ВДВ.

– После ранения потеть начал, ни с того, ни с чего. Вот, сушу тельники. Так ты их из пистолета хотел? Молодец! Они же тренированы, как собаки, ты и вынуть свою свистульку не успеешь, как тебя изрешетят. А ты уверен, что это они?

– Уверен. У главного дважды на приеме был, а джип я видел и на трассе, и когда от дома девушки ночью отъезжали с другом. Друг даже номер усек. Я три дня проверял: все сходится.

– А если убивали и жгли другие?

– Исключено. Я к вахтеру подходил, спросил, как на эту машину водилой устроиться. Тот засмеялся, говорит, у шефа эти двое незаменимы, три года с ним.

– Это хорошее уточнение. Вот что я тебе скажу, ты, я вижу, парень деревенский, я тоже, только давно из дома, озверел. Отомстить – святое дело, тем более что уверен: ошибки нет. Но ты же вахлак, убьют сразу. Поверь мне, я сам был на подхвате, там такие орлы тренированные, что только рот открыл, а он уж понял. Если все, что ты сказал, верно, то брать их надо разом, одним ударом.

Пашко не понял:

– Как это?

– Как на фронте, «Стрелой».

– Да, автомобиль бронированный.

– Это херня, броня там детская, не танк и не членовоз президентский. Бронебойный пройдет, как в масло.

Пашко вздохнул:

– Тогда плохи мои дела. Куплю гранату и взорву их вместе с собой.

Здоровяк засмеялся:

– Можно, конечно, но это глупо, когда есть решения попроще. Конечно, это будет стоить денег.

– Сколько?

– Не могу влет сказать, надо изучать объект и обстановку, но в пределах... – Он взял карандаш и написал на листочке цифру.

Пашко глянул и кивнул:

– Согласен.

Здоровяк удивился:

– Где ты в деревне такие бабки возьмешь? Это же доллары, дурень!

– А мне Гуля перед отъездом все свои деньги отдала, мы с ней собрались зарегистрироваться и за границу поехать. Есть деньги.

– Добре, тогда информация о клиентах.

Пашко рассказал все, что знал, рассказал и о сделке с золотом, только золото якобы Гули, ее родители нашли в древнем кургане. Карточка с кодом на миллион рублей в долларах и договор на депозит на пять миллионов, переведенных в евро, это все у нее на руках. А они и ехали следом, чтобы обстановка не успела смениться.

Здоровяк написал на бумажке и подал Пашко:

– Это мой телефон. Его больше никто не знает. Напиши свой, я тебе с этого позвоню, как все будет готово. Это значит, клиент опознан и обозначен, находится под контролем. Тебе достаточно быть в городе. По радио и ящику сразу сообщат. Если скажут, что все трое холодные, сразу вези расчет сюда, на рынок. Если кто-то выжил, умрет вечером в больнице, у нас это отработано. Все, ехай домой.

Пашко встал и задержался:

– Я вам поверил. Не о бабках речь, о смерти их поганой. Не будет промаха?

Здоровяк тоже встал:

– Промах, брат, всегда может быть, но на то мы и спецы, чтобы без промаха. И повторяю: ни один не уйдет. Потому и расчет только после полного выполнения договора.

Пашко простился со здоровяком, так и не узнав его имени, да оно ему и не надо. Грохнет он этих уродов, вопросов нет. Увижу, отдам деньги, а дальше? Разве появится в душе хоть

сколько-то успокоения, разве может принять душа любимой Гули такое отмщение, сделанное чужими руками за деньги? Если ты действительно любишь, если ты воистину джигит, как любовно называла тебя в постели стройная, как газель, юная казашка, ты сам должен это сделать, своими руками, вот этими, которым она позволяла обнимать и дотрагиваться до самых сокровенных уголков своего прекрасного тела. Пашко заплакал от стыда, закрывшись руками, чтобы соседи в автобусе не увидели.

В райцентре купил старенький «УАЗик», в котельную вместо себя и больного Сашко определил парней из безработных, а сам каждый день выезжал в лес, ставил листы фанеры, уходил за триста метров и стрелял из винтовки по паре обойм. Вернувшись, считал пробоины и удивлялся: все пули приходили в цель. Десяток тренировок убедили его, что можно продолжать дело.

Дома надежно спрятал бриллианты и украшения из оловянной шкатулки, в укромное место положил деньги, достаточно, чтобы Сашко с Анисой жили безбедно, если с ним вдруг что, и ранним утром уехал в город. В том же общежитии снял комнату с металлической дверью и крепкой решеткой на окне, перенес туда сумку с оружием. Пошел на перекресток, к банку, проверил, вовремя ли питается президент. Оказывается, привычка – вторая натура, без четверти двенадцать подлетал джип, ровно в два часа он вставал на то же место. Как заведенный, выскакивал с переднего места охранник, не спеша поднимался по широким ступеням президент. Водитель опускал стекло и курил, выпуская дым красивой струей.

В тот же день Пашко подошел к подъезду пятиэтажного дома на противоположном углу, у третьего подъезда сидят старушки, беседуют. Его сразу обыскали взглядами.

– Извините за беспокойство, – обратился к ним Пашко, – не подскажете, нельзя ли в вашем доме снять квартирку, только не на первых этажах, я работаю, пишу, мне нужна тишина. Лучше бы на четвертом или пятом.

Старушки осмотрели его и остались недовольны внешним видом. Пашко быстро исправил оплошность:

– Не обращайте внимания, я снял комнату в общежитии, и уже порядок стал наводить, но понял, что не смогу там работать, очень шумно, даже ночью. Я писатель, понимаете? Так что вы мне скажете?

Подружки переглянулись, перешепнулись, и одна удостоила ответом:

– Анна Ивановна уехала к дочери в Томск, разрешила сдавать квартиру, но, молодой человек, это три комнаты, будет стоить довольно дорого.

Пашко едва скрыл радость:

– С кем решать вопрос? Я готов платить разумные деньги.

Через пять минут привели распорядителя. Егор Сергеевич, крепкий пожилой человек, придирчиво осмотрел Пашко и спросил:

– На какой срок вы бы хотели снять квартиру? И какая семья?

Пашко для приличия помялся:

– Можно пока на полгода? Но я один, не беспокойтесь.

– Можно и на полгода, но оплата за первый и последний месяц вперед. Деньги мне, а коммуналку и прочее оплачиваете сами.

Парня абсолютно все устраивало, и он вежливо отвел распорядителя в сторону:

– Я буду вам отдавать полуторную цену, но освободите меня от коммунальной суеты, пожалуйста.

Мужик крякнул: это ему понравилось. Пошли смотреть квартиру. Пашко сразу прошел в гостиную и к окну: банковский подъезд как на ладони. Это то, что надо.

– Молодой человек, я отдам вам ключи, но мне нужны гарантии. Например, паспорт. А то, знаете, обчистят квартиру, и поминай как звали.

Пашко задумался. Отдавать паспорт нельзя, город, в любой момент могут спросить. Что ему дать, чтобы он отвалил и не надоедал? В общаге в сумке лежат несколько ювелирных безделушек, привезу и отдам, вроде как залог.

– Квартиру я снимаю, вот аванс, а по гарантии мы с вами решим, когда я привезу вещи. Ключи пока оставьте у себя.

К вечеру он был полноправным хозяином. Егор Сергеевич остался очень доволен залогом и вообще квартирантом, парень обходительный, состоятельный, писатель, просил ему не мешать. При таком наваре можно раз в месяц приходить и получать свое.

Еще два дня наблюдал Пашко за жертвами через оптический прицел, привыкал к живым людям за мгновение до смерти. Выходило, что самое удобное время – вечер, когда клиенты уже не снуют туда и обратно, лестница совершенно пуста, президент выходит устало–медленно, брать его надо на верхних ступеньках, чтобы ребята оба успели выскочить. Сложно, но не отрепетируешь. Надежда только на сноровку и удачу. Выхода нет, звонок здоровяка он проигнорировал. Вечером решил: завтра. Купил бутылку спирта, в аптеке пару резиновых перчаток, мягким полотенцем протер все, к чему за эти дни прикасался. Пистолет с патронами положил в карман куртки, вынул обойму с патронами и тоже прошелся полотенцем. Винтовку после стрельбы обработать, в бутылке остался спирт. Бутылку обмыть остатками, мокрой тряпкой вытереть дверную ручку, и вниз. Все рассчитано, осталось самое главное.

Спал хорошо, никаких снов, видимо, сказалась успокоенность принятым решением. Весь день никуда не выходил, еще раз протер дверные ручки, кружку, из которой пил кофе, кофейную банку, краны в ванной и кнопку на туалетном бачке. Надел перчатки, чтобы больше нигде не наследить, ничего нельзя упустить, ведь «пальчики» есть у Виктора Ивановича, одна ошибка, и он раскрыт.

С четырех часов стоял у приоткрытого окна на коленях на диванной подушке, машина могла подойти и раньше. Нет, в пять с минутами дверь распахнулась и на крыльце появился президент. Он дошел до ступенек и остановился, сняв богатую шапку и вдыхая чистый холодный воздух. Оставив крестик по центру лица, Пашко нажал спуск. Президент рухнул на верхнюю ступеньку, отбросив в сторону портфель. Первым выскочил охранник уже с пистолетом, кинулся к шефу и, поняв все, выпрямился. Пашко выстрелил в грудь, а потом в спину подбежавшего водителя. Все трое лежали без движения, по ступеням стекали три ручейка крови. Пашко сунул винтовку под диван, надел куртку и шапку, прошелся полотенцем по ручке входной двери и вспомнил: ручка окна! Быстро вернулся, закрыл окно и протер ручку, вернулся к выходу, опять прошелся по ручкам внутренней и внешней, полотенце бросил в угол. Скатился по лестнице, на ходу сорвав перчатки и сунув их в карман, никого не встретил, из входной двери свернул вдоль стены, на соседней улице сел в автобус, идущий в сторону общаги. Тут его начало колотить от нервного перенапряжения, бледность выступила на лице. Контролер подошла и спросила, все ли нормально. Пашко кивнул:

– Лишнего выпил вчера, сердце клинит.

– То-то я чувствую, что от тебя спиртным несет.

Гоша Семиколенный, вызванный еще вчера, ждал у общаги. Пашко забежал в комнату, схватил свои вещи, открыл бутылку водки и тоже протер все, что можно и нужно. Остатки водки выпил прямо из горла, обихоженную бутылку поставил на стол. Снова ручки, ключи, и – тряпку в мусорное ведро. Сел в машину:

– Гони, Гоша, за городом остановишься у магазина, надо бутылку коньяка взять.

Гоша смотрел на друга с испугом:

– Пашко, с тобой что-то неладно, натворил чего?

– Натворил, – согласился парень, – драку вчера устроил, потому из города скорей.

Выбрались на трассу, остановились у магазина, Пашко сбегал за коньяком, приемник включил еще в городе, а сейчас прихлебывал коньяк из бутылки и ждал новостей. Наконец, пропала веселая музыка, и диктор сказал, что будет передано экстренное сообщение. Следственный комитет сообщил, что в центре города произошло дерзкое преступление, бандой снайперов на крыльце «Мегабанка» убиты президент банка и два его охранника. Введен план «Перехват», создана оперативная группа, просьба ко всем гражданам оказывать следственным органам всемерную помощь.

– Слышал? – спросил Гоша.

– Про что? – Пашко будто и не понял, о чем речь.

– Банкира с охраной замочили, ты разве не слышал?

Пашко отмахнулся:

– Да оно мне надо? Убили – стало быть, есть за что. Нас с тобой не убьют.

Гоша пробурчал:

– Дай-то Бог!

– Хелло, это месье Пашко?

Пашко вздрогнул от неожиданности:

– Да, это я.

– Вы прислали нам письмо и в нем этот телефон. Я Натали Кутельникова. Я бы просила вас подтвердить то, что вы заявили в своем послании.

...Пашко две недели не выходил из дома после совершенного возмездия, думалось о Гуле, что надо узнать у знакомых казахов, где мусульманское кладбище, и сходить на могилу. На похороны Адия идти не советовала, чужих не пускают, да и разговоры может вызвать это появление. Думал о дальнейшей жизни, и чем больше думал, тем больше росло в нем презрение и даже ненависть к этому проклятому кладу, к золоту с бриллиантами. Вот тогда он достал из щели в стенке сарая французский конверт с письмом и адресом, адресок переписал, а ночью сочинил письмо:

«Господам Кутельниковым в город Париж из села Сладчанки.

Господа Кутельниковы, много лет назад ваш родственник, отец он вам или кто иной по родству, Афанасий Артемьевич, прислал в наш сельсовет письмо, в котором уже второй раз, после отца, по его завещанию, указал, что под вашими магазинами, которые и сегодня в добром здравии, зарыты клады. Там были указаны некоторые хитрости, но в то время никто не стал искать клады, потому что капиталистам никакой веры не было. И вот минувшей осенью я случайно нашел письмо это и с помощью Викентия Амбросимовича, учителя, разобрался, что к чему, и клады те добыл. Лучше бы я этого не делал. Золото не принесло мне счастья, а одно только горе, потому что из-за него была зверски убита и сожжена в своем дому моя любимая девушка. Я проклял богатство и отказываюсь от него, а потому предлагаю вам приехать и забрать все, что осталось. Пишу свой телефон, адрес вы знаете, а зовут меня Пашко, любого в деревне спросите, вам скажут.

Пашко».

С письмом поехал в райцентр, на главпочтамт, спросил, как отправить письмо в Париж. Женщина порылась в справочниках, подала конверт и велела писать адрес. Наклеила кучу марок и бросила на стол.

– Дойдет оно до Парижа? – с недоверием спросил Пашко.

– Дойдет, извещение получишь.

И вот звонок.

– Месье Пашко, скажите, пожалуйста, что из заложенных кладов вы предлагаете вернуть?

– Все, кроме золота. Оно украдено.

– Я вас поняла. Вы один владеете этой тайной?

– Барышня, если мы с тобой еще минут пять поболтаем, об этом будет знать вся Европа!

Барышня засмеялась:

– У вас прекрасный юмор!

– Так вы едете или нет?

– Мы с братом сегодня все обсудим и я вам позвоню.

В субботу Пашко ждал гостей. Как сообщила Натали, они с братом Пьером вылетели из Парижа и сразу сели на самолет до областного центра. Здесь их встретил Гоша, удививший своей машиной, которая, несмотря на ужасный внешний вид, ехала вполне прилично. Наблюдая за встречными машинами, Пьер спросил Гошу:

– Простите, а эти машины почему здесь едут?

– А где им ехать? – хохотнул Гоша.

– Но есть же полоса встречного движения?

– Вот это она и есть, – кивнул водитель.

– Боже! Тогда прошу вас ехать медленнее. Это безумие, почти лобовое столкновение!

– А мы привычны, нам и так хорошо, – Гошу веселил страх француза.

Подъехали к дому Пашко, он вышел, познакомились, пожали друг другу руки.

– Вы здесь живете? – с удивлением спросила Натали.

– Живу, – мрачно ответил Пашко и пригласил в дом. – Я вам все отдам, и Гоша отвезет вас в город.

Натали вдруг запротестовала:

– Нет-нет, я хочу несколько дней прожить на родине предков. Пьер, ты не против?

– Согласен. Мы можем поохотиться?

Пашко усмехнулся:

– Нечем. У меня все оружие конфисковали.

– Как это? – удивился француз.

– Как? У вас полиция есть? И у нас есть. Закон нарушил – оружие забирают. Да и некогда мне с вами гостевать, я на работе.

Пьер опять ничего не понял:

– Пашко, имея на руках целое состояние, вы еще и работаете. Кем?

– Вот дободался, – проворчал Пашко. – Кочегаром в котельной.

Пьер возмутился:

– Но это же грязная работа.

– А другой нет, – развел руками хозяин.

Натали осмотрела избу и горницу, тронула Пашко за рукав:

– А где мы можем спать?

– Скажу Гоше, увезет вас в гостиницу в райцентр, там и ресторанчик есть.

– Но утром мы вернемся, ваш водитель сможет за нами приехать?

– Куда ему деваться, заплатите – приедет.

Кое-как проводил гостей. Драгоценности они только посмотрели, но брать с собой поопасались. Весь день гости ходили по селу, сравнивали с планом, нарисованным еще дедом, и возмущались. Потом Пашко нашел им лыжи и с Гошей отправил в лес, однако через полчаса Натали вернулась:

– Пашко, почему вы не хотите погулять с нами? Вы очень приятный молодой человек, я бы с удовольствием с вами побеседовала.

Парень усмехнулся:

– Так в чем дело? Снимай лыжи и заходи в избу, там и побеседуем.

За ночь Пашко успел кое-как прибраться, стало уютнее. Шубку гостьи он унес в комнату и повесил на гвоздик.

– Пашко, вы редкой порядочности человек, отказаться от такого богатства, живя, по существу, в нищете. Может, вы передумаете?

– Слушай, барышня, я отдаю вам все, что есть, забирайте и уезжайте. Ничего больше объяснять вам не буду.

– Пашко, я бы хотела остаться на родине... на некоторое время, например, на год. Пожить на земле предков. И познакомиться с вами, вы такой милый, хоть и сердитый. Я понимаю, вы потеряли любимую девушку, но вы еще совсем юноша, и это скоро забудется. В это время я бы хотела быть рядом с вами. Пашко, давайте проводим Пьера, вы поможете мне найти приличный дом в городе и будете приезжать ко мне в гости.

Она подошла к парню и прижалась к нему, слегка обняв за талию:

– Пашко, ты мне нравишься, очень нравишься. Если бы ты согласился поехать со мной в Париж, я была бы счастлива.

Пашко чувствовал ее сильное тренированное тело, тугую грудь под свитерком, запах тонких духов, легкая дрожь прошла по его телу, он вдруг вспомнил Гулю, вот так же прижавшуюся к нему в последний раз, резко и осторожно снял руки Натали с пояса и сказал внятно:

– Барышня, ты что такое несешь? Пашко в Париже? Да в Сладчанке куры со смеху подохнут! А насчет того, что я понравился: одичала ты за это время без ухажеров, вот и запала на первого попавшего. Сегодня Гоша увезет вас до района, а до Парижа вы дорогу знаете.

Натали покраснела:

– Значит, вы меня отвергаете, отвергаете Париж и остаетесь в этой дыре?

Пашко едва сдерживал себя:

– Значит, в тебе русского ничего не осталось, если ты не можешь меня понять. Это моя деревня, я тут родился, тут моя мама похоронена и отец, здесь могила моей первой и единственной женщины. Уезжай, все барахло в пакете на столе.

Натали подошла к столу:

– Пашко, я вам оставлю немного бриллиантов и ювелирных безделушек.

Он встал и подал даме шубку, пакет с драгоценностями запихал в

самовольно расстегнутую дамскую сумочку и повел ее на улицу. Гоша уже сидел в машине, Натали что-то резко сказала Пьеру, он убежал переодеваться, и через пять минут Пашко захлопнул за ним дверцу машины.

Неделю Пашко пил, Аниса приносила ему в постель квашеную капусту, соленые огурцы, горячий суп, ходила, как за ребенком. Он благодарно смотрел ей в глаза, доставал из-под кровати бутылку и пил из горлышка, через силу глотая жгучую жидкость. Спал или нет, просто забывался, старался ни о чем не думать. Попросил Сашко протопить баню, долго парился, изгоняя хмель, после бани пил горячий чай на травах, потел, менял полотенца. Вечером оделся, пошел в котельную к брату. Сашко обрадовался гостю, стряхнул одеяло с топчана, усадил, предложил чаю:

– Брат ты мой родной, хорошо, что ты остановился, я боялся, что так и кончишься с этим коньяком. Ладно, теперь успокаивайся, жить-то надо.

Пашко поднял на него глаза:

– А зачем, брат? Зачем мне жить? Я проклял это письмо французское, этот клад, эти деньги. Как я рванулся к богатой жизни! Как! Все забыл: тебя, маму, деревню, как будто и не я уже, помнишь? А потом Гуля... Ты знашь, что я к девкам не особо льнул, так, побаловаться. Я и не знал, что есть любовь. А Гуля – она как приснилась. Сашка, ты счастливый человек, у тебя Аниска, скоро ребеночек родится, будет семья. У меня немного денег осталось, тебе отдам. И карточка тоже, на нее дом купим в деревне, пусть Аниска слух пустит, что отец ей на свадьбу подарил. Будешь ты жить, как человек.

Сашко потянул за рукав:

– А ты как же, брат?

Пашко не ответил. Не станешь ведь брату рассказывать, что пару раз доставал пистолет, уходил в край села, стрелял в воздух, проверял, чтобы осечки не случилось. А себе в сердце выстрелить не смог.

– Нормально, Сашко, ты за меня не переживай.

Вечером позвонила Адия:

– Здравствуй, Пашко. Я тебя не беспокоила, знаю, как тебе тяжело. Наверное, ты хотел бы побывать на могиле Гули, я приеду, вместе сходим. Когда можно?

– Адия, да хоть завтра. И фотографии Гули привези.

Она приехала через два дня, заплакала, но только руку подала для приветствия. В машине достала пакет с фотографиями, но он, не глядя, положил в карман. Поехали на кладбище, по тропинке в снегу дошли до могилы Гули. На холмике земли, укрытом свежим снегом, небольшой камень. Пашко встал на колени и коснулся лицом камня, шепнув заветное имя. Встал, бледный и погасший. Адия сбоку обняла его за плечо:

– Пашко, надо пережить это горе, ради Гули, чтобы она на небесах радовалась за тебя.

Парень повернулся к ней, горько усмехнулся:

– Какие небеса, Адия, она вот тут, полтора метра от меня, а смерть стоит между нами.

Он еще раз поклонился дорогой могиле и первым пошел к выходу. Уже в машине Адия рассказала, что последний звонок Гуля сделала ей, сказала, что Пашко уехал и вне зоны, а в ее доме какие-то люди ломают двери. Сказала, что телефон полиции занят. Успела крикнуть, что это люди из банка, и сразу кто-то выключил аппарат. Адия взяла Пашко за руку, сжала ее крепко:

– Я сразу поняла, что это твоя месть. И душе Гули легче.

Парень молчал. Все слова казались лишними.

– Я увезу тебя домой, а сама вернусь на кладбище. Пашко, за неделю до свадьбы мой жених разбился на машине.

Ехали молча, каждый думал о своем. Около дома Адия спросила:

– Если нужно, я помогу тебе с продажей драгоценностей. Гуля мне все рассказала, как будто чувствовала.

– Не надо. Их нет. Все, что осталось, отдал хозяевам.

– Хозяевам? Каким?

– Тем, кто зарывал этот проклятый клад. Написал им в Париж, приехали и забрали. И не надо больше об этом, Адия.

Девушка смутилась:

– Прости меня.

– Да ладно. Если мне станет совсем плохо, я тебе позвоню, ты напоминаешь мне Гулю. Поверь, я понимаю твое горе. Но ты сильная девчонка, выдержишь. Поезжай аккуратно.

Дома радость: Сашко нашел хорошую усадьбу, хозяева уже уехали, цена назначена, ключи у родственников. Зовут Пашко посмотреть дом. Пашко идет, надо же брата поддержать. Дом не старый, рубленый в чашу, обшит тесом, крыт оцинкованным профилем, им же ограда вся обнесена. Во дворе под одной крышей теплая стайка для коровы, пригончик открытый, сарай, баня, колодец.

– Нравится тебе, Аниса? – спросил невестку.

Та заплакала:

– Пашко, родной, да как же не глянутся такому чуду! Ты погляди, чего в дому только нет. Кухня большая, плита газовая и с электрой, а через коридор горница, да спальня, да для ребенков комната. Жить и радоваться!

Брату сказал:

– Сегодня же съезжу в район, деньги сниму. Не рядись, не унижайся. Сколь запросили, столь и отдай. Документы все оформи, как следует. Я Гошу попрошу грузовик завести, привезем вам мебель, а то ведь и сесть не на что.

Со двора хозяйственного магазина «Все для вас» положили в кузов простенькие комплекты кухонной и гостиной мебели, холодильник, телевизор, тарелку антенную, ковры, рулоны паласов для пола, даже люстры. Приехали под вечер, загнали машину в ограду, все разгрузили.

– Это мне на неделю работы, – сокрушался и радовался Сашко. А Аниса не успевала слезы вытирать. Пашко дал ей денег и на другой день отправил с Гошей на легковушке закупить посуду. Среди дня позвонил Гоше:

– Как вы там?

Гоша заорал, можно было без телефона услышать:

– Ты кого со мной отправил? Она загрузила «жучку», что самой сесть некуда, говорит, автобусом поеду.

Пашко засмеялся:

– Что ты хочешь, Гоша, если мы слаще морковки ничего не ели? Вези и Аниску домой, она на сносях, по автобусам-то толкаться.

Параня с Гараней, обе в положении, пришли, все вместе побелили стены, вымыли потолки. Пашко помогал собрать и расставить мебель, повесил люстры, ковры на стены укрепили и паласы на пол раскинули. Аниса как будто ждала этого момента, заявила:

– Все, муж мой любимый, вези меня в роддом.

Вечером Сашко прибежал в котельную:

– Братка, девочку родила Аниска, все благополучно. Порадуйся за меня, ты за последние дни не улыбнулся ни разу.

Пашко обнял брата и вытер ненужную слезу.

Через неделю привезли мамашу с дочкой, сестры с мужьями пришли, на ребенка мать дивиться не давала, чтобы не сглазили, сели за стол.

– Дочку-то как назвали, родители? – спросила Параня.

Аниса поглядела на мужа, Сашко встал с рюмкой:

– Брат мой, если ты не против, назовем дочку Гулей.

Пашко как током пронзило, он вскочил, замотал головой, замычал невнятно:

– Не-е-е-т, никогда, слышите, никогда!

И выскочил из дома. Сашко кинулся за ним, догнал в воротах:

– Брат, прости, мы же хотели, как лучше.

Пашко уперся головой в ворота, его трясло и мутило:

– Пальтишко мне принеси, я домой уйду.

Сашко принес пальто и шапку.

– Не обижайся, Санька, не смогу я слышать это имя. И на счастье твое смотреть не могу. Пойду домой. А вы живите счастливо, раз вам с Аниской так повезло. И не ходи ко мне пока, не звони. Все, пошел я.

Весна за несколько дней согнала снег, с Горы мутными потоками в Кизиловку и Сухарюшку неслись талые воды. Зазеленела на склоне Горы пахота на матерном слове, словно кто краской буквы вывел. Подперло изнутри и подняло лед на старицах. Только не гудят тракторы, не тащат на поля сцепами во всю ширину улицы бороны, культиваторы и сеялки. И

грузовики не везут со склада семена для раннего сева. Но мимо села проскользнули несколько иностранных агрегатов, которые и боронят, и сеют, и одновременно удобрения вносят. Это хозяин большого молочного комплекса договорился с главой района и взял бывшие колхозные земли в аренду чуть не на полвека. Когда его люди приехали оформлять договора на аренду земельных паев, чуть восстание не случилось, потому что пишут оплату за аренду пая в четырнадцать гектаров – три центнера зерна, даже не указывая, какого. Поднялся шум, но приехал районный глава и сказал, что земля вообще станет бросовой, если будете выпендриваться, потому что свободных земель в районе полно. Выпендриваться перестали, хотя понимали, что их просто используют.

Весна буйствовала на лугах, где раньше травы стояли чуть не в рост человека, косилками выстригали все, стога ставили рядами, как на параде, приговаривал тогда еще молодой Архип–Знаменосец. Нынче травы не косят, нет в деревне фермы, редкая коровка подаст голос утром на чьем-то подворье.

Птицы нагрянули с южных голодных краев, все болотинки, все старицы накрыли утки, гуси, лебеди. Малая пташка вернулась к родному гнезду, скворец, ласточка. Все к жизни, все в радость.

Пашко постарел за это время. Какой год он пережил, страшно подумать. И лихорадку эту золотую, и порыв к богатой роскошной жизни, и зарождение в душе самолюба и собственника, а потом убийство, вспыхнувшая сердечным жаром любовь, смерть Гули и страшная месть за ее гибель. Приезжал Виктор Иванович, не как следователь, чисто по-человечески. Сказал, что дело по убийству Гули Касеновой зависло, никаких следов, никаких свидетелей. Областники с убийством банкира тоже в тупике, ничего не могут найти, кроме снайперской винтовки в соседнем доме. Соседи помогли составить фоторобот, но это ничего не дало.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросил Пашко.

– Думаю, тебе это интересно, – ответил Виктор Иванович.

Пашко помолчал, потом сказал:

– Теперь уже мне ничто не интересно. Живу, как во сне.

– Женится тебе надо, Павел, семья, дети – это лечит.

Пашко улыбнулся:

– Ты меня первый раз полным именем назвал, даже не сразу понял, что это я. Жениться? Как, если она всегда рядом со мной? Я с ума сойти боюсь, и нет мне выхода.

– В церковь не ходишь?

– Нет. Да и за мусульманку как молиться? Я и за себя не умею. Нет, не пойду.

Виктор Иванович встал:

– Прощай, Пашко. Меня в область переводят. Хорошо, что я тебя тогда не посадил, не стал рыть под золото. Правда, не за спасибо, но те деньги были у тебя не последние. Прощай.

Пашко тоже встал и пошел в свою мастерскую, оборудовал дома хорошую столярку в горнице, детскую мебель стал делать. Кроватки двум племянникам и племяннице, столы и стульчики, игрушки деревянные. Приезжала Адия, весь день провела в его мастерской, приготовила вкусное мясо, вместе посидели за новым самодельным столом на крепких табуретках. К вечеру собралась ехать, Пашко вышел проводить. У машины остановились:

– Паша, можно, я к тебе еще приеду?

– Можно.

– Ты ничего больше не хочешь мне сказать?

– Пока ничего.

Машина пошла тихо, потому что три мамаши с колясками шли впереди. Пашко подождал, пошел навстречу, и только Аниса заметила, как потеплели всегда потухшие его глаза.

Над деревней собиралась гроза, мамаши, показав своих малышей, покатили по домам. Пашко остался на дворе. Он любил грозу, и она показала себя во всю мощь. Молнии ударяли в землю, и она содрогалась, а громы разрывались прямо над головой, даже уши глохли. Пашко ждал ливня, и он хлестанул, выплескивая широкие потоки воды, купая и омывая одинокого человека посреди большой жизни.

Владимир КАРПОВ

СЧАСТЬЕ, ИЩУЩЕЕ ДУШИ

На французской машине Поцелуев мчался по среднерусскому приволью.

Странное существо голосовало на обочине: длинное, тонкое, в занюханной выцветшей одежке, с нищенской котомкой. При этом – великолепной стати и рельефными мускулистыми руками.

– Мне на море, – девушка брызнула светом выгоревших небесных глаз, улыбнувшись чрезмерно широко, до белых десен.

– Вполне конкретно, – одобрил Поцелуев. – Поехали.

Кончик носа у нее был облезшим слоя на три. А щеки – будто гончарное изделие после обжига.

– Ну, и как там? – спросил Валентин.

– Где?

– У вас, на Марсе?

Девушка странно хихикнула: зубы на загорелом лице блеснули нереальной белизной.

– Видимо, очень припекает? – продолжал он серьезно. – Я, когда последний раз у вас был, тоже весь обгорел!

Она не стеснялась в смехе оголять десна. «Не обкурена ли?» – подумал Валентин.

– Я только что из Индии, – сомкнула спутница рот в строгой улыбке.

Можно было предположить, что девушка с ближайшей помойки, но чтобы с Индии?!

– Видимо, перемещение из точки в точку? – Поцелуев длинно кивнул, словно прокатывая вглубь понимание ситуации: – Парапсихологические, так сказать, опыты?

– Нет, самолетом. До Москвы. А сюда – автостопом. Мы – экстремалы.

Валя показно глянул по сторонам, как бы пытаясь рассмотреть этих «мы».

– У нас друзья по всему миру, – пояснила она.

И он опять прокатил понимание вглубь себя. «Нет, не обкурена, – приходил к выводу Валя, – наверное, сектантка».

– А вы – на отдых? – живо поддержала девушка разговор.

– Нет, я по президентской программе, – пришло его время озадачивать.

Она вздернула некрашеные выгоревшие брови:

– Любопытно?

– Прошел большой отбор, кастинг, как сейчас говорят. Победили в основном представители старой проверенной гвардии. Нам выдали машины и разослали по стране. Вот стоит женщина у дороги. Остановись, подвези. Дрова надо нарубить – наруби! Конечная цель – это, конечно, решение острейшей в стране демографической проблемы.

Владимир Александрович Карпов *родился в 1951 году в городе Бийске. Окончил Ленинградский театральный институт и Высшие Литературные курсы при Литературном институте им А.М. Горького. Писатель, журналист, сценарист, публицист, переводчик, радиоведущий. Публикуется в различных журналах. Создал аудиоэнциклопедию русской истории в лицах «Национальный герой». Публикуется в различных журналах, автор нескольких книг прозы. Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького – «Федина история» и других лит. премий.*

Живёт в Москве.

Она рассмеялась просто, от души: и так похорошела. Глаза заблестели умом, цепкостью. Теперь он заметил, что костюм на ней из простенького, но натурального материала индийского кроя.

– А вы – на отдых? – улыбался Поцелуев.

– Я никогда не отдыхаю. И никогда не работаю, – снова интриговала она.

– Любопытно? – повторил он ее тональность.

– Мы принимаем роды в воде. Разве это можно назвать работой? Сейчас была у одних, помогала, консультировала. Еду к другим, и снова на море. Разве это можно назвать отдыхом?

Поцелуев изобразил крайнюю степень изумления и одобрения. И узнал ее: он вспомнил сюжет по телевидению! Двухэтажный особняк сразу за Кольцевой дорогой в Подмосковье, девушка с очень крепкими руками рассказывает о родах в воде. Вокруг вьется много молодых людей в одеяниях буддийского склада.

Она была явный лидер: гуру.

– А не страшно садиться в машину неизвестно к кому?

– Когда видят девушку с таким мешочком, все стараются помочь, накормить. Бывало, ты ешь кусок поданного черствого хлеба, а мешочек у тебя полон денег.

– И что, сейчас он полон? – Поцелуев злодейски скривил бровь.

Она улыбнулась, как бы искушая его: экстремалка!

– Всякие люди попадаются. Но начинаешь разговаривать, и человек меняется.

Она была ловцом душ. Развязала веревочку на торбе, достала два яблока, вытерла салфеткой, одно откусила сама, другое – протянула Валентину.

– Опасное предложение. Один мой предок как-то вот так уже слопал яблоко.

Он открыл «бардачок», и попутчица опять вскинула брови, видя лежащие рядками плитки шоколада.

– Я их сам произвожу, у меня свой арбузо-литейный завод.

Женщина широко улыбнулась. Отстранилась ладонью от шоколада.

– Все знают, – заговорила она с легким сдержанным назиданием, – что мир делится на женское и мужское начало: «инь» и янь». Пища тоже делится на – «иньскую» и «яньскую», то есть с женским и мужским началом. Люди в большинстве предпочитают «иньскую»: мясную, молочную. Мы едим – яньскую пищу.

Еще один Великий учитель был на его пути.

– Яньская пища, – продолжала завоевание попутчица. – Это и твоя энергия. Это и укрощение плоти, высвобождение духовной энергии.

Валентин отметил: она сказала, не смирение, как обычно принято у православных, а укрощение плоти. Еще раз оглядел ладное, крепкое плечо девушки, словно рвущуюся из самой себя осанку. Да, с ее избыточной силой и энергией плоть требует именно укрощения.

– Мне нечего купить в супермаркете. Мы продукты покупаем на китайском рынке.

Жизнь по правилам Поцелуеву всегда нравилась. Но только не в отношении самого себя.

– Любая систематизация жизни, – проповедовать он тоже умел, – начинается с дозированного питания. Связано ли это со спортом, армией или верой. Первое условие любых сект – отказ от мяса и алкоголя. Казалось бы, куда как лучше: человек не пьет водку, не потребляет с мясом лишние

калории и холестерин. Но этот же человек, как правило, становится подвластным и легко внушаемым. Алкоголь – нарушение системности, мясо – пища хищника, всегда готового показать клыки. Пьющий народ – может уничтожить себя, но завоевать его нельзя!

Она смеялась от души, до слез. И славно так, почти любовно посмотрела на «водилу».

– А в телесюжете, там, кажется, муж был? Видный такой парень офисной наружности: отличался сразу от других.

– Другие отличались от него. А он похож на всех. Сотрудник банка. У нас товарищеские отношения, – она уютнее устроилась на сиденье.

Это было хорошо, когда «товарищеские».

– Мне хочется называть тебя Джан, – посмотрел он на девушку, – это переводится как душа, ищущая счастья.

– Я счастье, ищущее души.

Машину окутывали сумерки. Приятно было молчать, уносясь по вырезанному в пространстве фарами тоннелю.

Поцелуев в ночи держал курс строго на юг. Полная луна неслась вровень с машиной над кромкой земли, цепляясь, стремительно продираясь сквозь чащобу лесополосы и вновь яростно выкатываясь на степные просторы.

– Какая красота! – в раздумчивости произнесла странная попутчица.

Лора-Джан, как он ее окрестил, путешественница по миру, принимающая роды в морских водах, поджав ноги, полулежала на сиденье. Луна светила с водительской стороны, поэтому взгляд девушки касался и его: ей лишь стоило чуть повести зрачками.

– С чем ее можно сравнить? – поддержал разговор Валентин с той же тональностью. – С медным пятаком? Нет, пятак мал. С медным тазом? Красота исчезает.

– Луна несравненна. Посмотри, какое у нее лицо. Глаза... Непорочность. Требовательность. Посмотри, какая непорочность во всей природе.

Она, без сомнения, была счастьем, ищущим души.

– Какими нам надо быть непорочными среди всех накопленных людьми темных потоков, – звала в тайны Джан, – чтобы соответствовать первозданной красоте природы. Сохранить этот дар, жизнь. Это удивительное счастье, чудо, что мы живем...

Они остановились на берегу Азовского моря: бело-мутного, в цветении водорослей. Естественные радоновые ванны.

Лора-Джан скинула одежды, оставшись в одних стрингах, без верха. Шла в воду, прогнувшись парусом и раскинув длинные руки, поплыла нырками, мощными взмахами, перекручиваясь, являя пляжу ягодицы и ударяя о поверхность ногами, как дельфин хвостом. Поцелуев тоже искупался, выходил из теплой, проваренной словно воды, выискивая попутчицу взглядом: она вынырнула метров за пятьдесят! Шла, высоко поднимая ноги, на берег, загорелая, как смоль. Расположилась лицом к морю, встала в растяжку, рассылая ладонями потоки по сторонам.

Солнце еще всходило, людей на пляже было немного, но они были. Посматривали.

Косился, присев рядом, и Поцелуев. Лора – Странствующая душа – склонилась к одной ноге, к другой, опутала обе ноги руками, совершенно не стесняясь, что веревочка стринг катается туда, сюда, и то и дело из-под нее выглядывает бойкая улитка, как бы тоже упражняясь в йоге.

– Стыд – это свойство рептилий, – заметила она смущение мужчины.

Валя ощутил себя рептильным образованием.

– А как это установили? – живо поинтересовался он.

– Это сказал философ Мунку, – по всему тону, Поцелуев просто обязан был знать философа Мунку.

– А они что, рептилии, об этом ему лично доложили? – он и вправду не понимал. – Или он их сварил, как раков, и они покраснели?

– Если ты не знаешь философа Мунку, это твои проблемы. Не надо навязывать мне свое мнение. Сейчас не сталинские времена!

– Да уж, да уж, Иосиф Виссарионович показал бы этому Мунку, где раки зимуют! – паясничал Валентин.

Лора-Джан поднялась из шпагата и вытянула руки верх, к небу.

Как она была хороша в эти мгновения! Он гадал, кокой вид спорта при «мирской» жизни так натренировал ее тело. Баскетбол? Волейбол?

– Прыжки в высоту? – предположил Валентин вслух.

– Совершенно верно, – не глядела она.

– Камээс?

– Обижаешь, – чуть обернулась девушка.

– Мастер?

Она решительно взмахнула ногой, так, что совсем уж можно было заглянуть в иные миры, как в телескоп.

– Филологический факультет?

– Исторический. Я защищалась по генералу Брусилову, – посмотрела Джан через плечо с видом жестокого, но верного белому движению генерала.

«Какие удивительные на Руси женщины! – думал Поцелуев. – Бережет его Господь от обычных, а посылает – редких. Талантливых и сумасшедших. Очарованье!»

Он потянулся к ее гладкой коже с золотящимся пушком не потому, что его манило – для этого женщина слишком была занята собой. Из человеческой пытливости.

– Мое тело – мой храм, – проговорила она так, как может сказать верующий человек. – И никто в него не войдет.

Лора, конечно, была из тех замечательных людей, которым во что бы то ни стало, без какой-либо заметной выгоды, нужно заполучить чужую душу. Внимание, благоговение, хоть на мгновения, но власть.

– Зачем же храм, если в него никто не может войти? – чуть запоздало опешил Поцелуев.

Ответ на этот вопрос, видимо, не был предусмотрен:

– По крайней мере, в ближайший год, – резко прекратила Лора-Джан занятия.

«Сближаться не надо, – забил в затылке маленький молоточек, – мало ли что? «По крайней мере, в ближайший год». Да и не выберешься потом из-под нее, не надо!»

Попутчица выудила из торбочки пакетик шампуня, встала под открытый душ. Волосы, скатавшиеся и отверделые, теперь свисали русыми колечками, задубелая от солнца кожа, посвежела и задышала, щеки оказались округлыми. Там же, будто в колдовском мешочке, у нее была припасена белая кружевная кофта, черная короткая юбка и белые туфли на каблуках. Южнорусская девица на выданье!

Здесь, неподалеку, в приазовском городе жили ее родители: для них Лора хотела явиться привычным счастьем!

Джан записала его адреса и телефоны. Остановила первую же попутку на развилке дорог,

Поцелуев проводил ее влюбляющимся взглядом, успев ревностно подумать, как сейчас там, в машине, начнется новая жизнь, и бесстрашная путешественница может повести себя совсем иначе, нежели с ним.

«Я влюбилась!» – слала ему Джан сообщение.

«Не вытерпела года?» – отвечал Поцелуев.

«Я влюбилась в парашют!»

Скоро она обнаружила себя в «Орджо», где с ранней весны по глубокую осень собираются разного рода «неформалы». Валентин находился поблизости, в Феодосии.

На берегу «дикарей» народ жил, как Ева и Адам в саду Эдема до познания греха: не зная, что они наги. Откровенно рассматривать обнаженных юных див – одна краше другой – было неудобно. Возникала опасность косоглазия!

Высокая Лора-Джан, единственная в длинном облегающем платье, спускалась по склону большими скользящими шагами, с размашистым движением рук. Она присылала ему сообщения со всего мира, но здесь, при встрече, не остановилась, не кивнула даже, а лишь посмотрела на него и в том же ритме пошла в воду. Она пошла, потому что никакие жизненные обстоятельства не могли изменить ее намерений. Поцелуеву ничего не оставалось, как тоже поплыть, хотя догонять морскую «дикарку» было делом тщетным: Джан удалялась, как дельфин, длинными нырками.

Метрах в ста от берега вода разорвалась, и Лора-Джан, блеснув небесными глазами и улыбнувшись до белых десен, сказала:

– Как хорошо встретиться в море!

Она устраивала жизнь так, чтобы было хорошо!

Поцелуев сразу стал здесь любим и желанен как большой друг Лоры. Впрочем, любой человек, искавший пристанища у «дикарей», был бы принят и, как у детей, стал бы на первое время необыкновенно им интересен.

На берегу Джан в одно движение скинула легкое платье, оставшись также нагой. Потом повязала прозрачный платок на бедра, как носят кочующие цыганки.

На костре, обложенном камнями, в небольшом казане готовился плов из риса и зелени – яньская пища. Обнаженные дивы колдовали над очагом, склоняясь и ставя для удобства ноги на камни. Валя, сидя рядом, в полуметре, как подросток, украдкой поглядывал на обритые рубчики между ног. У одной, словно подернутый бисером, у другой – бледный, как голодная пиявка, у третьей приоткрытый, словно рыбий рот.

«Ну и что, братка, ну и что?» – страх сгущался внутри, оберегая былой внутренний лад. Из-за этого все страсти земные, дуэли, войны, величайшая поэзия?!

– Я понимаю, – Лора возвышалась над ним, глядя на море. – Поначалу, непривычно. Но через три-четыре дня перестанешь замечать, что есть мужчины, женщины. Будешь чувствовать, что ты просто человек, ведь есть душа, природа, Бог, какая разница, мужчина ты или женщина?

Она развернулась к нему. Между расходящимися полами легкой косынки на бедрах, вопреки среднему роду предлагаемого существования, страждущими, сгущающимися кровавыми отеками взывали к милосердию женские губы.

– Я не хочу чувствовать, что нет разницы, – проговорил Валя зависимым голосом. – Я хочу чувствовать тебя как женщину и

чтобы ты каждую секунду чувствовала, что рядом с тобой мужчина. Иначе... пропадает вкус жизни.

– Ты считаешь, что у нас нет вкуса жизни? – надменно улыбнулась она.

– Я говорил только про себя.

– У вас резинового клея не найдется? – услышал он со стороны. Повернул голову.

Перед ним стоял мужчина. Поцелуев сидел на камне, и висячий отросток с кособокой унылой мошонкой болтался как раз на уровне его глаз.

– Резинового клея не найдется? – человек интеллигентно повторил вопрос.

Валентин понял дело так, что его разыгрывают.

– Да, я всегда, когда иду на пляж, беру с собой восемнадцать тюбиков, – попытался отшутиться он.

Теперь озадачился голый мужчина, не оценив юмора.

– Найдется, – услышал Валя за спиной.

Беременная улыбчивая пампушка лет восемнадцати на вид, с выгоревшими соломенными «дрэдами» на голове и облупившимся носом несла тюбик с клеем.

– У нас тоже лодка часто рвется!

На ее большом животе таращился веселым глазом округлившийся пуп. Будет рожать в море? – вспомнил Валентин, как рассказывала Лора о родах в воде. Было ясно, что народ здесь не такой уж отвлеченный: есть лодки, рыбачат.

Лора-Джан протянула на тарелке рис, русобровая беременная девушка подала чай. Валя, по простоте душевной, вытащил из пакета специально намороженную в холодильнике бутылку сухого вина.

– Зачем человеку нужен алкоголь? Зачем он ест много сладкого? – Лоре выпал случай дать урок.

– Человеку нужен допинг, сладкое мобилизует, алкоголь веселит. А есть внутренняя энергия, – она подставила ладони солнечным лучам, – есть энергия природы...

– Разве человек пьет, по крайней мере, русский, ибо действия алкоголя имеют строгую этническую окраску, – попытался Поцелуев изловить эту женщину на ее же наживку, – для веселья? Грузин, скажем, пьет и устраивает театр: каждый говорит тост, и совсем необязательно, чтобы этот тост соответствовал правде, важно, чтобы это было красиво, сюжетно, важен эпический пафос. А русский – обретает свободу. Он стеснителен от природы, он вечно себя корит, полагая, что живет хуже, чем должно. Душа его – вода – ей надо вытечь и втечь и, наоборот, впустить в себя иную воду. Русские – постигают друг друга, себя, переползая душами, меняясь, они примеряют к себе чужой мир. Поэтому и пьянство русского заметнее, ведь пьют почти все, а видно того, у кого душа болит: ему надо показаться на миру!

– А разве нельзя перетекать, как ты выражаешься, душами без алкоголя? Разве это не происходит с нами сейчас?

– Боюсь, что нет: душа перетекает через рану.

– Поживи здесь, – улыбнулась Джан великодушно. И добавила: – Если сможешь.

Она привстала на цыпочки, потянулась, как это бывает с человеком, пожелавшим размять застоявшиеся члены. Распростерла перетянутые сухими рельефными мышцами руки, странно, красиво сломав их в изгибах, будто птица перед взлетом.

Зримая воплощенная страсть!

Лора-Джан занялась упражнениями, разгоняя ладонями воздух и все нечестивые помыслы, каждым движением словно выговаривая: «Мое тело – мой храм».

Ему улыбались, его продолжали любить и смиренно принимать со всеми «дикарскими» – то есть привычными – представлениями о жизни. Валя жевал полусырые, на китайский лад, зерна риса, запивал несладким чаем и с подступающим ужасом отмечал: как резкий запах притупляет обоняние, так и женщины в обнаженном обилии теряли визуальную притягательность, хотя еще и не прошло отведенных Лорой трех-четырех дней. Ротики между ног строили ему веселые рожицы. Милый щебет стоял вокруг. «Как вкусно!» – восторгалась одна Божья душа. «Вам нравится?» – радостно склонялся ангелочек.

Темнота, белесые проемы окон, контуры тяжелой, под старину сделанной люстры над головой. Гул разбуженного, растревоженного осеннего моря. Шум деревьев в задувании ветра. Уже полгода его в страхе вырывала из сна простая идиотская мысль, что все, ничего не поправишь, как в свершившемся преступлении или факте смерти. Для него больше нет его женщины, которой, как бы он ни старался заменить ее всеми, роднее нет.

Спасительно засветилось окошечко Интернета, где можно было высвободиться от излишеств чувств. Налил вскипевшего чайку, устроился поудобнее, нацепил очки... В порыве ветра и наплыве гудящей волны почудился женский стон, вскрик! Прислушался: на самом деле, звали: «Валентин Ивано-ови-ич... Ва-аля-а...»

Открыл дверь. Соседская беременная девочка – старшая из многодетной семьи – сидела у порога, обхватив живот.

– Позвоните... в роддом. Пожалуйста. Мама... на дежурстве.

Он стал набирать номер: «03» – вызов срывался. Ясно, у него московский номер, здесь, на городской телефон, нужно звонить через код. Внес беременную девочку в комнату, положил на диван.

В курортном городе и среди ночи можно встретить прохожего. Вновь выскочил во двор, на улицу: узнать, как позвонить в роддом? «Не знаю, я не местный», – пожимал плечами один. «Я из Магадана», – ответил другой. Правильно, успевал подумать Валентин, золотоискательские артели закончили сезон – и сюда.

Он вернулся обратно, девочка лежала. Запрокидывала голову, упиралась ногами в кожу дивана.

Машина была на стоянке, неподалеку.

– Потерпишь, я мигом? – спросил Валентин.

– Я не знаю. А меня примут, у меня свидетельство о рождении таджикское?

– А паспорт?

– Паспорта никакого.

Он помнил: семья была русской, но из Средней Азии, беженцы.

– Примут, – со злом решил он: сил не было от всего этого маразма, когда даже для того, чтобы родить, нужна бумажка!

Бежал по улице, преодолевая порывы ветра, и уверенность гасла: а ведь, правда, могут не принять. Точнее, принять только на коммерческой основе. «Лора», – окликом пронеслось в голове: Лора-Джан понимала в родах.

– Лору? – сонливо тянул девичий голос: там, на пляже дикарей, никто никуда не торопился.

– Да-а, – светло и лучезарно отвечала Лора-Джан в хмурой ночи.

Он объяснил.

– Ты на машине?! – прорвался вулкан. – Вези ее сюда, мы пойдем навстречу!

Беременная девочка полулежала на заднем сиденье, терпела.

– Не терпи, кричи! – прокричал он сам, вспомнив, как советовали

роженицам врачи или медсестры в кино.

– Дыши глубже, чаще, это ослабит потуги.

Она глотала воздух, но кричать – нет. Видно, там, в Таджикистане, их по-другому настраивали.

Вот только она во дворе развешивала постиранное белье своих младших сестер и братьев. И Валентину так нравилось, что современная девочка ведет себя по-старинке – заботится о младших. Спрашивала его про Москву и говорила, что после школы хочет поступать в Педагогический. Была эта девочка, Саша, десятиклассницей и училась хорошо. Но появился рядом с ней местный хулиган: тщедушный, закуренный, но отчаянный. Феодосийские девчонки почему-то любили шпану! И в округе их полно, несовершеннолетних матерей, родивших от неведомо кого, не имеющих ни профессии, ни образования, никак не готовых к материнству. Сашин недомерок появлялся то с фингалом, то с выбитым зубом, постоянно нес какую-то околесицу про свои «подвиги», варьируя рассказ из трех слов. Слышалось «Хеб». Но как при этом светились глаза хорошей школьницы и заботливой старшей сестры Саши! Валентин однажды подошел к ней и сказал, мол, будешь с таким дружить, не видать тебе ни Москвы, ни института. Лучше бы не говорил: произнесенное слово имеет силу! Накаркал! Школу не окончила, надо рожать! А «Хеба» уже нет: будущего отца и кормильца нашли в канаве: передозировка!

Ближний от городка дикий пляж был пустынным. Море, расходясь, волнуясь, выбрасывало волны все дальше, зализывая песчаный язык, добегая до кромки горного склона.

Валентин нес беременную девушку, опускал ее на землю, чтобы передохнуть, она пыталась идти сама, приседая, снова брал на руки, поднимаясь от вытесняющей волны все выше, вверх, на сопки.

Ему открылась пустынная вторая бухта, и вдруг, словно родившись в скале, показался огонек, один, второй. Факельное шествие развертывалось по приморскому склону. Дикие люди шли с горящими факелами в руках, теперь они были одеты, если их балахоны и набедренные повязки можно назвать одеждой.

Джан, как счастье, ищущее души, высокая, прямая, с расправленными плечами, с глазами, как два отраженных в море огненных всполоха, шла впереди.

Община действовала слаженно, хотя никто не давал команд. Лора-Джан и две девушки с нею, блистая нереальными, белесыми выцветшими глазами с белесыми ресницами, с соломенными распущенными волосами, завели роженицу в море, опустили на четвереньки так, чтобы вода не покрывала спины и головы. Лора держала роженицу за бедра, девушки – за плечи. Набегающая волна сносила их всех вместе, и морские повитухи успевали приподнять роженицу, не давая ей захлебнуться. Еще несколько девушек устроили заграждение – живую дамбу, волнорез, защищающий роженицу и повитух. И все это девичье скопище вздымалось на водах – у Вали, ровно в такт волнам, обмирало сердце, казалось, вот-вот и унесет всех в отрытое море. Двое юношей – их всего здесь было двое – также кинулись на помощь.

– Может, вынести ее, пусть рожает на суше! – прокричал Валентин, видя вновь набегающего с раскрытой пастью водного зверя.

Девушки глянули на него в ответ невидяще и продолжили колдовское дело. Поцелуеву приходилось видеть живых шаманов, настоящее камлание: «У-ши-и, уш-и», – подражал шаман звукам далекого моря, «Ры-ы-а!» – рычал медведем. И уголья – догорающие головешки – тлели в костре.

Здесь также горел костер – пылал, сбиваемый порывами ветра, уносился искрами по склону, разбивался о небеса. Людские тени колдовали вокруг огня, среди которых выделялся силуэт беременной с «дрэдами», похожими на многочисленные рога. Парила в чане вода. И люди в море творили неведомый обряд. Новая морская волна их грозила смыть, и теперь уже Валя бросился в воду. И в тот момент, когда он хотел обнять стоящих заслоном девчонок, чтобы укрепить щит, людей разнесло на волне, и он, стремясь поддержать роженицу, поймал что-то странное, пугающее, осклизлое. Ребенок, привязанный пуповиной к матери, как космонавт, вышедший в открытый космос, был в его руке.

– Крути, крути по ходу головы, – помогла Лора, – чтобы не захлебнулся!

Волна катила к берегу, и нужно было успеть, суметь схватиться, остаться на твердой почве, чтобы море не унесло обратно. Лора тянула роженицу, а он держал младенца, и так они в связке, преодолевая волну, спотыкаясь и падая, поднялись на сушу.

Темная пуповина пульсировала как самостоятельное живое существо. Младенец был мальчиком, точнее, мог быть мальчиком. Ручки и ножки покрытого сукровицей тельца висели недвижно. Валя успел подумать, что младенец захлебнулся, и он виноват, устроив такие роды. Как подумал, что, наверное, это к лучшему: ну зачем этой девочке ребенок? Да еще, как говорили, от наркомана?!

Лора-Джан цепко ухватила младенца за лодыжки и, перевернув верх ногами, с силой, будто подхлестывала все мужское население планеты, шлепнула его.

– Уа-а-а! – страшно заорал тот. – Уа-а-а! Уа-а-а! – состязался он с шумом прибоя.

– У-а-а! – поддержали его взрослые собратья на детский лад.

Рука Лоры одним четким движением наложила на пуповину пластмассовый зажим. Другая ее рука столь же решительно перерезала пуповину обыкновенными ножницами.

У костра была разослана простынь. Кричащего, сучащего ножками младенца обмывали. Омывали и мать, одевая ее в просторные одежды. Девочка, родившая дитя, не проронила ни звука, словно старалась ничем не выдать своего присутствия. Теперь улыбалась, не сводя глаз с рожденного сына.

Лора-Джан, скинув долгий балахон в одно движение, взмахнула окровавленными длинными руками и взглядом, решительным оборотом головы позвала Поцелуева в море.

– Запомни, – как заклятье произнесла она. – Главное, идти сквозь волну только прямо. Чуть уйдешь в сторону, унесет и разобьет о камни.

Это было безумием! Это была – на свой лад, – рулетка! Женщина предлагала мужчине сыграть, поставить на кон – страсть или жизнь!

– Риск ради риска, это удел мужчины! – разгневался Поцелуев. – Если нечем больше самоутвердится! Но зачем это тебе, женщине – утверждайся в семье, расти детей, дари вдохновение мужу?!

– Неужели ты не понял, Поцелуев, что у меня никогда не будет детей! – развернулась она к нему во всю стать.

Две наплаканные сосульки – титечки на атлетической фигуре – сиротами взывали к милосердию.

Мессианской поступью прекрасная Лора-Джан шла в пока еще откатывающееся море. Снова, повернувшись, улыбнулась – ему ли? Так ли, в пространство? Сильно, чрез меры, до обнажившихся десен. Влажные колечки волос тряхнулись на висках. И ушла в волну, вздымающуюся нахлестом, способную закатать лодки, катера, корабли.

«Для чего?! – прокричал голос в его душе. – Если это даже не отбор мужской особи, проверка самца, подходящего для зарождения плода?! Если это все лишь игра?!

«Дикари» в умилении окружали юную мать с младенцем. Она значительно отличалась от них: белизной кожи, налитым телом и стыдливостью, с которой она пыталась спрятать за коленками обильный треугольник, отсутствующий у других див. Валя почувствовал, как по животу пальчиками сбежало желание, почти угасавшее здесь.

Ребенок с жадностью сосал несоразмерно пышную для юного личика мамы грудь с такой жадностью, будто он уже познал голод и лихолетье времен.

Девушки махнули, радушно приглашая к костру, где был готов чай. Выходка Лоры-Джан, видно, была для этого населения делом обыденным.

– Что-то никто больше не торопится купаться?! – приблизился Поцелуев.

– Каждый выбирает сам, – поняла его смятение беременная девушка с дрэдами: ободки толстых многочисленных косичек делали ее фантастическим существом.

– А как потонет?

– Станет русалкой.

– Или дельфином.

– Или водорослью.

Из детства Валя Поцелуев помнил женщин, у которых жалость обгоняла беду! Он даже увидел, как они сейчас бы метались по берегу и кричали грозными голосами, пред которыми любой герой делался маленьким и послушным ребенком. Но здесь все бемятежны.

Джан утопала, терялась из виду в пене морской и вновь взлетала на гребень волны.

– Лора – необычная женщина, – пояснила беременная с дрэдами.

Теперь он рассмотрел ее лицо: простое, курносое, веснушчатое, с глазами образованного человека.

– А в чем разница с «обычными»?

– Обычные – склочничают на кухне, скандалят, устраивают мужчинам истерики...

– Женщина скандалит и доводит мужика до белого каленья, – смешком скрывал раздражение Валентин, – с одной ясной целью: чтоб потом, как говорится, шибче жалил! А вот она?.. – он ткнул пальцем в сторону моря и внезапно умолк.

Лора стремительно удалялась на волне. Ее уносило, забирало, и нельзя было оттуда ее снять, забрать, ничего нельзя было поделать! Вдруг исчезла совсем: унырнула вглубь.

«Вши-их, вши-и-и-у-ух», – шли грядой пенистые зубья волн, накрывая одна другую. Только полозья лунного света скользили по поверхности. Даже философски настроенные дикари притихли, насторожились.

И Джан вылетела из пены, с верхушки гребня, обогнав движение волны. Показалась из вод с распростертыми руками, как

распятье. И гулом откликнулось племя у костра: «У-а-а-й!!!»

Младенец в испуге оторвался от груди и тоже заголосил. Мать, нежно глядя на дитя, сунула пухлый сосок ему в губы, и крохотный мужичок тотчас снова припал всем личиком к груди.

Джан, на острие жизни и смерти, продолжала игру – с ним, с собою, с судьбой. Тешилась и утешалась.

Бесконечные женщины выплыли в его воображении, но так реально – женщины в самостоятельном плавании.

«Подцепить на крючок, – вспомнил Валя поучения старого зека, сладострастника «Достоевского», он же «Граф»: – Подцепить на крючок – это не рыбку поймать. В воде женщина беззащитна. Потому что как лягушка. Подплываешь, скользишь за поясницу, по ложбинке, разворачиваешь – и на крючок!»

Он никогда не любил всех этих советов, методик, исходят они от доморощенного знатока или дипломированного специалиста. Знал, что самый сильный ключик к женщине – тайна... Другой надежный ключ – стихия...

«Подцепить на крючок – это не рыбку поймать...» – словно кто-то нашептывал рядом.

Беременная с дрэдами, кажется, усмехалась, показывая, как он ничего не понимает в необыкновенных людях. Младенец сосал материнскую грудь, будто только для этого был рожден: насытиться!

Поцелуев окинул их полуслепым взглядом и пошел в море. Бросился в волну, выхлестнувшую на берег.

Он плыл под водой за женщиной и не мог не плыть, потому что она звала. Она звала, обещая приоткрыть храм свой. Он плыл, потому что женщина хотела что-то кому-то доказать. А он хотел что-то доказать ей. Плыл, строго соблюдая наказ: ни на пядь в сторону, только вперед, прямо. Водный поток бил навстречу, норовил сгрести в охапку и кульком унести обратно. Поднятая со дна грязь царапала тело. Волна не кончалась и не кончалась, паника холодными пальцами пробирала до пят: а как вдруг он попал в следующую волну, и не хватит воздуха? В груди сжимался ком, простукивало виски. Зачем он поплыл, зачем во все это ввязался?! И делал новый сильный гребок вперед!

Плоть воды разорвалась над головою, он глотнул воздух, успевая балансировать у подножья нового водного вала, овладевая, как Джан, техникой штормового плавания: удерживался на скольжении волны, не сопротивляясь, не пытаясь плыть навстречу и обгонять движение вод. Отдышался, и снова пошел сквозь волну, не сворачивая.

Он настигал ее, женщину, будучи уже не собою, Валей Поцелуевым из деревни Любимовка, – был посланцем мужского племени на земле, мужского воинского братства, воплощением его здесь, в буйных водах, перед одичалой, отбившейся от крепкой мужской руки женщиной. Посланницей женской касты.

Джан восторженно взмахнула руками и развернулась для нырка, игры. Его рука по всей науке старого зека проделала путь, и женщина замерла, тотчас обмякла, сделавшись послушной и податливой.

Она прогибалась, извивалась, оборачиваясь к нему с поцелуем, глаза ее вспыхнули и выдохнули уста: «Это круто, Поцелуев!»

Резанула злость: даже сейчас она была не с ним, а с тем, что «круто». Волна кинула их, понесла, и он крепче прижал ее, пробивался, вбивал свою невыраженную страсть, боль, жизнь! Возвращал женщину – женский род – к себе, мужчине, призванному обладать. И все они были здесь, «на крючке», и Малинка с ее потаенностью, и проповедующая Вероника, все, потому что так решил он, мужчина.

Он удерживал ее, а она гребла: руки ее были свободны, и в них хватало сил грести за двоих. Она вжималась в него, послушно, податливо, и уже не была отдельно собою, из самостоятельного плавания, женщина отдавалась ему. Их вместе несла волна, и на гребне, на краешке вздыбленных вод он чутко уловил ее движение в запредельность, которая делает женщину всецело принадлежащей мужчине. Прильнул, замерев, давая ощутить себя с ней единым целым.

Волна дала время женщине, в гордыне искушающей судьбу, прожить полет страсти. А мужчине, вознеся наверх, вернула на миг страх и открытый взор. Стихия бушевала несметная! И где-то над ухом объявился старый зек и зашептал, как Змий: «Мужчине кажется, что он покорил женщину, и женщина ему принадлежит?! Тогда как женское – в женщине – не принадлежит даже ей самой и живет своей отдельной жизнью, – это морской блик, часть магмы невидимого мирового океана, бурлящего, дышащего – бесконечного хлюпающего пузырчатого болота, рождающего в жаркий день потоки человеческого комарья. Как можно победить болото, сунув туда отвертку?!»

Ради красного словца Поцелуев не единожды повторял эту мысль лагерного сексопатолога, не отдавая отчет, насколько она – есть правда. И вдруг в пучине вод ясно ощутил, что удерживает не женщину, а часть бушующей стихии. Обнаружил себя чем-то вроде электролобзика, делающего пропил в море.

Волна сбросила людей, как щепу. Опытная морская пловчиха Лора-Джан словно зацепилась за гребешок, покатилась по поверхности в пене: она, конечно, не специально уплывала, оставив мужчину в закостенелой незавершенности – так распорядилось выживание. Поцелуев еще успел увидеть вырванную из объятий, удаляющуюся женщину, накрываемый, как крышкой, водами. Поток потянул вспять, закручивая в кружении.

Как хотелось жить! Жить и только жить, и больше ничего, лишь бы вновь увидеть солнце! Хотя бывало с ним уже не раз, когда казалось, выживи, выкрутись, переживи худо, и все станет по-другому, праведная дорожка откроется ему. Но поднимался, выкарабкивался, освобождался, вставал на ноги, и это «все» снова вертелось веселым колесом. Но сейчас – выстукивало сердце, – теперь-то, лишь бы наверх, а там – свет!

Но почему ил? Муть? Дно?.. «Высвободиться»... Неужели там высвобождение?

Куда уносило, утаскивало Валентина? Сор, какие-то тряпки? Неужели на дне моря тоже отходы и мусорные бачки? И почему у него такие крохотные слабые ручки? Он весь маленький?

Валя сделал рывок, разорвал воды вновь выросшими сильными руками, стал грести, вырываться,

туда, наверх. «Вши-их-х» – подняла, понесла волна. Швырнула, покатила по камням. Он лежал на берегу и был жив!

Вал откатывал обратно, а там, под темным небом, разевал пасть новый водный зверь. Поцелуев покатился со спины на живот, вскочил, цепляясь за валуны, соскальзывая, устремился вверх, к нетронутой морем почве.

Все клокотало в нем, мышцы подрагивали, все еще вырываясь, выдираясь из страха, и сердчишко выпрыгивало щенячьей радостью, ликуя, что пронесло, и оно продолжает биться!

Лора-Джан – Блуждающая душа – спокойно, на черте суши и бушующего моря, чуть склонившись, с наслаждением отжимала волосы. Белесые ее глаза и белоснежные зубы рыболовными блеснами в полутьме как бы прыгали по волнам.

Поцелуев распрямился, делая вид, что он тоже в порядке.

Все существовало раздельно.

«Дикари» в прежней безмятежности сидели на крутом берегу вокруг языкастого костра.

Ветер парусами раздувал их свободные одежды.

Девочка, ставшая матерью, зачарованно смотрела на сына. В какое гражданство будет его оформлять, если сама имеет лишь таджикское свидетельство о рождении?

И младенец сам по себе сосал, казалось, неиссякаемую материнскую грудь.

И Валя, уже, было, призванный свыше, жил раздельно со своим телом, у которого невпопад, порознь двигались руки и ноги.

Праздничное факельное шествие полуобнаженных людей проводило гостей до окраины городка, где ждала машина. Девы помогли устроиться роженице и новорожденному на заднем сиденье. Поцелуев расцеловался с Джан, обнял на прощание других девушек с неожиданной щемящей горечью расставания.

Привычно положил руки на руль, взял скорость и ясно ощутил, как существо его бьется привязанным воздушным змеем над морем ли, над диким ли пляжем или еще в каких далях?

Интернет просто взорвали фото, слайды, видео обитающей в Египте, под Дахабом, общины «джан-буддистов». Старая поговорка «Брошу все, махну в Урюпинск» менялась на «Брошу все, махну в Дахаб». Сначала на диком берегу поселились человек десять, а скоро община выросла до нескольких тысяч. Люди собирались сюда со всего мира, говорили на разных языках, понимая друг друга, оставив принятые нормы, государственные условности. Харизматичная предводительница Лора-Джан пронзала волну величиной с трехэтажный дом. И молодые люди специально приезжали сюда, чтобы пронзать волну. Она принимала роды в воде – беременные сбивались на берегу, подобно нашествию черепах. Лора проповедовала свободу, слияние с природой и жизнь в согласии с самим собой. Так она и жила, принадлежащая всем и неприступная для отдельных лиц.

К великому изумлению общинных дикарей у наставницы и главной повитухи Лоры-Джан стал расти живот. Шла молва о непорочном зачатии, которое, как выяснилось, возможно, с биологической точки зрения: крысы и некоторые виды акул, в экстремальных условиях, способны к самооосеменению, выделив

из клетки мужской ген. Многие были уверены, что именно это феноменальное явление случилось с Джан. Она превращалась в идола. Однако более степенная и рассудительная часть общины все настойчивее указывала на связь Лоры с невзрачным тщедушным художником, вечно пощипывающим свою жидкую бородку. Он не пронзал волну, как иные мужчины, пытавшиеся завоевать свободную женщину, объявившую свое тело храмом, не ходил за ней по пятам, следуя ее джан-буддизму, не делил пищу на «иньскую» и «яньскую», а ел и пил по тщете своей, что Бог пошлет. Художник на диком берегу спокойно рисовал картинки. Лора рассказала ему про волну, придавливающую толщей, и он нарисовал женщину, пронзающую океан. Она поведала о скате, летящем под водою, и скоро увидела крылатую подводную птицу на картинке. И тогда, сразу же, словно высвобождая место от всего прочего, под сердцем бесстрашной девы появилось неожиданное чувство робости. Запечатленный скат поражал воображение еще больше, чем тот, реальный, виденный ею. Можно всю жизнь пронырывать волну, море накатит их еще бесчисленное множество, а пронзающая волну женщина на картинке – побеждала волну навсегда. Джан рассказывала художнику о новорожденных детях, выходящих из материнского чрева в открытое море. И художник, так и не удосужившийся по глубокой лености своей дойти и посмотреть, как это происходит, вновь писал картину, от которой она уже не могла отойти сознанием. Бывший муж Лоры, красавец банкир, манил ее путешествием на яхте, пытаясь вернуть свою ушедшую в моря русалку. Джан, с истовостью бедуинской женщины, раболепно прильнула к нищему художнику, готовя для него краски и омывая ноги перед сном.

Как цапля или как вытянувшийся лягушонок, она блаженно ходила вдоль берега, согласно культуре бедуинов, в долгополых одеждах, смотрела на редких теперь смельчаков, отважившихся пронзить катящуюся трехэтажную волну, испытывая к ним тихое блаженное сочувствие. Лоре больше ничего не требовалось преодолевать. Правда, обратно пропорционально растущему животу менялись требования к художнику, как к будущему отцу: он должен был не только рисовать картинки для души, выражая некую мировую сущность, но и, ради их чада, – импульса Вселенной! – зарабатывать картинками на молоко.

Почти вся община перестала пронырывать под волной, зато с каждым днем прибавлялись шлепающие по кромке берега «цапли» и «лягушата».

– Как люди живут? Зачем? – высказывались на форуме одни. – Придуманное, далекое от реальной действительности существование!

– С чего вы взяли, что там, на берегу, далекая от действительности жизнь?! Парламенты, офисы, стройные ряды, пиджаки, галстуки – вот она, абсолютная нереальность!

Юлия НИФОНТОВА

ПОДАРОК КОЛДУНА

...Ничего не может проиграть женщина, гадающая для подруги; разве что такие пустяки, как любовь и счастье...

Елена Толстая «Адмиралъ»

«Она! Снова она!» – Аня с тоской смотрела в окно, наблюдая, как на школьном крыльце топчется невысокая женщина, одетая нелепо и словно с чужого плеча. «Боже, как стыдно! – в отчаянии Аня уронила голову на свой учительский стол так резко, что больно стукнулась лбом. – Ученики ведь смотрят. Коллеги уже косятся. Ну, сколько можно-то!» Действительно, бесчисленные неугомонные клиенты, или «ходоки» (как она их называла), разрушили, по мнению Ани, не только её психику, но и семью.

И хотя Аня никак не могла запомнить имя женщины, она отлично знала, для чего та частенько поджидает её после уроков. Ст*о*ит лишь попасть в её поле зрения, как эта монашеского вида скромница встрепенётся, кинется на шею, словно к родной матери, и начнёт безостановочно причитать, рыдать, умолять, заглядывая в глаза. Видеть это почерневшее от горя лицо, слышать бесконечные вопросы о том, выживет ли её тяжело больной сынишка или нет, было Ане уже совершенно невыносимо. Она знала, что мальчик обречён. Об этом ясно свидетельствовали «траурные» линии на ладонях женщины, но признаться в этом обезумевшей от горя матери Аня была не в силах.

Необъяснимый жутковатый талант хироманта приносил Ане всё больше и больше тревог и горестных разочарований. Она и сама не заметила, как из застольного развлечения и потехи гадание по руке превратилось в тяжкое бремя. И когда только вездесущее сарафанное радио успело разнести слухи о её необыкновенном даре далеко за пределы родного города? Откуда узнали о ней все эти многочисленные «ходоки» из соседних областей и даже столичные звёзды, оставалось только догадываться.

Муж Никита долго терпел вторжение армии страждущих в их малогабаритную двушку, в которой они ютились совместно со старенькой Аниной бабушкой и маленькой дочкой. Точнее, нашествие началось даже раньше, когда их семейство ещё обитало в частном бабушкином домишке на окраине города. После переезда они надеялись затеряться и пожить спокойно, но не тут-то было! Ходоки находили повсюду!

Юлия Анатольевна Нифонтова *родилась на Алтае. Профессиональный художник и писатель. Автор многих прозаических и поэтических книг. Лауреат литературных премий им. А.С. Пушкина, им. А.П. Соболева, им. В.В. Бианки. Член Союза писателей России.*

Живет в Барнауле.

После жёсткого ультиматума супруга – «или я, или они» – Аня строго-настрого запретила навязчивой клиентуре даже появляться на пороге их жилища, надеясь, что на работе поток визитёров остановит бдительная охрана.

Однако путём уговоров, слёз, хитростей или демонстративного игнора ходокам всё же удавалось прорываться через вялых школьных секьюрити. Хоть Аню весьма высоко ценили в коллективе как талантливого и перспективного словесника, но без силового вмешательства администрации не обошлось. Первым делом её серьёзно предупредили о том, чтобы она во что бы то ни стало пресекла поток нежелательных гостей в учебное заведение. Жалкие попытки поменять номер телефона и спрятаться от докучливых посетителей ни к чему не привели. Не спасло это от нескольких сердитых выговоров раздражённого начальства. Да и без развода, к сожалению, тоже не обошлось. Муж начал погуливать, а потом и вовсе уехал в столицу, ограничив общение переводом алиментов.

Общаться с некоторыми из Аниных клиентов было иной раз неприятно, а порой даже опасно. Многие толстосумы, например, почему-то считали, что гадалка может не только прочитать их жизнь по ладони, но ещё и как-то исправить. На прошлой неделе её вообще выкрали из школы самым бесцеремонным образом. И кто бы вы думали? Не зарвавшиеся от шальных денег братк***и*** с ожиревшими загривками, не осатанелые от вседозволенности властные мужи, не наркоманы с отмороженными глазами, а прекрасные хрупкие девушки, будто отштампованные по образцу куклы Барби.

Яркая стайка дев***а***х вызвала Аню прямо с последнего урока, благо класс писал сочинение, и звонок должен был прозвенеть с минуты на минуту. По-видимому, вечно похмельный заспанный школьный охранник не стал для них сколько-нибудь серьёзной преградой.

– Привет, мы от Викуси.

Затем на обескураженную Аню обильно посыпались фальшивые улыбки и дежурные поцелуйчики. Подружки нежно защебетали о том, что в неких загородных апартаментах стынет шампанское и что уже пора – труба зовёт, да и приключения не за горами и т.д. Не успела Аня очнуться от наведённого дурмана, как дорогой автомобиль умчал её от места работы и привычных забот. Отрезвления не наступило и после того, как они оказались в шикарном коттедже элитного пригородного посёлка. В какой-то момент Аню словно накрыл весёлый хмель беззаботности, когда, как гласит народная поговорка, любое море по колено. Ей даже почудилось, что и она тоже такая же яркая, богатая, свободная и живёт некой совершенно другой, чужой необыкновенной жизнью, как все эти прекрасные девушки, напоминающие биороботов из фантастического блокбастера.

Кто такая была та мифическая Викуся, да и все эти расфуфыренные девицы, так и осталось невыясненным. Каждую точёную Барбию (этак в раннем детстве называла американскую куклу Анина дочурка) можно было отнести как в разряд жён олигархов (равно криминальных авторитетов), так и к прекрасным представительницам золотой молодёжи местного разлива.

Однако причина столь жгучего интереса к скромной Аниной персоне была ясна изначально. По-быстрому накачав гостью шипучим вином, девицы стали наперебой совать ей под нос свои ладошки. Алкоголь всегда помогал гадалке моментально погружаться в нужное состояние. «И понеслось! – как любила говорить Аня. – Дверца открылась!» Густонасыщенное знание о том, что было-есть-будет, словно непомерно тяжкий груз, рухнуло прямиком в бедную Анину голову, и она, впав в мистический транс, едва успевала проговаривать выскакивающие из подсознания сведения.

Видимо, то, о чём рассказывала Аня, было столь точно и правдиво, что девушки изначально чуть не передрались за право услышать предсказание первой. Но затем быстро смекнули, что не пристало выкладывать столь интимные подробности на всеобщее обозрение. Быстро организовав очередь, они отваживались подходить по одной и то лишь после разрешения. Слава Богу, что после сеанса Аня мало что помнила из сказанного, иначе отравилась бы чужими тайнами самого омерзительного свойства и давно бы потеряла веру в человечество. После пытки девичьим прошлым и будущим обессиленную Аню отправили домой на такси. Девушки, потрясённые услышанным, заметно подрастеряли недавний кураж. Но не меньше поразило их и то, что вещунья наотрез отказалась брать плату за своё удивительное искусство.

И всё же на следующий день в Анину квартиру занесли презенты: огромную корзину цветов, ящик коллекционного шампанского, а также толстенный фолиант «Курс хиромантии» издания национальной академии Монреаля. «И где только эти дурёхи достали столь редкий учебник, да ещё в русском переводе? – недоумевала Аня. – Да и на фига он мне вообще сдался? Им же не объяснить, что линии и бугорки на ладонях да разгадывание хитросплетений чёрточек на коже – это лишь изначальный пин-код, некий ключ от той самой заветной «дверцы». А уж когда она откроется, то знание польётся полноводной рекой, что протекает по бескрайней Вселенной, и нет той реке ни начала, ни конца... и нет этому объяснения...»

Аня печально усмехнулась, припоминая своё недавнее приключение и то, какой горький привкус оно оставило. Вспомнила, как смотрела на неё заплаканная дочка, как тихонько дёргала за рукав, да так и не дождалась ласки и внимания от отяжелевшей и безразличной ко всему родительницы. С каким укором и затаённой болью глянула на пьяную внучку бабушка, но лишь поджала губы и молча скрылась, будто убегала от какого-то страшного непотребного зрелища.

Однако сколько ни оттягивай неприятный момент, а пора было выдвигаться с опостылевшей работы – в условленном месте уже поджидала Аню верная-любимая-единственная подруга ещё с детсадовских времён – Яночка. Выглянув из школьных дверей, Аня не увидела скорбного силуэта просительницы, и душа её возликовала. Но не тут-то было! Не успела девушка сделать и десятка шагов, как та вылетела из-за угла здания и набросилась на Аню, словно оголодавшая кошка на мышь, которую долго подстерегала в засаде:

– Аннапална! Аннапална! Посмотрите, пожалуйста! Ну, одну

всего секундочку! Может, что-то изменилось вот сейчас?! – взахлёб лепетала женщина, пытаясь поднести ладони к Аниным глазам.

– Нет, не вижу никаких изменений, – упорно отворачивалась Аня, желая поскорее отделаться от женщины.

– Да вы получше, получше посмотрите! Вы ж и не глянули даже как следует! Я ж к вам два часа на перекладных из Лавренёвки летела сломя голову. Ведь вчера доктор сам сказал, что полегчало мальчику-то моему!

Аня с интересом взглянула на ладонь женщины, но в ту же секунду опустила глаза. Снова она наткнулась на чёткие знаки близкой и неминуемой смерти ребёнка. Но, как и ранее, язык не поворачивался сказать об этом обезумевшей от горя матери.

«Эх, пусть меня лучше считают плохой гадалкой», – с горечью вздохнула Аня, решившись на ложь:

– Да, действительно, вот тут небольшое улучшение наметилось... но пока сложно что-то определённое сказать, – прошелестев это одними губами, Аня потупилась и густо покраснела, что вовсе не смутило несчастную.

– Ой, да спасибо ж вам! Огроменное какое спасибо-то вам! Нате-ка возьмите! – женщина стала суетливо открывать старенький засаленный гомонок, из таких, какие остались только у совсем древних деревенских бабушек.

Увидев протянутые купюры, Аня взревела как ужаленная. Выпалив своё постоянное «Не надо!», отмахнулась от женщины и стремглав побежала прочь, не оглядываясь.

Яночку было заметно издалека, словно волшебный аленький цветочек, освещала она своим ярким нарядом тусклый пейзаж провинциального городка. Модница всегда умела удивить окружающих неожиданными и смелыми решениями в гардеробе. Едва завидев Аню, девушка замахала руками столь энергично, что казалось, будто сказочный цветок затрепетал от сильного порыва ветра.

– Да ты где ж так долго-то? Там же очередь длиною в товарный состав и запись за два месяца! – беззлобно отчитала Аню подруга.

– Так, ты куда меня снова решила втравить?

– Вот тебя как раз совсем никуда не собираюсь. Это ж сам Марэй! Знаешь, сколько я денежек отвалила, чтоб к нему на аудиенцию попасть? Три твои учительские зарплаты!

– А я-то тебе для чего? Я не собираюсь свои кровно заработанные на каких-то очередных аферистов спускать.

– Да с чего ты взяла, что он аферист? К нему даже из заграницы (!) ездят, а кто у него побывал – те просто в шоке!

– Оно и понятно, будешь тут в шоке – если столько денег зазря просадить. Ко мне вон тоже ездят, слава Богу (!) пока не из заграницы, а только из ближайших сёл. Но достаточно вспомнить твои идеи последних лет, – Аня начала перечислять подружкины «косяки» спокойно и подчёркнуто, внятно проговаривая каждое слово, как на диктанте: – Вот, например, продажа парфюма, который оказался с запахом жжёной резины. Бады и витамины, от которых непременно случались понос и аллергия. Наискорейшее обогащение на ниве страхования, когда нам пришлось через слёзы и запугивание полицией возвращать свои собственные

деньги. А чего стоил бесплатный сеанс омолаживающего массажа, когда нас не выпускали из кабинета, принуждая взять кредит! Пришлось откупаться номерами мобильных телефонов всех знакомых и родственников! Ещё или хватит?

– Да уж, достаточно. И на ту псевдостраховую компанию, между прочим, вовсе не я, а ты первая клюнула. Но тут совсем другое. Верняк! Такой, говорят, мощный экстрасенс! Повезло невероятно, он вообще последний месяц народ принимает, потом его в команду президента забирают, во!

– Ну, остаётся лишь поздравить чародея с повышением, только я-то тут причем?

– Анечка милая, ну как ты не понимаешь? Страшно мне! Вот страшно до жути, и всё!

– И для чего тебе тогда загорелось непременно лезть в логово этого монстра? Не хватает драйва в унылых буднях?

– Да потому! По-то-му! Только Марэй сможет мне точно сказать, ехать мне к Адольфу или нет...

– Моя бабуля говорит, что твоего Адольфа нужно было за одно только его имя расстрелять ещё в сорок пятом!

– Вот зря ты так! – вспылила Яночка, и в её голосе зазвенела неожиданно высокая и напряжённая нота. – Адик, между прочим, прекрасный человек! Получше некоторых мужей! Он бы никогда жену с маленькой дочкой не бросил на произвол судьбы, как твой бывший.

– Да никто меня не бросал, я Никиту сама выгнала!

– Ну да, конечно, сама, как же! – хмыкнула Яночка. – А то, что ты постоянно намекаешь, что Адик намного старше меня, так муж и должен быть старше жены. И не было его ещё в сорок пятом даже в помине, Адик только на двадцать восемь лет меня и старше, ну на тридцать... ну на тридцать два...

Казалось, Яночка вот-вот расплачется, защищая любимого, дёрнет плечиком, демонстративно отвернётся и уйдёт. Но вместо этого она крепко схватила подругу за руку и потянула в сторону центральной площади:

– Давай-давай, мы уже опаздываем! А там вообще всё очень строго. Объяснять теперь уже некогда, просто молчи и ничему не удивляйся.

«Хорошенькое начало – не удивляйся! Да если даже этот Марэй окажется чёртом с рогами, после всех Яночкиных затей я уже ничему не удивлюсь!» – думала Аня, когда они подошли к помпезному зданию магазина «Калигула», что мозолил глаза неуместной роскошью в самой сердцевине скромного города. Но оказалось, что знаменитый колдун вовсе не такой уж выпендрёжник и пижон, потому что от пафосного краснокаменного «храма» римскому императору, пантифику и развратнику они направились во дворы – к серенькой, ничем не примечательной хрущовке. «Ну, понятно – на аренду офиса в престижном торговом центре деньжат не хватило», – мелькнула в Аниной голове ехидная мыслишка, которую она из осторожности уже не стала озвучивать издёрганной и взволнованной Яночке.

Аня знала и втайне с ужасом ждала того момента, когда подруга решится на переезд к возлюбленному и им придётся расстаться, скорее всего навсегда. Аня гнала от себя неприятную болезненную мысль, но для всех вокруг, даже

для наивной Аниной бабушки, с каждым днём становилось всё очевиднее, что, в конце концов, Яночка уступит настойчивым ухаживаниям пожилого опытного немца и укатит с ним в Мюнхен на «пэ-эмже».

Старый лис был до самозабвения влюблён в Яночку, это было видно уже по тому, как он начинал растерянно хлопать белёсыми ресницами при виде дамы сердца, а в его колючем взгляде стремительно таяли холодные льдинки, делая глаза похожими на два маленьких голубых озерка. Адик был весьма занят на работе в банке, но мотался в сибирскую глубинку как минимум три, а то и четыре раза в год. Благодаря ему провинциальная медсестра Яночка систематически выезжала то в европейские столицы, то на экзотические азиатские курорты.

Адик официально посватался к Яночке аж четыре года назад. Тогда на эту церемонию все родственники и друзья были приглашены в любимый ресторан жениха «Ёлки-палки». Эти дешёвые пункты питания в псевдонародном стиле густо расплодились тогда по всей стране. «Представляете, прикол – Адик думает, что эти идиотские «ёлы-палы» и есть наш самый настоящий русский национальный дом, – со смехом рассказывала приятельницам Яночка, – как-будто у нас посреди неструганой хаты телеги с салатами стоят! Серьёзно говорю. Мой Адик вообще обожает всё русское. Да! Он даже язык начал учить. Так потешно! Представляете, на ярмарке алтайского мёда купили ему вышитую косоворотку, так он её до того залюбил, носит дома не снимаючи и даже спит в ней!»

Конечно, Яночку тогда насторожило, что жених не больно-то разорился на праздничный стол, да и гости были несколько обижены отсутствием спиртного. Вместо вина в бокалах плескался любимый Адиком клюквенный сок. Однако ж когда невеста ответила согласием и нежно поцеловала его в крючковатый нос, жених, зардевшись как маков цвет, раскошелился на единственную бутылку шампанского. «Ничего, зато не будет водку хлестать, как наши мужики!» – успокаивали Яночку родственницы постарше, что успели натерпеться всяческих бед от извечного русского недуга своих супругов.

Поначалу Яночку очень коробило, что после каждого обеда в ресторане Адик требовал упаковать ему остатки еды в контейнеры для продуктов и непременно забирал объедки с собой. Не брезговал он доедать с Яночкиной тарелки и допивать из её бокала, даже если за столом кроме них присутствовали другие, порой малознакомые люди.

Из гостиничных номеров Адик никогда не забывал уносить с собой все одноразовые «мыльно-рыльные» упаковки и складывал их потом в большой круглый аквариум в своей стерильной ванной комнате. В аквариуме уже почти не осталось места, а маленькими мыльцами и шампунями никто и не собирался пользоваться (Адик мыл голову только специальным средством против облысения). Но рачительный хозяин всё равно увозил с собой всю мелочёвку и очень радовался, когда в номерах отеля для постояльцев полагались одноразовые тапочки, которые тоже годами копились в его доме на антресолях, в нераспакованных целлофановых пакетах. Однако и

тут Яночка придумала оправдание для любимого: «А что? Всё в дом! Не то что непрактичные одногодки, всё готовы по ветру пустить. А у Адика и домик, как игрушечка, и автомобиль, и клумбочки, и в доме – всё к делу!»

Адик, надеясь на кратковременный и ни к чему не обязывающий роман с русской барышней, влип в отношения, словно комар в смолу, которая уже затвердела и стала превращаться в янтарь. Приятная девушка с кукольным личиком и звонким детским смехом поначалу показалась ему лёгкой добычей. Но время шло. Невидимые нити, привязавшие его, матёрого, прожившего трудную жизнь «мэтра экономики и кредитования», превращались в путы, в верёвки, в канаты. А Яночка не торопилась с ответом, её как будто всё устраивало. Беспечная молодая особа крутила им как хотела. Особенно злили Адика значительные траты на поездки, которых он мог избежать, если бы они жили вместе в его чудном уютном доме.

Аня знала о сомнениях и страхах доверенной подруги, недаром они дружили с дошкольного возраста. Яночка действительно стояла перед непростым для неё выбором: оставить дружную семью, медицинскую династию, хоть и трудную, но всё равно любимую работу и стать домохозяйкой в чужой стране с непомерно бережливым супругом.

Тем временем, пока Аня размышляла над перипетиями подружкиной жизни, они подошли к ничем не примечательному подъезду. С этого самого момента удивление не оставляло Аню. Оказывается, заходить нужно было даже не в подъезд, а в подвал. На облезлой стене сияла вызывающе яркая вывеска тренажёрного зала, на которой были изображены брутальный качок и сексапильная красотка с увесистой гантелей в руке.

Действительно, спустившись по узкой лестнице, круто уходящей вниз, девушки оказались среди тренажёров и спортивных снарядов. В полутёмных залах со спёртым воздухом не было ни окон, ни кондиционеров, кое-где по углам бряцали железом одинокие угрюмые люди. Могло показаться, что это некое убежище гонимых подпольных физкультурников.

Они прошли первый, второй, третий отсек спортивного бункера, а он всё не заканчивался. Если бы Ане тогда сказали, что это только начало пути, она ни за что бы не поверила. После десяти минут быстрой ходьбы они миновали и душевые кабинки, и густые испарения подземной сауны. Затем потянулись обыкновенные подвальные коридоры с мышиным запахом, начинённые большими и маленькими трубами неведомых коммуникаций. По Аниным предположениям, они прошли расстояние, как минимум, равное десятку таких хрущёвок и, судя по направлению движения, находились уже где-то под центральной площадью города, и над ними шло интенсивное дорожное движение. Наконец, она не выдержала:

– Слушай, я вообще-то не собиралась так глубоко погружаться в андеграунд! Твой колдун подрабатывает в царстве Аида?

– Ш-шш, уже пришли, – неожиданно тихо и сдавлено прошипела девушка.

И действительно, отворив очередную дверь, путешественницы оказались в небольшом холле, который по интерьеру вполне

можно было бы принять за платную поликлинику, если бы не полное отсутствие окон. За стойкой «регистратуры» им приветливо улыбалась симпатичная девушка:

– Все уже собрались, ждём только вас, Яна. А почему вас двое?

– Это моя близкая подруга... просто поддержать пришла...

– Хорошо, тогда напоминаю, по правилам магистра Марэя, вся группа пациентов, записанных на сегодня, находится в зале ожидания. Пациенты могут говорить только шёпотом и не выясняют очерёдности. Магистр Марэй в нужное время сам выйдет в зал и пригласит на приём того пациента, кого посчитает нужным. Максимальное время, которое вы можете провести в зале ожидания, – три часа, затем работа магистра на сегодня будет завершена. Даже если вас не вызовут вообще, знайте, магистр Марэй работает с вами и ваша проблема разрешится в кратчайшие сроки.

– А если нет? – Аня с вызовом взглянула в округлившиеся глаза девушки, – Если вот, например, не разрешится? Тогда что?

– Таких случаев ещё не было, – парировала регистраторша со спокойной убеждённостью в голосе, – проходите.

В полутёмном зале, напоминающем комнату отдыха частного санатория, по всему периметру стояли диваны и кресла, в которых расположились люди. «Восемь человек, – быстро сосчитала Аня. – Значит, Яночка должна была стать девятой, а тут ещё я припёрлась».

Интерьер дополнял низенький круглый стол, стоящий посреди комнаты. Тусклый оранжевый ночник с трудом освещал помещение, растворяя силуэты людей в темноте. Вместе с тем мягкий тёплый свет погружал в некое заторможенное дремотное состояние, при котором не хотелось ни шевелиться, ни разговаривать. Всё пространство было устелено коврами и пледами, повсюду валялись маленькие и большие подушки. Почти все люди разулись и забрались с ногами на кресла, а те счастливчики, которым достались диваны, и вовсе возлежали на них словно римские патриции на пиру.

«Может, тут так положено? Развалиться эдак фривольно, как у себя дома, раз такие деньжищи отвалил. Да ещё не факт, что мистер-магистер вообще тебя примет. А что? Классно устроился! А Янка – дурочка, повелась на такой дешёвый развод!» Но как только девушки присели на диванчик, то словно провалились в пуховое облако. Последовав примеру остальных посетителей, они скинули обувь и легли поудобнее.

Аня разглядела на стене часы весьма странного вида. Нет, они не были какой-нибудь вычурной формы, просто круглые, и стрелки – самые обыкновенные, только светились вместе с цифрами зеленоватым фосфорическим светом, тоже, в общем-то, вполне привычно. А необычным было то, что на циферблате имелось только пять цифр: 6, 7, 8, 9 и 12. После того как девушки расположились, начался отсчёт трёхчасового приёма. «Видать, у магистра работа пошла», – кивая на светящийся хронограф, тихо сообщила Аня, саркастически добавив бесцветное «ха-ха», что подразумевало – «Ну, всё. Мы попали!»

Время поплыло, секундная стрелочка безостановочно крутилась по циферблату, уже и минутная сделала полный круг, потом и

короткая неповоротливая часовая коротышка перепрыгнула с цифры шесть на семь, а его Величество Марэй и не думал посещать сумрачные покои.

– Янчик, слухай сюда! А представь себе, вдруг его – вообще нет? – с жаром зашептала Аня прямо в ухо подруге. – А что, если приходят люди, деньжищи отвалят, потом полежат три часика в темноте, бока помнут, и – адью! Бизнес по-русски такой, а?

– Да ты не понимаешь, о чём говоришь, спи давай! – лениво зевнув, ответила Яночка и, прикрыв лицо ладонью, впала в анабиоз.

– Дурдом какой-то! – обречённо констатировала общий диагноз Аня, решив больше «не париться» и попытаться максимально расслабиться. – Ну, когда ещё доведётся вот так-то в компании незнакомых людей посидеть в тёмных катакомбах.

В установившейся тишине Аня слышала только размеренное дыхание вокруг и далёкое дребезжание автодороги где-то высоко наверху. Вдруг чьи-то быстрые уверенные шаги нарушили полусонный покой. Из чёрного дверного проёма показался сначала луч фонарика, затем и сам хозяин подземелья. Разглядеть его было сложно, зато он скользил световым лучом, выхватывая из полумрака лица людей. Лучик искал-искал кого-то, на некоторых лицах останавливался чуть дольше, чем на остальных, словно пытаясь узнать. Люди щурились от бьющего света, некоторые даже пытались прикрыться руками. Наконец, пробежав ещё один круг по комнате, луч остановился на Ане.

– Ты, – приказал густой баритон, – иди за мной!

– Н-неет... я не в очереди, я тут с подругой... я не платила, и... – отчего-то сильно испугавшись, Аня стала что-то растерянно мямлить невпопад.

– Иди за мной. Больше не повторяю, – повелел обладатель баритона и, повернув к чёрному проёму двери, стал быстро удаляться.

«А если он сейчас рассердится и вообще больше сюда не вернётся? Я же тогда подведу всех остальных!» – успела метнуться в Аниной голове ужасная догадка, и ей ничего более не оставалось, как, прихватив сумку и туфли, догонять по узкому коридору высокий тёмный силуэт.

Залетев вслед за магистром в его кабинет, Аня так запыхалась, что еле смогла перевести дыхание. Хозяин, будто не замечая её вовсе, уселся за свой огромный стол и начал листать старую записную книжку, что-то в ней выискивая. Девушка стояла посреди кабинета в полном смятении, не решаясь присесть без приглашения. Её взгляд остановился на чучеле крупного ворона, что стояло на полке над самой головой магистра. В полутьме могло показаться, что огромная птица живая и лишь специально сидит неподвижно, притворяясь чучелом, чтобы как следует рассмотреть незнакомку.

Пауза затянулась. Наконец, с трудом преодолевая смущение, Аня вновь попыталась объяснить, что она просто пришла с подругой и не собиралась на приём, а главное, не оплатила. Но когда магистр поднял свой тяжёлый взгляд, все слова тут же застряли у неё в горле, девушка вовсе стушевалась и смолкла.

О, что это был за взгляд! Пронзительный. Прожигающий. И столь проницательный, что Аня невольно

затрепетала. Она за всю свою жизнь никогда не видела таких красивых мужчин, разве что на гениальном полотне Врубеля «Демон сидящий». Один только бывший муж, по мнению Ани, мог бы составить красавцу-колдуну достойную конкуренцию, да и то лишь за счёт подкупающего обаяния.

Магистр, конечно, как и положено демоническим персонам, был одет во всё чёрное. Длинные, цвета воронова крыла волосы вились по плечам, однако это лишь добавляло его облику мужественности и делало похожим на индейца или пирата. Чернющие огромные глаза поблёскивали в темноте, как драгоценные камни. Да и вся его ладная атлетическая фигура была как будто выточена из камня самим Роденом – мастером выразительных и прекрасных форм.

Оглядевшись, Аня поёжилась. Интерьер кабинета был под стать хозяину – загадочный, жуткий и одновременно завораживающий. Повсюду – полки, полки. Тяжёлые основательные шкафы с ящиками и снова полки со всякой всячиной – от мерцающих металлических шкатулок до сосудов с заспиртованными лягушками и скелетов каких-то грызунов.

В соответствии с архитектурными особенностями, окон в помещении не предусматривалось. Но ведь что-то из благ цивилизации должно было иметься в наличии, хотя бы люстра или настольная лампа. Но нет, кроме уже виденного ранее карманного фонарика, помещение освещалось лишь десятком тонких свечей. Чёрных свечей. Аня таких никогда не встречала, даже в самых вычурных арт-салонах, из чего девушка сделала неутешительный вывод: «Колдун! Да, и, к сожалению, далеко не светлый», а почему «к сожалению», она так и не смогла себе объяснить.

Дождавшись пока пациентка немного успокоится, Марэй подошёл к девушке сзади и без лишних предисловий повелел закрыть глаза.

– Сейчас я проведу ладонью по линии позвоночника, а ты говори мне, что чувствуешь.

И тут же по Аниной спине словно поползла ледяная змея:

– Ой, холодно-холодно!

– Хорошо, а теперь?

В ту же секунду вместо хладнокровной рептилии вдоль позвоночника словно покатился раскалённый круглый камень.

– Горячо, очень!

– Хорошо, – снова бесстрастно повторил колдун и тряхнул ладонью, будто пытаясь избавиться от прилипшей соринки, – сейчас я потяну тебя назад, не прикасаясь. Не бойся, ты не упадёшь, я успею тебя поймать.

«Почему это он ко мне на «ты» обращается, да меня уже лет шесть все на работе только по имени-отчеству величают. И как это, собственно, потяну, не прикасаясь?» – успела лишь подумать Аня, как вдруг явно почувствовала, что могучая неведомая сила тянет её за затылок. С места она почему-то тоже не могла сдвинуться и уже смирилась с тем, что грохнется головой о каменный пол, но тут же была аккуратно поймана сильными руками магистра.

– Хорошо, – снова обронил магистр, – сможем взаимодействовать. Присядь, – он указал на струганую лавку.

Аня буквально в изнеможении опустилась на сидение, испытывая невероятное блаженство уже от того, что чародей отстал от неё и

даёт передышку от своих ужасных затей. Видя, что Аня вновь собирается объяснять ему, что она, мол, оказалась здесь по ошибке, Марэй жестом приказал замолчать. Аня словно подавилась словами и теперь с благоговением и страхом смотрела на него во все глаза.

– Объясню, зачем я позвал именно тебя.

–?!

– У тебя есть то, что тебе вовсе не нужно и приносит лишь большие печали. Я готов избавить тебя от этого. Но необходимо твоё согласие.

– Что? У меня есть... что? – уже устала удивляться Аня.

– А вот сейчас посмотрим. На-ка, гляди, – магистр открыл перед Аней свою ладонь и подвинул ближе свечу.

Совершенно непроизвольно Аня забегала глазами, пытаясь прочесть судьбу магистра. Но отпрянула в полном смятении, таких знаков она не видела ни на одной руке. Линии путались, устремлялись не туда, куда нужно. Линии сердца у колдуна не было вовсе, зато линий ума было три, они шли параллельно друг другу, не прерываясь. Линий жизни было две, и шли они не как положено: огибая холм Венеры вокруг большого пальца, а неестественно изогнувшись, обе линии жизни вдруг почему-то вовсе заворачивали в обратную сторону – на холм Луны. Линия Судьбы петляла как ей вздумается, то пропадая, то появляясь. Понять и что-либо прочесть по такой ладони было совершенно невозможно.

– Это же «Ладонь мага»! Её нельзя толковать. Я только слышала о таких, но вот первый раз вижу, – констатировала Аня, с опаской поднимая глаза.

По лицу Марэя пробежала тень загадочной улыбки. Колдун привычным движением машинально наклонил голову, хитро прищурив глаз, и глянул на Аню как-то сбоку – одной стороной лица, что и сам стал похож на большого чёрного ворона, изучающего добычу, перед тем как начать клевать.

– Видеть судьбу через длань – это твой дар. Знаю, что он тебе не нужен, только мешает.

– Мешает... – как заворожённая одними губами повторила Аня.

– Проклятый дар твою судьбу остановил. Не пойдёшь дальше, пока его не сбросишь. Ну, что, отдашь?

– Да, – совершенно не задумываясь, согласилась Аня, находясь под гипнозом влажных чёрных глаз колдуна.

– Может, что-то спросить или попросить хочешь?

– Н-не знаю даже...

– Ну, хорошо, – усмехнулся Марэй, – тогда начнём. Он усадил Аню на табурет посреди кабинета, накрыл голову синей материей. – Ты расслабься, постарайся ни о чём не думать, а главное – глаза не открывай.

Аня почувствовала, что колдун бесцеремонно положил ей на голову тяжёлую книгу и, раскрыв, начал читать усыпляющую тарабарщину, напоминающую мантры.

Знакомая комната: старый бабушкин стол у окна, трельяж, каких теперь уже и не встретишь в современных квартирах, у тёплой печной стены дочуркина детская кроватка, вечно разобранный сломанный диван – «брачное ложе». Этого скрипучего монстра, пережившего сотню слёзных драм, бывший муж при разводе увезёт куда-то. С кем уж

он на нём будет потом выяснять отношения – одному ветру в поле известно, как говорит бабуля. Муж почему-то дома, он молодой, а ещё весёлый и добрый, значит, подшофе: «Эх, какой же он всё-таки кудрявый да ладненький, всё при нём!»

Аня с ужасом понимает, что это уже было с ней когда-то. И вовсе не какое-нибудь секундное дежавю, а явственное осязаемое прошлое. Она даже знает, что именно случится дальше. И, действительно, её крепко обнимает бывший муж, который пока ещё даже и не подозревает, что совсем скоро он станет бывшим:

– Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке», а? Будет тебе от меня память!

Аня с отвращением уворачивается от его пьяных поцелуев и утыкается в подушку: «Ведь этого всего уже давно нет, почему же на душе по-прежнему так исключительно противно! Может, надо сказать ему? Попробовать что-то изменить?» В её сердце, сжавшемся от подлой неискренности мужа, слабо шевельнулась надежда.

– Никита, ложись спать, не ходи в сенки, не звони никому. Пожалуйста!

– Да, я щас, мигом. Курну и всё. Спи.

Дальнейших уговоров муж уже слушать не собирался. Да, ничего невозможно изменить! Но лучше попробовать и пожалеть, чем вовсе не пытаться. Аня валится на подушку, чувствуя невероятную усталость, только сна почему-то нет и нет. Она знает, что не нужно зря травить душу, что Никита сейчас снова там, как тогда, допивает очередную бутылку и болтает по телефону со своей хамоватой любовницей-молодухой, которая внаглую могла названивать по ночам и дур*о*м лезла в чужую семью, пока не добилась своего.

«Не нужно, не ходи туда, не рви душу, – уговаривает себя Аня, но ноги несут к двери, – Что ты хочешь там услышать? Как человек, которого на «Божничку посадила», тебя с грязью мешает..... или.....а вдруг сейчас, вот сейчас всё совсем по-другому будет, вдруг он там просто курит... покурит и придёт? Ведь не может же просто так – глупо и нелепо – оборваться их большая любовь. Сколько лет ждала его из мореходки, потом с морских вахт. Дождалась. Но как можно забыть страстные встречи, самое яркое, что только и было в жизни. Как же можно было это предать, променять на кого-то?!»

Вот и дверь приоткрыта в сенки, та самая дверь, обитая коричневым дерматином с фигурными гвоздиками-цветочками, дедушка ещё при жизни сам обивал. Вот слышно, как Никита с шумом выдыхает табачный дым, говорит по телефону. С ней, той – другой.

– Котёнок, а хочешь, мы тебе куртку купим? Красивую! Видел сегодня в витрине на «Новом рынке». Будет тебе от меня память!

«Ну, надо же, тварь поганая, ведь слово в слово! Хоть бы одно словечко-то другое вставил! То ли вовсе фантазии нет!» – Аня хватает ковшик, первое, что подвернулось под руку, и кидается на супруга. Лупит, не видя, куда придётся: по голове, по телефону, по пепельнице на столе, по бутылке с остатками вина. Глаза застилает

кровавая пелена. Тёмно-рубиновое пятно разрастается на белой поверхности стола, вино тонкой струйкой стекает на пол.

«Нееет! Ужас! Ужас! Неет. Сейчас же дочка проснётся, испугается, начнёт плакать. Бабушка босиком и в одной ночной рубашке кинется защищать меня, отдирать от разъярённого супруга. Какой кошмар. Не хочу!» – Аня закричала, замотала головой из стороны в сторону, как раненый зверь. И открыла глаза.

С удивлением она обнаружила себя в странной комнате колдуна. Вокруг неё в диком вихре неслись все вещи, дубовый стол, полки со старыми книгами и непонятными инструментами. Марэй крепко схватил бедняжку за плечи и остановил кружение.

– Ишь, как беси крутят. Не бойся. Всё кончилось.

Только теперь Аня начала понемногу приходить в себя и поняла, что не комната кружилась вокруг неё, а это она сама шаталась так, что чуть не слетела с табурета.

Марэй по-отечески похлопал девушку по плечу, ничего, мол, всё перемелется. Потом некоторое время вглядывался в Анино лицо, словно врач, ища остатки недуга.

– Так, ну вот, всё замечательно. Зрачки в норму пришли.

Вдруг в Аниной душе, словно мышь, заскоблило острыми коготками сомнение: а правильно ли она поступила? Девушка замялась и, чтобы оттянуть момент расставания, неожиданно спросила:

– Вот одно только... можно спросить? Раз уж так всё получилось. Что ж меня саму-то в жизни ждёт? Столько рук за свою жизнь прочитала, тайн чужих увидела, а свою руку никогда не могла растолковать.

Колдун улыбнулся ей, словно несмышлёному малышу, который просит о какой-то безделице.

– Ну-ка давай. Как раз и испытаем новые способности, – он вглядывался в Анины ладони не в силах скрыть удивления, однако на слова остался, как обычно, скуп. – Большие перемены тебя ждут.

– К хорошему или плохому? – неожиданно для себя самой переполошилась Аня.

– К хорошему, – заверил её Марэй и, чуть помолчав, добавил: – Только просьба у меня к тебе. Когда будешь в столице в большом почёте, не забудь обо мне. Обещаешь?

Ане ничего не оставалось, как неуверенно кивнуть, не в силах оторвать взгляда от прожигающих демонических очей Марэя.

– Ну, да ладно. Всё. Иди.

Выпроваживая клиентку, колдун как будто на самом деле вовсе не хотел, чтобы она уходила. Он медленно подошёл, чтобы лично открыть перед Аней дверь, видимо, это являлось наивысшим проявлением благосклонности магистра. Не сводя с неё глаз, он словно старался как можно лучше запомнить её черты. Так, наверное, смотрят друг на друга очень близкие люди, когда впереди долгая разлука и суровые испытания.

Теперь, когда колдун подошёл так близко, Аня разглядела серебряные ниточки в его вороных кудрях, а в одном ухе маленькую серьгу – колечком. «Вот интересно, он армянин или цыган? Имя у него настоящее или выдуманное? Если настоящее, то как его мама в детстве звала? Может быть,

Марик?» – отчего-то полезли в Анину голову глупые и ненужные сейчас вопросы. Словно прочитав её мысли, Марэй попытался улыбнуться ей на прощание. Но, видимо, делал он это столь редко, что подобие улыбки получилось растерянным и беззащитным, обнаружив на щеках магистра трогательные ямочки. В ответ Аня почувствовала некий слабый отголосок чувства, похожего на родственное сострадание к этому странному человеку, как будто тот был ей кем-то вроде больного младшего братишки: «Мы теперь чем-то связаны. Навсегда, даже если никогда больше не встретимся, и это неведомое «что-то» породнило нас навеки!»

Напоследок Аня вспомнила о поджидающей в тёмной комнате Яночке и застыдилась, ведь о её жизненно важном вопросе ничего не спросила. Но Марэй будто угадав вопрос, уверенно сообщил:

– Подруге своей скажи, чтоб ехала к мужику-то и не раздумывала. Не просто так он в её жизни образовался. Всё хорошо у неё с ним будет, пусть не сомневается.

Когда Аня появилась в зале ожидания, Яночка, что всё это время сидела «как на иголках», кинулась к ней с немым вопросом. Аня твёрдо взяла подругу за руку, лишь шепнула на ухо: «Пошли отсюда!»

Несмотря на вечерний час, на улице было ещё светло. Некоторое время девушки шли молча. Было приятно выйти из подземелья «на волю». Даже тесные дворики казались теперь просторными, а тяжёлый городской воздух – свежим.

Субтильные городские берёзки уже успели украсить себя длинными серёжками и укутаться в нежно-салатовые облачные вуали. Апрельское солнце рассыпало ярко-жёлтые веснушки одуванчиков по игольчатым коврикам травы.

Подруги присели на одинокую лавочку под клёнами. Высокие кудрявые красавцы уже распустили пушистые метёлки, похожие на головы папуасов. Лишь один худенький клён-подросток, отстав от старших собратьев, тянулся к ним изо всех сил. Клейкие разбухшие почки на его тонких ветках, словно крошечные птенцы, широко разинули клювики в немом крике: «Подождите! Возьмите меня с собой!» «Надо же, вот же он, тот трогательный есенинский кленёночек*!» – умилилась Аня, удивлённо отметив, как быстро наступила вдруг весна, преобразив всё вокруг до неузнаваемости.

– А помнишь, как раньше, в детстве, мы по дороге в школу или из школы разглядывали каждую былинку, замечали малейшие изменения, а теперь всё внезапно на голову падает: р-раз – и весна! – заметила Аня.

Вдохнув поглубже аромат весны, Аня поведала Яночке о наказе магистра: чтоб та непременно ехала к Адику и не думала сомневаться, а ещё о том, что теперь больше никогда не сможет гадать по руке. Магии больше нет.

– Ка-ак вообще? Никому-никому? – удивилась Яночка, которая не могла представить подругу отдельно от её удивительного дара. – Ну-ка, глянь!

Подруга протянула Ане руку, и та машинально вперилась взглядом в ладонь. Аня по привычке

ощупывала тонкие пальчики, холмы и впадины, всё яснее и яснее осознавая, что теперь волшебная дверь закрыта для неё навсегда. Аня ожидала почувствовать разочарование, но вместо этого ощутила лёгкость и умиротворение, словно душа её освободилась от тяжкого опостылевшего груза.

– Ничего не идёт. Ну, вот просто ладонь как ладонь, и всё. Я помню, конечно, прекрасно, как называются линии, холмы, помню все знаки... и что – ничего. Не идёт информация. Закрыто!

– И как тебе? Это хорошо или плохо?

– Н-не знаю пока. Вроде бы вот как-то легче стало, будто камень с души свалился.

– И что, не будет теперь наших гадательных девичников? И никаких тебе предчувствий, и никаких больше вещих снов, клиентов, что к тебе толпами ездили?

– Да и слава Богу!

– А знаешь, Ань, а ведь не поеду я ни в какую Германию. Мой Адик ведь скоро на пенсию пойдёт. Так вот, пусть лучше сам сюда переезжает, раз так любит всё русское. Такой-то домик, как у него, мы себе и здесь запросто организуем, а? Как думаешь?

Анины глаза подозрительно заблестели, и она, еле сдерживаясь, чтобы не закричать от нахлынувшей радости, весело заметила:

– Вот если бы мне ещё сегодня утром сказали, что в нашем городе Бэ под центральной площадью какой-то жуткий колдун сидит... ну, я бы подумала, что надо мной просто-н***а***просто издеваются!

Безудержный смех вырвался наружу с такой силой, что обеих «переломил пополам». Они хохотали как сумасшедшие до слёз, до колик в животе, до головокружения. Смешно им было вовсе не от сказанного, а от того, что просто вокруг расцветала весна, а завтра выходные, и скоро настанет долгожданный отпуск, и вообще они ещё молоды, и впереди их ждёт всё только самое хорошее и светлое...

Подходя к своему дому, Аня издалека заметила долговязую фигуру Никиты, что в нерешительности мялся у подъезда. Когда Аня подошла ближе, она увидела в руках у бывшего мужа новенькую женскую куртку чудесного бирюзового цвета. «Надо же, я ведь именно такую бы себе и купила... если б деньги были», – только и успела подумать Аня, как оказалась в сильных жарких мужских объятиях.

---

* *Стихотворение-миниатюра Сергея Есенина «Там, где капустные грядки...» (1910 год):*

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зелёное вымя сосёт.

Ефим ГАММЕР

КОТ С ЧЕЛОВЕЧЬЕЙ МОРДОЙ

РАССКАЗ БЫВАЛОГО МОРЕХОДА

И вот расскажу я вам, значит, историю, каковая явилась со мною на ниве культурного моего развития и губительной тяги к нуждам народным.

А было это в году, каком и запамятовал, но не позже чем нарекли нас с трибуны «единой общностью людей». Выдался об ту пору мороз преждевременный, но крепкий, как первач натощак. Северные реки легли под ледовой смирительной рубашкой тихо, мертво, надежно. Воздух замер по стойке «смирно». Ветер вовсе и не колышется, а с ним – жизнь, тоже ни с места, и как бы ждет повелений судьбы.

Судьба – штука, конечно, для жизни пригодная. Но гвоздя ею в стенку не вбить. И с лица ее водицы, особливо живой, не попьешь. Куда податься? Некуда. Наказали: «Сиди, паря, и не рыпайся». Все в зимний отпуск, а я – «сиди». Белый свет в копеечку, а в кармане, даже на грошовый мой интерес – ни целкового. Только и всего достояния, что народное, – судно по кличке «Смерть скарабеям». Чем оно груженое, Бог ведает.

Было мне холодно. Было мне гадко. Жить не хотелось. Мороз пробирал до костей. Но что костям моим за польза, если они не для холодца? Газеты меня не восхваляли. Писем никто мне не слал. Был я невидим и неслышен, как боец незримого фронта.

Бррр, как вспомню. Противно! Печально! И поучительно!

Однако жить надо. Долго я думал, как быть. Наконец, додумался. Собрал остатки сил и отдал им на растерзание газетные подшивки, которые пылились в каюткомпании. Вспомнилось мне на голодный желудок, что пресса бдительно стоит на страже здоровья и сытости. Если, скажем, неурод с замороженной птицей, то отыщут журналисты ученого мужа, который с апломбом докажет малообразованной своей аудитории, что картошка питательней и полезней. Если картошка сбежит от урожайности, то пропишет он массовому читателю березовую кашку. Народное, мол, средство, и очень полезно для пищеварения.

Я бы в охотку березовую кашку. Но куда ни посмотри, ни единого деревца. А о картошке или битой птице и думать не смей. Эх, тьмутаракань!!! Жрать нечего, а жить-то хочется!!! Я за газеты и ну их пальцем слюнявым, скорей, скорей!

«Один грамм никотина убивает ломовую лошадь».

Не для меня. Лошади нет поблизости. Я бы ее никотином – вмиг.

Ефим Аронович Гаммер *родился в 1945 году в Оренбурге. Закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге. Автор 18 книг стихов, прозы, очерков, эссе. Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции и других странах. Лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству.*

Живет в Израиле.

«Алкоголь на службе здоровью».

О! Алкоголь! На службе!

«Сухое вино содержит в себе питательные ферменты, насыщающие организм...»

Ах ты, Боже мой! Выпили ведь, все выпили, еще до первых признаков голода!

«Морская капуста ничем не уступает мясу ни по калорийности, ни по количеству белков. Японцы, питающиеся ею издревле, всегда жизнерадостны, трудолюбивы и приветливы».

Еще бы, раз не стоят в очереди за мясом!

Пойдем дальше. Мне что капуста, что мясо, все равно далеко. И вдруг!

«Ведро воды способно заменить десять граммов... масла».

Как? Целых десять граммов? Ур-р-ра!

«В последние годы повышения благосостояния и улучшения жизненных благ нашего народа пытливая мысль советских диетологов неоднократно обращала свое пристальное внимание на питьевую воду как на удивительный по своей неисчерпаемости и витаминоемкости источник энергоснабжения человеческого организма...»

«Что показательно, без пищи человек может существовать более сорока дней, без воды, за малым исключением, всего лишь пять-шесть. Не зря ведь пелось в старой песне: «И выходит, без воды и ни туды, и ни сюды».

«И вот диетологи под руководством Председателя Президиума совета директоров по санаторному и водоминеральному лечению, автора монографии «Жизнь после смерти» профессора Вешниеводы провели важный эксперимент. Он превзошел все ожидания...»

Каждый второй выжил, что ли?

«Эксперимент показал, что питьевая вода располагает полезными свойствами всей таблицы Менделеева, как-то: «аш-два-о» находится в ней в неограниченных количествах. Помимо того, в воде, в зависимости от того, дождевая она, колодезная или речная, наличествует калий, водород, натрий, урановые соединения...»

Будьте вы прокляты, не томите! Где масло?

«Исходя из всего вышеизложенного, вода успешно соперничает с маслом по экономическим показателям. Изготовление одного кубометра воды – дождевой, колодезной, речной – несравненно дешевле, чем бруска масла. А если учесть, что вода не только насыщает, но и дезинфицирует каждодневно кишечник, то, по всей видимости, лучшего продукта питания для прогрессивной части всего человечества еще не придумано в орденоносных лабораториях наших славных ученых».

Прочел я все это, и слюнки у меня потекли. Что за чудо вода, когда колодезная, студеная, до звона в мозгах. Пей да пей – не напьешься, и еще захочется, и еще. Витамины в ней, хлебай их ложкою и насыщайся, прибавляй в весе, как на курорте. Даром, что ли, те, что посановитее, трескают «Нарзан» и «Боржоми» да не чураются прочих минеральных, с бутылочкой и без, удовольствий. Не дураки ведь, с понятием. Знают, о чем газетам лишь предстоит по указке сверху догадаться. И с каких пор! Лермонтов – не за так, почитай, прогрессивным слыл человеком – пил только ее, водицу, в Пятигорске. В ней, в родимой, выискивал все запретные для народа элементы Менделеевой таблицы, чтоб

опосля обнародовать. Дать понять непутевым и страждущим собратьям, мол, за мной, за прогрессивным, человечество! А его застрелили. Прислужники царские да наймиты иностранных разведок! Все бы им, чтоб народ масло лопал и не приобщался к передовым элементам таблицы Менделеева. Чтобы жил старыми понятиями и деклассированными элементами.

Вот ведь как! А жрать хочется! С витаминами и калориями или без, но хочется. Очень.

И попер я с ведром брезентовым к проруби, что брательнику моему Емельке и не в столь голодные времена щучку выдала. «Везет дуракам», подумал и, подумавши, зачерпнул чего-то там на счастье.

«Не повезло. Умный!» – констатировал я, вытащив полное ведро воды с разбавленной в ней нефтью, тоже, видать, из таблицы Менделеева. Обидно стало, но делать нечего. Пошел назад. Вскарабкался по обледенелому трапу на борт да прямиком на камбуз. Вылил воду в котел. И опять новым рейсом к проруби. Ходил-ходил, пока не набрал воды вровень, по полезной емкости, с килограммом масла.

Набрал этого добра. И заскучал, на котел глядючи. До краев в нем и больше. Как напитать себя? Не насос ведь, разорвусь, калориями недокормленный. Но тут стукнул мне по башке героический лозунг: «Живым не сдамся!» И пока из глаз сыпались искры, накренил я котел, присосался и почувствовал себя всамделишным китом.

Стал я необъятных размеров, вырос в животе до того, что живот во все стенки уперся, не пускает меня во внешний мир. Стою запечатанный в камбузе, а из разжиженного мозга фонтанчиком брызгает. Что за содержимое в том фонтанчике, непонятно. А знать очень хочется, как и кушать. Вдруг мой мозг брызжет чем-то питательным? Но чем? Во всяком случае, не марксистско-ленинской философией, потому что она не в мозгу, а в сердце. Значит... Подожди, а что у меня в мозгу? Серое вещество, извилины. И еще что-то. Недаром же вдалбливали мне всякие прогрессивные знания, чтобы через мозг напитать сердце. Но ошиблись. Чем сердце ни корми... оно все равно смотрит в нужном направлении, сейчас – на входную дверь. Кто бы ни вошел, и чего бы ни вышло.

Таки вошел... И вышло...

Вошел он. Вышла она. Вода. Но это потом – со всеми калориями и в собственном соку.

Кто же вошел? Присмотрелся я – человек. Глядит на мой живот и головой покачивает. За ним вошел кот и сказал: «Мяу». Пригляделся я – кот при усах и коготочках, но почему-то с человечьей мордой. Как еврокоммунизм, должно быть.

– Паря, – сказал человек, и кот облизнулся.

– Паря, – сказал человек, – каждой твари по паре, а кот у меня одинешенек.

– Буль-буль, – закапало из меня, покатилось. И на камбузе началось наводнение.

Кот вскарабкался на котел. Человек на плиту. Я за ними. Но куда там! Воды уже по пояс. Мне никак не пробиться – не Ной. Тону.

– Спасите! – хлынуло из меня.

Кто-то руку мне протянул, то ли человек, то ли кот. Ухватился я, вполз, изловчившись, сам не знаю куда. И очутился в котле. Сверху крышкой меня – раз! – придавили, голову не поднять. Чую, огонь заиграл в плите.

– Буль-буль, – из меня.

Сварят меня в этой вонючей воде, что льется и льется из глотки.

Отравятся ведь, паразиты. Здоровья своего не сберегут.

Эх, тьма-таракань! Жить не хочется, а помирать страшно. Еще спросят всякие там с крылышками на том свете: «Чего явился?» Что скажу? Как оправдаюсь? Назад попрошусь, не отпустят.

Ой, горячо! За что мне такие страдания!? Я ли не...

О чем это я? Где моя, как ее?.. Ах да, мысль? Была? Была! Сплыла? То-то и оно!!! Сплыла-выплыла. Русалкой... из мозга – в гортань. Из гортани – в котел. Вот она, плавниками машет, мечется в воде. Знать, припекает и ее, родимую. Ну, держись, мысль-русалка! Я тебя сейчас...

Вдруг – гляди-ка, чудо – нырнула в котел кошачья лапка, исхитрилась, зачерпнула во все коготки русалку, и нет ее, мысли моей. Хрустнули надо мной русалочьи косточки, и послышалось полнозвучное: «Мур-мы-у-ррр!»

Жизнь моя остановилась, хотя это безобразие и продолжалось. А потом у меня кончились мысли. Я очнулся от голодного обморока. Глядь, в руках газета, а во рту ни былинки. И возжаждал я с душевным трепетом кота, пусть он сто раз и гад.

Сожрал бы!

Собрал я последние силы и пополз в неизвестном направлении – на звук «мяу». Ну, думаю, котик, сойдешь мне за кролика.

Ползу, ползу. Вроде бы еще по палубе, а уже по мостовой. И упираюсь в очередь.

– Что дают, а?

– Мясо.

– Кошатину?

– Обалдел?! Говядину!

– Пустите к прилавку!

– Только инвалидам войны без очереди.

– А-а-а!

Легче грудью закрыть амбразуру дзота, чем пищей рот.

– За что боролись?! А-а-а!!!

Выбросили меня из очереди – за пределы сознания. Пришел в себя – вот те раз! – опять на судне.

Бррр, как вспомню.

Противно! Печально! И поучительно!

Владимир СКИФ

* * *

Череда грачиных гнёзд,
Ломкий свет из поднебесья,
Будто это – сходни звёзд,
Или это – равновесье

Между небом и землёй,
Между паузой и слогом,
Между глиной и золой,
Между дьяволом и Богом.

Череда далёких звёзд,
Выбор места в поднебесье.
Тёмный свет грачиных гнёзд...
Здесь я или же не здесь я?

МАРИИНСКАЯ ВПАДИНА

Валерию Кунцу

Мистическая, грозная субстанция
Воды? или стекла? – передо мной.
Взорвётся или в космосе останется
Теченье жизни, бренности земной?

Зачем тоска земная Богом дадена?
Зачем, как душ утопших глубина,
Зовёт нас в океане Тихом впадина,
Которая из космоса видна.

К моей душе субстанция проложена!
Хотя её провалы не видны,
В неё проник
тяжёлый взгляд художника,
Как будто нас позвал из глубины.

Владимир Петрович Скиф *(Смирнов) родился в 1945 году. Русский поэт, детский писатель, литературовед. Член Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей России, заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь»*
(г. Иркутск). Автор многих книг, лауреат многих литературных премий.
Живет в городе Иркутске.

«ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ» МАЛЕВИЧА

Тлетворно чёрных мыслей напряжение,
Они как будто вышли на парад.
Внутри «Квадрата» есть соображение,
Что Казимир Малевич – сам «Квадрат».

В его сознанье – чернота врывается,
Творец квадратно мыслит, говорит.
И чернота вдруг кровью наливается,
«Квадрат» углами острыми горит.

Он станет красным, будто бы изранится,
С творцом своим захочет поиграть
И срикошетит, и творец останется
У «Чёрного квадрата» умирать...

* * *

Едва ли я отвыкну от старания
Творить и думать подле тишины.
Для внутреннего создан я сгорания
И для убийства внутренней войны

В себе самом...
В себе чего-то ради я
Твержу о тайных смыслах бытия.
Ведь из меня душа моя украдена,
А без души неполноценен я.

Всё остальное, даже солнце – ранено,
Хотя оно не чувствует вины...
И для чего тогда мои старания
Творить и думать подле тишины?..

* * *

Обернуться на себя
И себя в себе увидеть,
Чтобы только не обидеть
Подневольного себя.

Для чего тогда, губя,
Самого себя и видеть?
А быть может, ненавидеть
Злого, тварного себя?

Жизнь свою в стекло дробя,
Никогда уже не выйдет
Ненавидеть и не видеть
Ненавистного себя...

* * *

Кровь, что брызнула из пальца,
Сердцу кажется игрой?
– Не воспитывай страдальца, –
Говорю себе порой.

У небесных постояльцев
В поднебесье – благодать.
И не надо бы страдальцев
Посылать туда страдать!

Лучше с Ангелом крылатым
Пролететь по жизни вдоль
И, играя автоматом,
Продырявить сердца боль...

А стезю несложно выбрать
В обескровленном краю.
Там, как будто Ангел выбрит,
С сердцем встретишься в раю.

ИЕРУСАЛИМ

Иерусалим. Там я был, там невольно
Почувствовал вдруг укоризну времён.
Христос был распят.
Неужели не больно
Тебе или мне подле тёмных икон?!

Они и сегодня молчат, мироточат,
От нас не скрывая ни боли, ни слёз.
Во тьме иудейской
всё так же хлопочет
О нас многогрешных незримый Христос.

Мы слéпы, мы Бога не видим сегодня,
По крови идём и по времени вброд.
Я помню,
как в храм Воскресенья Господня
Входили торговцы – картавый народ.

Всё двигалось к пропасти неудержимо,
Всё падало в хаос – дворец и погост.
И только Голгофа не двигалась мимо,
И в небо – без нас –
поднимался – Христос!

* * *

Обомлеть и остаться надолго, навеки
Подле мокрого солнца и чёрной воды.
Я себя не узнаю в обличье калеки,
Я себя не возьму до ближайшей звезды.

Утром холод стоит, и целуются флоксы,
Чтобы ночью себя от мороза спасти.
Осень падает навзничь, и некая плоскость,
Порывается в космос её унести.

Неужели навек там останется осень,
Её тёмный багрец упадёт на звезду.
Неужели меня моя стылица бросит,
На свидание к ней я уже не приду.

Загремит астероид в небесном отсеке,
Упадёт стрекоза или с неба скала...
Я себя не узнаю в обличье калеки,
Потому что из осени – осень ушла.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Я видел, как молния шла шаровая
По лету, по лесу, потом по ручью,
Взошла на пригорок, траву обжигая,
Держа наготове пружину свою.

Она была внутренним пламенем сжата
До малых объёмов, до твёрдого дна,
До судорог неба, до красок заката,
Не взрывом, а некой загадкой полна.

Она не катилась, лишь только качалась,
А после ко мне совершила прыжок,
С моей раскалённой душой
повстречалась
И в тысячу вольт получила ожог.

* * *

Тьма ночная, или сон,
Или космоса причуда.
Раскололся горизонт,
Где я то, что завтра буду.

Среди твёрдой темноты
Одичалые ступени.
Нереальны и пусты
Эти призрачные тени.

Наломало время дров,
Где угроблено полсвета.
Звёздный движется покров
В душу тёмную поэта.

НА УГАСШЕЙ ЗВЕЗДЕ

И тихо, и звёздно, и как-то неловко
Бродить по угасшей звезде.
Ни Евы, ни яблока... Веет низовка,
Да стынет змея, да еврей-полукровка
Мечтает о пресной воде.

Здесь всё уже стало пустым и не вечным:
Дорога, пристанище, речь.
И только в Пути нависающем Млечном,
Как будто в плавильне веков быстротечной,
Вселенская видится течь.

Качается время, скрывает пустыня
Пропавших и павших землян.
Их всех почему-то кресты закрестили
И в полночь к угасшей звезде пропустили,
Где лопнул небесный стакан.

В терновнике голом заухала совка,
И в горле песок запершил.
В лесу закровавилась божья коровка,
Заплакал в пустыне еврей-полукровка,
А может, Иуда ожил.

Последнее мы проиграли сраженье
С самими собой, смертный холод унёс
Земное случайное наше рожденье,
И вряд ли Земле принесёт Возрожденье
Уставший от крови Христос?!

О ВЕЧНОСТИ

Разум – категория вечная,
он в космосе был всегда...

Георгий Куницын

Нет прозябанья и нет катастрофы
В тайнах байкальских, где светит багул.
Видя с небес мои странные строфы,
Разум из космоса мне подмигнул.

Мимо летел молодой птеродактиль...
Нежно любя поэтический слог,
Крикнул:
– Мне ближе анапест и дактиль,
Ямб и хорей мезозою далёк!

В небе спешили слова разгуляться,
Спорили – кто из них нужен векам?
Разум и сам перестал удивляться
Мне, птеродактилю и облакам.

Разум сказал птеродактилю-птице
Да и летучему, вроде бы, мне:
– Чтобы грядущим века пригодиться,
С вечностью надо идти наравне.

Слушая разум, мне крыть было нечем:
Вечность для смертных,
как дом для огня...
Разум ответил: – Я в космосе вечен!
Будто бы в прорубь, глядитесь в меня!

Разум, стратег ты и, кажется, тактик.
Вправду, ты – вечен, как тень, как змея.
Вечен летящий во мгле птеродактиль,
Только не вечен в Галактике – я...

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Достать чернил и плакать,
Писать о феврале навзрыд,
Пока ликующая слякоть
Весною чёрною горит...

Борис Пастернак

Мостовую февраль бесконечный
Ледяными ладонями бьёт.
С неба Путь холодеющий Млечный
Будто сердце моё достаёт.

Где же эта февральская слякоть,
О которой писал Пастернак?
Не уйти, не уснуть, не заплакать
И не выправить душу никак.

Нет тебя возле вспыхнувшей боли,
Нет дыхания возле лица.
Ты свои злополучные роли
Отыграла уже до конца.

Время поздние звёзды колышет,
Унося наши прошлые сны.
Грудь твоя ненасытная дышит
В ожидании долгой весны.

Полыхает февральская замять,
И никак не оттает земля,
Где моя безответная память
Утонула в снегах февраля.

Сергей АРУТЮНОВ

* * *

Как совладать с истомой,
Сверзившись в пластуна,
Если в зиме бездонной
Начат подъём со дна?

Здесь, на границах плоти,
С минимумом цидуль
Дума об оцелоте
Рядится в поцелуй.

Истин вагон постигнув,
Жить приказав трудам,
Прянешь во мглу инстинктов
Под племенной тамтам.

Горестней на отшибе
Плакать о мудреце
Там, где в любой йешиве
Чудится медресе.

Лишь бы не с игроками
Похоти островной
Чувствовать содроганье
Светоча над страной.

Тем, кого оглоеды
Заперли в денниках,
Дёрганый пульс планеты
Не ощутить никак.

Сергей Сергеевич Арутюнов *родился в 1972 году в Красноярске. Поэт, публицист, руководитель творческого семинара в Литературном Институте им А.М. Горького. Главный редактор портала «Правчтение» Издательского совета Русской православной церкви. Автор 11 стихотворных сборников, двух книг публицистики, двух книг прозы, книги поэтических переводов, рецензий и статей. Лауреат Литературных премий им. Бориса Пастернака, А.А. Ахматовой, «Серебряного и Золотого Витязя» Славянского форума искусств «Золотой Витязь».*

Живет в Москве.

4-МУ НОЯБРЯ

Единенье, единенье!
С каждым часом ледянее
Травы, дерева...
Беспокойство изгоняя,
Волглый воздух – цирк с конями –
Зыблется едва.

С нами Бог! Под небом Юга
В объективы брызжет клюква.
Что ж судьбу клеймим?
Тлеет, исподволь опасна,
Дальняя авиабаза
Именем Хмеймим.

Эй вы, Эбла и Арманум,
Уступаете норманнам?
...И не то отдашь,
Если в кулаке путчиста,
Что успел ответить «чисто!»,
Взмолится алкаш.

Долго будет он являться,
Омерзением лифляндца
Зябкий рот кривя.
Будем помнить, как бежали,
Кто в трусах, а кто в пижаме,
В дикие края.

Как бежали мы с узлами,
Выли, приходя в сознанье,
Плакали навзрыд,
Кто с портфелем, кто с рейсшиной,
И тоской неразрешимой
Был наш путь изрыт.

Кто ж мы, Господи, такие?
То в частушке мы, то в гимне –
Те же, что всегда.
Чем бы нас ни озаряли,
Лил бы ливень с пузырями,
Высота – взята.

* * *

Вот эти шпалы – год, иной,
Размозжены, убиты в ноль,
И в солидоле –
Главарь, что сбиться понукал
Сюда, где ослабел угар
Мирской юдоли.

Нашёлся б хоть один герой
Прервать искрящейся игрой
Молчанье комнат!
Ужели так они вредны,
Пинакотечные ряды,
И пыль, и холод?

Но Ты, что вечно при делах,
Остановись, податель благ:
Ты шутишь плоско.
Что ты за бездну там разверз,
Пошлее Комеди Франсэз,
Больнее Босха?

Воззри ж, как утром золотым
Истаивают, словно дым,
Слои тумана.
А плоть? Осилив скакуна,
И углеродиста она,
И атомарна.

О, мир! Ты странен, как фольварк,
Весь в змеях, ястребах и львах,
Среди саванны,
Где мы, держась в миру своём,
По дням термитами снуём,
Бессмертьем званы.

Ему Тобой принесены,
Мы – ожидание зимы,
А в промежутках
Лютует вьюга, даль яря,
Под серебренье ноября
На листьях жухлых.

* * *

Среди волнения людского
Одним лишь словом утолим,
Я не скажу тебе ни слова,
Поскольку связан только им:
Окончен труд в бездонных штольнях,
Страда поклонов поясных,
И голову задравший школьник
Снежинки ловит на язык.

Веленьем время хомутавших
Зевак молитва начата:
О, что за ель! Виват, монтажник!
Прелестница, не нам чета!
Гремит полуденная спевка,
Не чуя суши под собой,
И в пустоте сиянье снега
Главенствует над пустотой.

Блестит, как чешуя драконья,
Витрин оплавленный черпак:
Предновогодняя торговля,
Единственный источник благ,
И я с рождения в ответе
За праздничный рыбоотлов
И сталагмиты городов,
Налипшие на облик тверди.

* * *

Ещё зарешёчены поймы витрин,
Черны половодья магазов,
И газовый свет, что механик внедрил,
Звенит, пред рассветом угаснув.

И я, не способный осмыслить сие,
Гляжу на ублюдский товарец,
Не помня ни мёртвых в промёрзшей земле,
Ни мене, ни текел, ни фарес.

О, если б в прогнившем эрзац-бытии
Безумием не красоваться,
Пока зацеловывают бутики
Удавленники государства!

Но, чтобы упиться зимой допьяна
Январским ветрам на потребу,
Достаточно мне голубого пятна,
Крадущегося по небу.

* * *

Не то, что когда-то впечатал аллах
Огнём прямо в сердце пророка –
В чужих и совсем не медвежьих углах
Забудешь, где ГУМ, где Петровка.
То вопли в окне, то ослиная вонь.
Известные, в общем, лекала –
Небитая ксива и ствол нулевой –
Избитый набор нелегала.

И где они столько проулков берут,
Как будто бы из алебастра...
О, как он сиял довоенный Бейрут!
Как только, наверное, Басра.
Всплывут поневоле и морды ханыг,
И выстрельных искр высеканье,
Кривые маршруты путей отходных,
Заплетшиеся узелками...

У нас же, известно: полгода ни зги.
От гула Варшавки оглохнув,
Душа воспарит, устремится в пески
От слякотных этих вагонов.
И тут не какой-то там адреналин,
Приязнь к вечеринкам-коктейлям,
А судьбы, которым Господь предварил
Восшествие упокоеньем.

* * *

Прости за упрощенье,
Достойное реклам,
Родившийся в пещере
У девы Мариам,
Но как понять и можно ль
Упорствовать вдвойне,
Не зря во мгле вельможной
Пришествие твое?

В том стойле, где намечен
Божественный маршрут,
При блеянье овечьем
Спасителя не ждут.
Во бдениях бессонных
Гадальщик разъездной
Предрёк, что станет сполох,
Звезду затмив звездой.

Приютам и харчевням
В скрещении судеб
Ковчеговым кочевьем
Является вертеп.
И Ирод, нервно плюнув
Меж ромбом пахлавы,
Не верит в трёх верблюдов:
Какие там волхвы...

Но явь уже явила
Мальчишечьи глаза
От сотворенья мира
И до его конца.
На гибель веку-вепрю
Сугуба ектинья,
И сказкам я не верю,
Но верую – в Тебя.

* * *

Валялись на матах в спортзале,
То брусья трясли, то турник,
Чтоб дети, которых спасали,
Запомнили только троих –
Того, кто бежал вдоль ограды,
Из тех, что пробились втроём,
Кого земляки, толерантны,
Накрыли каким-то тряпьём.

Того, кто лежал на фанере
От крыши, раздолбанной в хлам,
Того, кто высаживал двери,
Того, кто садил по углам.
Спасителя путь одинокий
Безводен и простоволос –
От раны, жены-идиотки ль
Бросаться под мусоровоз.

Запомните – каждый обломок
В квартале насквозь типовом:
Пожарные выходы в пломбах,
Застреленный радиофон,
Сгущение выкриков сиплых,
Судьбу, что подол задрала,
Промокшие створы носилок
И жареный дым со двора.

* * *

Говорил мне век-дебил:
Я тебя объединил
С русским горем безутешным.
Каково в рядах терпил?
Отвечал я: слышь ты, тварь,
Хоть оглоблей отоварь,
Лишь дыхание задержим,
А вот ссучимся – едва ль.

Говорил мне век-профан:
Карачун твоим правам,
Полюбуйся, лох педальный,
Как я всех обворовал.
Отвечал ему я так:
И в трудах, и в маятах
Всяк измучен грустью тайной,
Но не слизистый пятак.

И торгаш ты, и вандал,
И пастух своих отар,
Но тебе ль я, сучий потрох,
Годы лучшие отдал?
Не тебе, и потому,
Слышен Богу одному,
Плит своих огнеупорных
Мерзости не отомкну.

* * *

Полжизни о цепи да об ошейнике...
Любой в уме давно б уже послал
Семидесятых ломкое брожение
И девяностых траурный базар.

Таким дерьмом отборнейшим нас пичкали! –
То Берия божествен, то Колчак –
Отплёвываясь жёваными спичками,
Шипя о спецзаказах и харчах.

Ветшавший век... на нём – толпища-толпища.
Ни перспектив, ни планов, абы как.
Окурок жизни – он святитель тот ещё,
О хладокомбинатах и быках.

Фарца, снабженцы – вот чьё было мнение.
Засалятся одни, других почнём.
А если бы иной нас мерой мерили,
Себя б и не узнали нипочём.

* * *

Одно и навсегда: одолевай,
Пока размеренно и беспристрастно
По-ленинградски щёлкает пространство
И снегопады празднуют январь.

От безразличья не окоченей,
Когда зимы вторая половина
Синичий трепет в сердце уловила,
И вот уже ты весь охвачен ей,

И будто на виду у всей страны
Выходишь, и томительно равнинны
Снеговиков, и крепостей руины,
И лиственниц озябшие стволы.

Не припадай к дверному косяку,
В метельные круги ступай, не горбясь,
Когда случайно уцелевших опись
Идёт по птичьим крестикам в снегу.

* * *

Блёклые паруса
Суетной колготни,
Праздного полусна
Серые полудни –

Нытикам здоровей
Патриотизм квасной,
Вёрткий, как соловей,
Цокавший здесь весной.

Дней уже эдак сто
Зябко желтеет спил
Там, где он свил гнездо,
Там, где гнездо он свил.

Тянутся ль не спеша
Судьбы, в труде, в тоске ль –
Песнь, что была свежа,
Стала земли тусклей.

Мнимой величины
Горький комок сглотну:
Ветви зимы, черны,
Тянутся в пустоту.

* * *

Я радовался каждому из дней
Весны, пришедшей изнутри, извне ли,
Когда и даль становится ясней,
И сам себе становишься яснее.

Бесснежно мне. На глади февраля
Не содрогнуться б, словно запятая,
Судьбой своей беспомощно руля,
Солёным снегом будни заедая.

Двусмысленным «отведай передка»
Звучит посланье, но уже так въяве
Весны ещё далёкой берега
Распахиваются, как верность клятве.

* * *

Поступившись немногим
Из намёрзших пустот,
Этот март, как синоним,
Обрывается в спорт,
От былых наваждений
На погибель шутов
Полусгнивший форштевень
Обращая в швартов.

У последней декады
Королевского льда,
Колотя предикаты,
Восстаёт коляда,
И почти что условны
Вне барачных присяг
Обнажаются склоны,
Как мещане в перстнях,

И сигналящий рындам,
Полнолуньем отжит
По дорогам подрытым
Смутный отблеск бежит,
И в чаду превращений
Обретая приют,
Просыпается щебень,
И синицы поют.

Ольга ОЖГИБЕСОВА

ИЗ ОКНА ПОЕЗДА «МОСКВА – ГЖЕЛЬ»

Дождь пробежался по стеклу –
И разгулялся без предела...
Смотри! – как на чужом балу,
Черемуха в бесстыдно-белом...
Стоит, босая, на юру,
На кромке мокрого откоса,
И разметались на ветру
Ее распущенные косы.
А дождь – черемуху взашей!..
Картечью – да по нежной плоти...
...Торчат остовы камышей,
Как будто колья, из болотин.
В них время тонет без следа,
Бессмысленно и бесполезно...
Лишь в черных оспинах вода
Качается над топкой бездной.
Безмолвно промелькнул погост,
Пестря промокшими венками...
И храм кирпичный в полный рост
Взметнулся на бугре, как пламя.
Вагон простужено дрожит, –
Спасибо, что еще мы живы...
Там, за стеклом – другая жизнь!
И мы с тобою в ней – чужие...
Тогда – зачем? Тогда – куда
Путь отмеряют полустанки?...
Май, дождь, и в небе провода
Поют «Прощание славянки»...

Ольга Ожгибесова *родилась в г. Свердловске (ныне – Екатеринбург). Окончила философский фак-т Уральского гос.университета. 18 лет работала на кафедре философии Тюменской медицинской академии. В 2000-м году ушла в журналистику.*

Печаталась в тюменских, екатеринбургских, московских газетах и журналах. Лауреат премии «Золотое перо» в номинации «За журналистское мастерство». Лауреат и дипломант международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов. Автор 12-ти книг стихов и прозы, сценарист четырех документальных фильмов (совместно с ГТРК «Регион-Тюмень»). Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Живет в Тюмени.

ПУСТАЯ СКАМЕЙКА

Я – пустая скамейка
в холодном заброшенном сквере,
Где осыпаны щедро
Аллеи осколками лета,
Где деревья грустят,
Как о самой печальной потере,
О растерзанных ветром
Нарядах зеленого цвета.
Невозвратно размыты следы
На промокших дорожках.
Ни шаги не слышны,
Ни случайно ожившее эхо.
Мне кивает фонарь
И скрипит, как бездомная кошка,
Словно бросил хозяин на даче
И в город уехал.
Я – пустая скамейка.
Как будто ненужный свидетель –
Шепотков, поцелуев,
Признаний и чьих-то сомнений.
Надо мною береза
Раскинула бережно плети
Обнаженных ветвей,
Укрывая от хмари осенней.
На кого мне пенять,
Что вокруг – беспросветно и серо?
Что так хочется выть
От тоски и глухого безделья?..
Я – пустая скамейка
В глубинке замерзшего сквера,
Где одни сторожа,
Да и те – то пьяны, то с похмелья...
Я – пустая скамейка...

РАССТАВАНИЕ

Зачем же вы пришли ко мне?
Стучали в запертые двери...
Звонок надрывно, как истерик,
Кричал в кромешной тишине.
Но – ни ответа, ни огня...
Печально охали ступени
Тогда, когда в недоуменье
Вы уходили от меня.

Неугомонные ветра
В мои заглядывали окна.
И от росы вечерней мокла
Скамейка посреди двора.
Я вас ждала еще вчера.
Но, праздничные сняв одежды,
Смела разбитые надежды
В бездонность гулкого ведра.
Простите – так, как я прощу
За все, что не смогло случиться,
И с легким сердцем, словно птицу,
Я вас на волю отпущу...

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Время, нас не жалея,
свои расставляет отметки.
Каждой шельме:
кому – по инсульту, кому – по инфаркту.
Вот сижу, вспоминаю:
Пила ли я утром таблетки?
Слишком много сегодня
Поставлено мною на карту.
Я умом понимаю,
Что все в этом мире – не вечно.
Жизнь похожа
На чьей-то рукою раскрученный глобус.
И в назначенный час
Подберет и меня на конечной
Остановке последний,
В гараж уходящий автобус.
Будут в окнах мелькать,
Словно слайды, любимые лица.
Как немое кино,
Где ни смеха не слышно, ни речи.
Хорошо, если мне
Напоследок позволят проститься.
Только жаль, что уже
Не сказать, как обычно: до встречи!
Что-то я не о том!
Я ж хотела шутить про таблетки!
Мол, у нас медицина
В другую эпоху шагнула...
Ах, как хочется жить!..
Зеленеют озябшие ветки,
И сквозь щели окна
Так настырно весной потянуло...

Всем исчезнувшим с лица
земли деревням посвящается...

ДЕРЕВНЯ

Я думала, что ты жива,
Моя далекая деревня...
Но в пояс выросла трава,
Согнуло временем деревья.
И нет ни эха, ни следа
В нетронутой дорожной пыли,
Как будто люди никогда
Еще сюда не приходили.
И где искать его, тот след?
Растаял, словно снег вчерашний.
Здесь дом стоял, где жил мой дед,
Обычный сын сохи и пашни.
Он верил, что живет не зря...
Как все, двадцатым веком болен,
Кричал: «Долой! Долой царя!»
И рушил главы колоколен.
Он свято верил: день придет –
Свободный, сытый и счастливый...
Но кровью обернулся пот,
Пролитый им на хлебной ниве.
И нет ни дома, ни плетня.
Не слышно голосов и песен.
Давно разъехалась родня
По дальним городам и весям.
Могилы заросли травой,
Корнями сосен стали кости.
Я – с непокрытой головой
В деревне, словно на погосте...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

Не война и не голод,
А деревни пусты...
В щели сгнившего пола
Прорастают кусты.
Перечеркнуты окна.
От дождя, как от слез,
Стены ветхие мокнут
Под рыдания гроз.

Дверь – зияющей раной,
И никто не войдет.
Зарастает бурьяном
У реки огород.
На забытых погостах –
Молчаливая стынь.
Чернью, словно коростой,
Затянуло кресты.
А в церквушке разбитой –
Запустенье и тлен...
Лики светлые смыты
Непогодой со стен.
На церковном пороге
Поднялась лебеда.
И на старой дороге –
Ни следа, ни следа...

О ЖУРАВЛЯХ И СИНИЦАХ

Он – мужик ничего.
Простоват, но бывает и хуже.
Он не курит, не пьет и на стареньком ездит авто.
И не мальчик давно,
но ничьим не считается мужем.
Видно, что-то не так...
Значит, все-таки что-то не то.
Мне друзья говорят:
что ты ждешь журавля в поднебесье?
Коль синица в руках, так держи ее, крепче держи!
Бросишь горстку пшена –
пусть поет тебе звонкие песни...
Журавли в облаках – это все миражи, миражи.
Что мне песни чужие! Сама не без голоса вроде...
И не жалко пшена – просто с детства синиц не люблю.
И пускай журавли с их курлыканьем нынче не в моде,
Можно, я погрущу по летящему вдаль журавлю?
Нас, конечно же, мамы для счастья земного рожали.
И ничьей нет вины, что найти мы его не смогли.
Дело, видимо, в том, что поэты живут миражами,
Что зовут за собой в необъятный простор журавли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С КРЕСТНОГО ХОДА

Обратный путь всегда короче...
Вперед – и с Богом, не боясь.
Шагал в промокшей рясе отче,
Меся ногами бодро грязь.
Он только отслужил молебен,
Как раз меж двух дождей успев.
... Черно теснились тучи в небе,
Грозя излить на землю гнев.
Кричали радостно пичужки,
Едва роняло солнце свет.
И из последних сил старушки
За батюшкой спешили вслед.
Но небо рухнуло стотонно...
И, слепо двигаясь вперед,
Нет, не себя, – они иконы
Спасали от безумных вод.
Дождь разошелся, громогласен,
По лицам и ногам хлестал,
Но, как за полководцем в рясе,
Шагала армия Христа.
Свой путь для каждого отмерен.
Греховный, праведный, но – свой.
Но этой непонятной вере
Я все ж завидую порой.

Поздравляем известного алтайского прозаика и поэта Павла Павловича Явецкого с 70-летием!

Павел ЯВЕЦКИЙ

САРГАССОВО МОРЕ

Саргассово море – тупик акваторий.
Саргассово море – матросское горе.

Глубины его отнимают отвагу –
Пора отдыхать эхолоту и лагу.

Бермудские тайны раскрыть интересно,
Под нами внизу Маракотова бездна!

Напрасная трата матросских мучений –
Завиты жгуты трех гигантских течений.

Тут Левиафан из пучины вздымался,
Бугристыми кольцами бил-извивался.

Обитель угрей, ламинарий тенета,
Предерзкой душе не хватает полета!

И нет берегов, и не слышно прибоя,
Плавучих саргассов скопленье живое.

Приют кораблей, потерявших ветрила,
Кого сюда роком судьба ни носила!

Оно у пиратов давно не в фаворе –
Саргассово море, что шапка на воре...

То – штилем, то затхлостью изнемогая,
Охвачено зыбью от края до края.

И молят о бреге и твердой опоре –
В Саргассовом море, в загадочном море!

Павел Павлович Явецкий *печатался в местной и центральной периодике, журналах «Алтай», «Молодая гвардия», роман-газете «Двадцать первый век», «Антология XXI век, Бийск». Награжден медалью и Дипломом Московской городской организации Союза писателей России в 2009 г. «За верное служение отечественной литературе». Дипломом лауреата в номинации «Поэзия» журнала «Огни над Бией» 2011 г.*

Член редколлегии журнала. Лауреат специальной премии Бийского района им. В.М.Шукшина 1983 года. Автор поэмы «Калины гроздь», целиком посвященной В.М. Шукшину. Автор нескольких книг, изданных в Москве, Новосибирске, Барнауле и Бийске. В мае 2001 года по ходатайству Академии поэзии принят в Москве в члены Союза писателей России (Московская городская организация), член-корреспондент Российской Академии поэзии с октября 2012 года.

Живет в Бийске

БЕЛУХА

Белее лебяжьего пуха,
Не ставя себя напоказ,
Сияет вершиной Белуха,
Слезу выжимая из глаз.

Царицей на горной арене
Качает веков колыбель,
Где вмерзли в ледовой морене
Скопления цирков досель.

Не тронет радара и уха
Кометы беззвучный салют,
Парение горнего духа,
Подлунных гольцов Абсолют.

Медведицей белою бродит
В завесе косматой пурги...
С Белухи пошло – Беловодье,
Сибири святые «белки».

И разве имеет значенье,
Кто крик изумленья исторг?
Хранит Пантеон покоренья
Не только победный восторг...

Нависшие глыбы базальта
Грозятся обрушить карниз...
Не проще в обкатанных Альпах
Себя испытать, альпинист?

Неведомой полнится дрожью
Хрустальный голец-исполин...
Туман выстилает к подножью
Руно воплощенных былин.

И краски земные бессильны
Изменчивый лик донести –
Вселенский Гонец и Посыльный
К тебе еще на полпути.

Молитвенно стынут отроги...
Напрасно её не буди,
Когда затихают истоки –
Припав к материнской груди.

Тут все, что житейское, – мелко
С времен откровений Творца.
Беснуется компаса стрелка,
И холод вползает в сердца.

Прессуя до грозного гула
Обветренный камень и снег,
Лавиной Белуха дохнула:
– Со мной не шути, человек!

Промолвила будто бы глухо,
И вздрогнули долы окрест:
С высот непокорного духа –
Рукою подать до небес.

ТАК СЛУЧИЛОСЬ – ВЗДРОГНУЛА СТРАНА...

Так случилось – вздрогнула страна,
И не замыкание в проводке:
Офицеры высшего звена –
Свой отсек задраили в подлодке...

СЫН РАДУГИ

Мелькнув из клубящихся тучек,
Притом семи-цветик сиял,
Сын Радуги, радужный Лучик,
Впервые на землю попал.

И мир, что был мрачен, очнулся,
Утратил вдруг серую злость,
И все, к чему он прикоснулся, –
Внезапно цветами зажглось.

И лица людские смягчились,
Улыбками вдруг расцвели,
И люди людьми становились –
За ним, несмышленым, пошли...

ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ ПРИТАБУНЬ...

Грозовые тучи притабунь,
Оплети протокою-косою!
Обжигает ледяной красою –
Сердце покорившая Катунь...

МОГЛИ БЫ ЖИТЬ...

В глазах Рубцова видел он аврал,
Не мог поэт угодничать, лукавить...
Зачем, Байкал, Вампилова забрал –
Могли бы жить и вещим словом править.

ГРУППА ДЯТЛОВА

Там пурга третий день хороводит,
И никто еще не погибал:
Группа Дятлова нынче уходит
Покорять Приполярный Урал.

Прочен группы состав. Аргументы:
Пара служащих, некто Семен,
Молодые ребята, студенты,
Двое девушек... Девять имен.

Коим боком я тайну задену?
В путь уводит романтики пыл,
К той «Горе мертвецов», Отортену,
По прозванию Холат-Сяхыл.

А за ними костлявая, следом,
Под полою припрятав косу...
Супротивник незрим и неведом –
Затаился в сугробах, в лесу.

И поставить палатку спешили,
Лютый холод нагорья накрыл.
И когда уж ко сну отходили –
Ужас выслала Холат-Сяхыл.

Дух лесов грозен бурей суровой,
Словно спички ломает стволы...
Сорни-Эква и Менкв трехметровый
Подобрались завесою мглы?

Остается лишь строить догадки,
Что туристам могло угрожать
И заставило всех, без оглядки,
Необутых, столь спешно бежать?

К этой версии стоит вернуться,
Тех злодеев не в (!) скобки берем:
Привелось всей девятке столкнуться
С беспощадным двуногим зверьем?

Но – обмотка армейская, пояс,
Чьи-то ножны – вот фактор беды.
Кто, во мраке заведомо кроясь –
Уничтожил и спрятал следы?

Кто же ноги обуглил студентам,
Отыскал, погубил беглецов!?
Утвердилась у манси легенда:
Забрала их «Гора мертвецов».

Ой вы, девичьи ясные очи!
О любви не домолвил язык...
Люты жуткие демоны ночи –
Оборвался пронзительный вскрик!

Спины горбит, увы, не сутулость, –
Ожиданию вышел предел:
Группа Дятлова, нет, не вернулась,
Ненароком один уцелел.

Не подвержен ничуть суеверью...
Только близкие это простят?
Что погибли мучительной смертью,
Утаили тогда в новостях...

ПИСЬМЕНА

Ладья моя, ковчег обетованный,
Куда стремишь свой одинокий бег?
Мне промысел дарован, Богом данный,
А я всего лишь смертный человек.

Там свет сияет, нестерпимый зрению,
И воспарить туда душой легко,
И ангелов возвышенное пенье –
Доносится до слуха моего.

И не гнетут уже судьбы вериги,
И не страшны удары и тычки –
Коль письменами Голубиной книги
Наполнились единожды зрачки.

МАТЬ-АЗИЯ, ТВОЯ РАСКОСОСТЬ...

Мать-Азия, твоя раскосость
Прекраснее иных щедрот!
Краса и внешняя неброскость,
Сибиряка скупая гордость –
Ты мне опора и оплот...

ЕВПАТИЙ МОЛНИЕНОСНЫЙ

Надежно
На Руси
У врат –
Стоял
Евпатий
Коловрат.

Коломна
Помнит
И Рязань –
Ты не платил
Поганым
Дань.

Вставай, народ,
Борись, не трусь –
За всю поруганную
Русь!

На чаше
Праведных весов
Всего-то
Горстка храбрецов...

И в панику
Вгонял врагов
Разящий взблеск
Из двух клинков!

Батыя
В хвост
И гриву бил
И Хоставрула
Победил!

Туменов
Рассекало тьму –
Непостижимое уму!

Крошили
Степняков
В куски
Молниеносные
Броски!

И лишь баллиста,
Камнемет,
Внесли
Погибельный исход.

Скуластый хан
Был изумлен –
Воздал герою
Почесть он...

Евпатий!
Вновь
Тебя зовет
Дружина
В тысячу
Семьсот.

С душой ребенка,
Львом – в отца
Стучишь доныне
Нам в сердца.

ГДЕ ТУМАН ЗАВИЛ КОЛЕЧКИ...

Где туман завил колечки,
И русалочьи цветы –
На мосток, у тихой речки
Приходила часто ты.

Лилию в руке держала,
Заводь тихую любя.
Жилка тонкая дрожала
На запястье у тебя...

ЛОВЛЮ ПРОЛЕТАЮЩИЙ СВЕТ...

Приткнувшись к подножьям бессонниц,
Мощу в изголовье картон,
Заслышав таинственных звонниц
Немолчный, погибельный звон.

И, шут средь дурных декораций,
Ловлю пролетающий свет,
И желтые рясы акаций
Плывут, колыхаясь, в Тибет.

Бессонье, бездомье, бездонье,
Нависли, свисают, висят...
И слизи житейской одонья
Провалами ртов голосят.

И я отзываюсь глухими,
Глухими толчками крови:
Я – ваш, я – ничей, я – безымен,
Но все же меня назови...

ЗАШВЫРНУСЬ ЗА ГЛУХИЕ СТОГА...

Зашвырнусь за глухие стога
К позабытым в ночи перелескам,
Где росою вспоил луга
Вздох озерный... С дремотным всплеском,

Где осока махнула в рост,
Процедив веретье тумана...
Ночи исповедь. Россыпь звезд.
И полоска зари – как рана.

Пробужденье стремясь продлить
В сладковатом – до хруста – стоне,
Входят в красное озеро пить
Родниковые струи кони.

Колокольчик зайдется в звоне –
Благовест и предвестник дня...
Выгнув шеи, пасутся кони,
Гривы спутанные склоня.

АВТОБУС УХОДИЛ НА МАНЖЕРОК...

Напористый бросался ветерок.
Подрагивали города предместья.
Автобус уходил на Манжерок,
Разбрызгивая талые созвездья.

Звала дорога. Широко текла,
Живым, почти осмысленным созданьем.
А бокового вида зеркала
Частили кадры жизни с опозданьем.

Деталями развихренный сюжет,
Как некий бы чудил киномеханик,
Катил тележку в ниоткуда дед,
Босой парнишка на ходу грыз пряник.

Иссиня-черным застилая свет,
Росла завеса грозового фронта.
Подпрыгивал чертенок-амулет,
Отталкивая кромку горизонта.

Так выпадало времени звено...
День искаженно преломлялся в вечер.
Семнадцать судеб – целое одно,
В единые перерастали плечи.

Стеною ливня тракт заволокло.
Стихия разразилась беспредельно.
И ветровое плавилось стекло
В мозаике огней «Святого Эльма».

Шофер зевал, не разевая рта,
И «дворник» от бессилья падал косо...
Никто не знал, что близится черта,
Та, что от тверди оторвет колеса.

В КАЖДУЮ ДУШУ ЗАБЛУДШУЮ...

Правлю строку непослушную
И не пролью тут елея:
В каждую душу заблудшую
Смотрит Господь, сожалея...

Виктор БУЛАНИЧЕВ

СЕЯТЕЛЬ ДОБРОГО

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕРГЕЯ КОЗУБЕНКО.

Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте!
Спасибо вам скажет сердечное Русский народ.
Н.А. Некрасов

Мы уже рассказывали о бескорыстной работе известного российского промышленника, благотворителя, мецената, авторе многих просветительских программ и проектов Сергее Павловиче Козубенко. Но о его деятельности нужно рассказывать как можно больше, ведь она оставляет добрый след, являя яркий пример другим состоятельным людям. Его деятельность –это продолжение традиций русских просветителей-благотворителей. Именно этих традиций так не хватает сейчас нашему обществу, и она так нужна сейчас людям.

Сергей Козубенко представляет новую книгу

Начну с того, что Сергей Павлович любит Алтай, глубоко чтит нашего выдающегося земляка В.М. Шукшина. Он является попечителем журнала родины Шукшина «Бийский Вестник», и у него на Алтае очень много друзей-единомышленников. Возможно поэтому, он начал свою деятельность на Алтае с создания памятника В.М. Шукшину. В 2003 году по его инициативе и на его средства выдающийся русский скульптор Вячеслав Клыков изваял монументальную фигуру Шукшина, а в 2004 году памятник был установлен на горе Пикет в родном селе

Мастера и торжественно открыт для всех почитателей его творчества. И вот так уже 15 лет с высоты Пикета Шукшин смотрит на любимое село, вглядывается в Россию, как бы мучительно размышляя: «А всё ли в порядке в родном Отечестве? Правильно ли живут люди?» Без Шукшина теперь трудно представить Россию, как Алтай без этого замечательного скульптурного сооружения. Сейчас – это символ литературной России. Только этого памятника достаточно для того, чтобы Вячеславу Клыкову и Сергею Козубенко остаться в истории отечественной культуры. По заказу Сергея Павловича алтайский режиссер Владимир Кузнецов создал документальную ленту «Василий Шукшин. Родина навсегда». Фильм был снят к юбилею замечательного русского писателя, сценариста, актера и режиссера. Эта важная и проникновенная работа была создана при непосредственном участии Сергея Павловича Козубенко.

Сергей Павлович живо откликнулся на предложение бийчан подарить городу памятник А.С. Пушкину, и в 2018 году он был изготовлен, привезен и установлен. Теперь в Бийске есть место, где можно очень хорошо проводить литературные праздники и фестивали.

Открытие Ершовского праздника. 2019

Поздравляем всех тех, кто любит, чтит и помнит творчество А.С. Пушкина и В.М. Шукшина.

В 2019 году исполнилось 25 лет возрождению Барнаульской епархии и 150 лет со дня основания Барнаульского духовного училища. Это, безусловно, важные события в истории православия Алтая, и Сергей Павлович, разумеется, как человек воцерковленный, не остался равнодушным к ним и сразу откликнулся на предложение митрополита Барнаульского и Алтайского Сергия. По его инициативе был выполнен памятник святителю Макарию. Сей памятник является даром православным верующим Алтая от С.П. Козубенко.

5 июля 2019 года на территории Барнаульского епархиального управления состоялась церемония открытия памятника святителю Макарию (Невскому) –известному миссионеру, апостолу Алтая. Автор работы – скульптор Виктор Мосиелев (Екатеринбург). В мероприятиях приняли

участие митрополит Барнаульский и Алтайский Сергий, секретарь Барнаульской епархии протоиерей Георгий Крейдун, эконом епархии иерей Константин Алексеев, духовенство, сотрудники Епархиального управления, благотворители, общественность и гости Барнаула.

На открытие памятника приехал И.Ю Дубровин, президент Уральского центра монументального искусства, директор литейной мастерской «Дубровин» (Екатеринбург).

Теперь благодаря Сергею Павловичу прекрасная скульптурна украшает краевую столицу.

А 6 июля в селе Луговом Тальменского района Алтайского края торжественно открыли новую сельскую врачебную амбулаторию. Такой подарок селу сделали два Сергея, Козубенко и Ромащенко. Журналист Тамара Попова на страницах газеты «Алтайская правда» сообщает, что в Луговом жили когда-то их предки, вот и решили москвичи таким образом выразить свое уважение к их малой родине. Сейчас подходит к концу этап лицензирования. Завозятся необходимая мебель и оборудование. Нет, правда, пока своего терапевта, но в сельской администрации заверили, что и этот вопрос решится в ближайшее время.

Победители Ершовского конкурса. 2019

Двумя годами раньше Сергей Козубенко и Сергей Ромащенко построили в селе новый храм Николая Чудотворца, и вот уже пять лет платят именные стипендии в 50 тысяч рублей золотым медалистам местной школы. В этом году гранта удостоены две выпускницы.

Эти замечательные инициативы пришлись по душе всем местным жителям, ведь благодаря им преобразился центр села. Он стал гораздо красивей, а с учетом того, что скоро туда придет газ, люди всё чаще выбирают Луговое для жительства.

А в далеком от нас городе Ишиме, что в Тюменской области, в июне месяце состоялся ежегодный Ершовский праздник с вручением

международных литературных премий имени великого русского писателя-сказочника, автора бессмертного «Конька-Горбунка» П.П. Ершова. Главным попечителем этого грандиозного литературного события является Сергей Павлович Козубенко. Год назад, в основном на его средства и при его активном участии, в родовом селе писателя Ершово был сооружен красивейший храм в честь Петра Столпника. Этим летом в ограде храма заложили аллею почетных гостей, и первым из них стал Сергей Козубенко.

Я был участником всех этих событий и ответственно заявляю, что все, что делает Сергей Павлович со своими единомышленниками в области просветительства, благотворительности и попечительства, востребовано обществом и находит живой отклик в сердцах людей.

Спасибо Сергею Павловичу и всем, кто его поддерживает и помогает в этом деле.

После торжественного открытия Луговской амбулатории наш корреспондент ***Наталья Зеленцова*** *побеседовала с Сергеем Павловичем Козубенко.*

Сергей Павлович, Вы предприниматель из Москвы, почему Вы занимаетесь благотворительностью на Алтайской земле?

Мне дорог Алтай моими друзьями, в своё время я занимался спортом, и очень многие мои товарищи родом отсюда. Часто бываю, очень люблю эти места. А потом, волею судеб, мой свояк родом из Барнаула. Ромащенко Сергей Геннадьевич каждое лето проводил в Луговом у бабули с дедулей. Сейчас здесь живёт его брат с семьёй, тётя, и поэтому он, будучи неравнодушным человеком и благодарным своей малой родине, решил построить в селе храм Св.Николая Чудотворца (2015 г.), а сейчас открываем амбулаторию. Я поддержал свояка в этом решении, знаю, дело нужное и правильное.

Мы видели, на празднике в честь открытия амбулатории были представители духовенства и администрации. Какова их поддержка была?

Поддержку митрополита Барнаульского и Алтайского Сергия трудно переоценить. Очень нравственный и неравнодушный человек, он благословил нас на строительство и освятил готовый объект. Без его благословления у нас не могло получиться.

Благодарны за понимание и искреннее участие заместителя министра здравоохранения Алтайского края Владимира Лещенко. Ведь амбулатория переходит «под крыло» государства. Валентина Духнич, Глава местного сельсовета, обещала следить за порядком и милосердием в стенах нового объекта. Найти хорошего«земского доктора» – задача властей.

Сергей Павлович, построенная амбулатория насколько отвечает современным представлениям о мед.учреждении?

Вполне современный объект, по всем правилам и нормам СанПиН. Все коммуникации, дневной стационар, процедурный кабинет, фильтр-бокс, уютная регистратура. 250 кв.м полезной площади. Нужно найти хороший персонал и проводить профилактику заболеваний, не дожидаясь болезней. Ввести обязательную диспансеризацию. Если доктор любит свою профессию – это главная ценность медицины. Но хороший доктор должен работать в достойных условиях, чтобы не отвлекаться на бытовые и организационные нюансы.

Сергей Павлович, знаем, что Вы много помогаете в области искусства, литературы, медицины, культурного наследия. Есть какой – то критерий, по которому Вы определяете, что «да, получилось».

Критерий...внутренний. Сердце радуется или нет. В основном в глаза людям смотрю, там всё написано, только читай. Вот, например, сейчас, выходим из амбулатории с митрополитом Сергием, а за спиной слышу разговор. Одна жительница села, глядя на палаты амбулатории, другой говорит: «Красиво, хорошо так, может, приболеть!?»

Наши люди врать не станут, скажут как есть! Всех Благ!

Ольга ОЖГИБЕСОВА

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЙ СКАЗКИ

Ишим предсказуем. В том смысле, что Ершовская премия – финальный аккорд литературной премии им. П.П. Ершова за книги для детей и юношества – вот уже много лет подряд собирает лучших детских писателей России. Июнь 2019-го не стал исключением: в Культурном центре П.П.Ершова было многолюдно, шумно, немного суетно, но весело и интересно. Настроение не испортил даже внезапно начавшийся ливень, напугавший гуляющую в парке публику.

Москва, Санкт-Петербург, Астрахань, Екатеринбург, Тюмень, Волгоград, Анапа... И это неполный перечень городов, представленных на фестивале, посвященном бессмертной ершовской сказке, – на фестивале, давно уже перешагнувшем границы России и ставшем поистине международным: более четырехсот работ из России, Германии, Израиля, стран ближнего зарубежья принимали участие в конкурсе детской книги.

Программа праздника, как всегда, была обширна и разнообразна: награждение победителей, встречи с читателями, участие в фестивале «Ершовский форпост» на родине поэта в с. Ершово и, конечно же, встречи со старыми друзьями и новые знакомства. Среди почетных гостей – неизменно потомки сибирского сказочника Ольга Михайлова и Валентина Нестерова, дочь биографа поэта Ольга Устинова-Уткова, четырехкратный олимпийский чемпион по биатлону Александр Тихонов, меценат премии московский промышленник Сергей Козубенко и многие другие.

Каждый год ишимские «ершовцы» удивляют гостей премии новыми открытиями и достижениями. Изюминкой этого года стала выставка иллюстраций ишимских художников к сказке «Конек-горбунок».

В первый и последний раз в советское время на территории Тюменской области сказка была издана в 1936-м году в Омске (Тюмень, а, следовательно, и Ишим тогда относились к Омской области). Ишимские краеведы решили исправить это упущение. И в 2010-м году вышло первое издание на родине автора. Его украшали рисунки юных художников Ишима, Тюмени, сел и деревень юга Тюменской области.

В 2017-м году вышло 2-е издание, на этот раз с иллюстрациями Е. Кобелева. Его собрание раскрашенных линогравюр было приобретено у наследников ишимского художника и хранится в фондах краеведческого музея.

На этом ершововеды не остановились. В 2018-м году сказка вновь была издана – с детскими иллюстрациями. А спустя еще год – с иллюстрациями ишимского художника Евгения Чукардина.

Сын иконописца, он родился в 1901-м году, учился в Омском художественном училище. Чукардин – первый профессиональный художник в Ишиме, основатель художественной студии, которая позже переросла в художественную школу, зачинатель художественного образования в Ишиме.

Он работал в разных жанрах, но цикл иллюстраций к сказке «Конек-горбунок» – совершенно особая тема в творчестве художника. Его

волновало, что на родине поэта не издается прославившая его сказка. И, мечтая об этом, Чукардин мыслил в книжном формате, создавая иллюстрации к конкретным эпизодам.

Наследники сохранили эти работы. Собрание графики Е. Чукардина приобрел Ишимский краеведческий музей, где можно увидеть подлинные работы. Ну, а репродукции – в новом издании сказки. Теперь у них началась новая жизнь.

ШУКШИНСКИЕ ДНИ НА АЛТАЕ

В рамках Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае» в двадцать первый раз на родине Василия Шукшина проходит кинофестиваль «Нравственность есть Правда».

По красной дорожке к краевому театру Драмы прошли президент Шукшинского кинофестиваля **Виктор Мережко**, председатель жюри полнометражного игрового кино **Валерий Фомин**, актеры **Андрей Мерзликин**, **Игорь Жижикин, Алиса Гребенщикова**, кинорежиссеры **Алексей Петрухин**, **Лидия Боброва**, **Алексей Федорченко**, **Владимир Котт**, писатели **Павел Басинский**, **Михаил Павлов**, **Андрей Дмитриев**, **Василий Авченко**, **Михаил Тарковский** и лауреат Шукшинской литературной премии этого года **Игорь Корниенко**. В этом году на Алтай приехали и соратники Василия Шукшина – **Ренита и Юрий Григорьевы**, которым посчастливилось работать с нашим земляком.

На открытии кинофестиваля прозвучали слова телеграммы Президента Российской Федерации Владимира Путина. Со словами приветствия к собравшимся обратился Губернатор Виктор Томенко. Он подчеркнул многоплановость фестиваля «Шукшинские дни на Алтае», одним из центральных мероприятий которого является открывшийся кинофестиваль: «Программа получилась такой: **более 40 основных мероприятий**, которые касаются литературы, кинематографии, театрального дела, народного творчества. Пройдут они не только в Барнауле, столице Алтайского края, не только на родине нашего земляка, в Сростках, но и более чем в десяти городах и селах края». Состоятся народные гулянья и концерты, театральный и песенный фестивали, а также фестиваль народного творчества, встречи с кинематографистами и писателями, выставки, мастер-классы, конкурсные показы, питчинг сценарных проектов молодых кинематографистов. Среди знаковых мероприятий Шукшинских дней на Алтае – встречи с писателями в рамках проекта

«Литературный перекресток: Шукшин и вся Россия», которые пройдут в Барнауле, Новоалтайске, Ребрихе, Павловске, Быстром Истоке, Белокурихе, Сростках.

Российский писатель, литературовед и литературный критик, член Союза российских писателей, лауреат Государственной премии России **Павел Басинский** отметил: «Наверное, в мире нигде нет такого кинофестиваля, по красной дорожке которого прошло столько писателей. И этим мы, конечно, обязаны Василию Шукшину, который каким-то удивительным образом соединил в своем лице эти три близких, но очень разных амплуа: писателя, режиссера, актера. И он равновелик в этих трех искусствах». Писатель подчеркнул, что хорошее кино еще и читается, как повесть. В качестве примера он привел фильм Василия Шукшина «Калина красная», в котором при каждом просмотре (как и при прочтении этой повести) открывается что-то новое. Поэтому Павел Басинский пожелал гостям и участникам кинофестиваля хорошего просмотра и хорошего прочтения.

Со сцены звучали цитаты из произведений и писем Василия Шукшина, которые сменялись интерактивным шоу, выступлениями лучших творческих коллективов Алтайского края и гостей. Задуматься о нравственности и правде в киноискусстве заставило эссе Шукшина в исполнении актера театра и кино, режиссера и телеведущего, заслуженного артиста Российской Федерации Андрея Мерзликина. Актриса Алиса Гребенщикова продолжила «разговор от сердца к сердцу»: стихи уроженца Алтайского края Роберта Рождественского в ее исполнении покорили зал. Зрители встретили аплодисментами **студентов школы-студии МХАТ Художественного центра имени Мейерхольда**, исполнивших песни а капелла и под гитару.

В конкурсную программу полнометражного игрового кино вошли 10 картин, разные по жанру, стилистике, национальному колориту. Фильмы конкурса полного метра объединяет идея человеколюбия. Их будут оценивать заслуженный работник культуры России, лауреат Алтайского края в области литературы и искусства, член Союза кинематографистов России, кинооператор **Анатолий Фукс**, кинорежиссер, сценарист, продюсер, председатель правления Алтайского отделения Союза кинематографистов России **Владимир Кузнецов**, настоятель собора во имя святого благоверного и великого князя Александра Невского в Новосибирске, крупный общественный деятель, сценарист и режиссер **Александр Новопашин**, кинорежиссер и сценарист, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства **Лидия Боброва**. Председателем жюри полного метра вновь стал киновед, историк кино, доктор искусствоведения, лауреат премий Союза кинематографистов и гильдии киноведов и кинокритиков, автор книг по истории кино **Валерий Фомин**. Он передал в дар Государственному музею истории литературы, искусства и культуры Алтая рукопись Василия Шукшина с правками автора.

Конкурсная программа короткого метра отличается жанровым разнообразием: драмы, комедии, мелодрамы, авторское кино и трагикомедии. Кроме российских фильмов, в программе этого года картины

совместного производства США-Россия, Эстония-Россия и фильм производства Республики Беларусь. Впервые в конкурсе короткого метра участвуют ленты, снятые в соседних с Алтайским краем регионах. Это совместное производство кинематографистов из Новосибирской и Кемеровской областей и Республики Алтай. Отборочная комиссия отсмотрела более 130 картин, на суд жюри фестиваля представлено 16 из них. Главным постулатом каждой конкурсной ленты стали слова Василия Шукшина «Нравственность есть Правда», они сегодня звучат особенно остро и актуально. В жюри конкурса вошли ответственный секретарь Союза кинематографистов России **Михаил Калинин** (председатель жюри), известный российский кинооператор, обладатель международных и российских премий за лучшую операторскую работу **Алишер Хамидходжаев**, шеф-редактор ВГТРК «Алтай», режиссер, актер театра и кино **Василий Романов** и руководитель Молодежного центра кинематографистов Алтая, режиссер **Дмитрий Шарабарин.**

Главный приз Всероссийского Шукшинского кинофестиваля – ваза из ревневской яшмы, специально изготовленная мастерами Колыванского камнерезного завода имени Ивана Ползунова. Награды будут вручены в номинациях «короткий метр» и «полный метр». Специальный приз вручит участнику конкурсной программы кинофестиваля Губернатор Алтайского края. В этот день вручат также Шукшинскую литературную премию. Церемония состоится 27 июля, в Сростках.

На Пикете в этот день с 12 часов будут работать интерактивные площадки объединения «Город мастеров» под названием **«Алтай мастеровой»**. В 16 часов начнется **художественно-публицистическая программа**. Завершит официальную программу на Пикете **концерт Марины Девятовой и шоу-балета «ЯR-dance»**.

Организаторы «Шукшинских дней на Алтае» постарались обеспечить максимум комфорта гостям праздника в Сростках и просят обратить внимание: в селе в этот день **закрыто движение автотранспорта**. На въезде в Сростки организована **большая автостоянка для личного транспорта**. Гостей Алтайского края просят обратить на это внимание, приезжать заранее, чтобы не создавать пробок, учесть большой поток автотранспорта в районе Сросток в этот день, – ***сообщает официальный сайт Алтайского края.***

О том как прошли «Шукшинские дни на Алтае», мы расскажем в следующем номере.

130-ЛЕТИЮ АННЫ АНДРЕЕВНОЙ АХМАТОВОЙ

Геннадий ИВАНОВ

«СО МНОЮ БОЖЬИ ПТИЦЫ ГОВОРЯТ...»

В русской поэзии вокруг некоторых имён немало, скажем так, досужих сопоставлений: кто из поэтов лучше – Ахматова или Цветаева, Блоку порой противопоставляют Гумилёва, Есенину – Клюева и так далее. Даже Ахматову сравнивают с Гумилёвым. Тут, видимо, семейный момент. Одни отдают предпочтение мужу – Николаю Гумилёву, другие жене – Анне Ахматовой.

Причин для большей или меньшей любви много. Сами поэты чаще всего точнее оценивают поэтическую иерархию. Вот, например, что ответил Гумилёв на слова одной из своих поклонниц, сказавшей: «Вы, Николай Степанович, первый русский поэт современности». Он ответил, по словам очевидцев, спокойно и серьёзно: «Неправда. У Блока есть одно-два стихотворения, которые выше всего, что я написал за всю жизнь».

Если принять участие в этих сопоставлениях, то я должен признаться, что вокруг меня подавляющее большинство любителей поэзии отдают предпочтение Цветаевой перед Ахматовой, но я это странное первенство отдаю Анне Андреевне. Может быть, мне ближе её поэзия потому, что мне вообще ближе спокойный, вдумчивый разговор, не слишком экспрессивный, не склонный к резкости и нервности. Хотя, конечно же, Цветаева очень большой русский поэт.

Для меня у Ахматовой есть несколько стихотворений, которые живут во мне десятилетия как что-то самое родное, органичное и необходимое. Есть у неё такие строчки: «Как будто друг от века милый/ Всходил со мною на крыльцо». Так вот есть у неё несколько таких стихотворений для меня «от века милых».

Моё отношение к Ахматовой связано ещё с тем, что когда-то, когда-то в детстве, я ходил в школу – в бывший барский дом из имения Слепнёво (Тверская губерния, Бежецкий уезд). Этот дом, это имение, вообще Бежецкая земля стали для Анны Андреевны, как она писала, «второй родиной». Сюда после свадьбы привёз её в дом своей матери Николай Гумилёв. Здесь она проводила потом каждое лето с 1911 по 1917 год. И потом в разное время приезжала. Здесь рос их сын Лев. Здесь она открыла для себя как для поэта крестьянскую Русь, открыла подлинную Россию. Отсюда, мне думается, её поэтическая народность, патриотизм. Отсюда исторические и религиозные мотивы. Не случайно потом в планах к своей книге «Мои полвека» Ахматова писала: «Слепнёво. **Его великое значение в моей жизни**».

Анна Андреевна в Слепнёве написала около 70-ти стихотворений. Может быть, самых лучших. То, что некоторые из них шедевры и составляют гордость русской поэзии, это безусловно. Среди них: «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» «Я научилась просто, мудро жить...», «Июль 1914», «Нам свежесть слов и чувства простоту...»,

«Я не знаю, ты жив или умер...», «Сколько раз я проклинала...», «Бессмертник сух и розов...», «Как белый камень в глубине колодца...», «Там тень моя осталась и тоскует...». «Течёт река неспешно по долине...» «Уединение», «Город сгинул, последнего дома...», «Бежецк» и некоторые другие, связанные с бежецкой землёй.

Ахматовой эта древняя тверская земля, эта природа открылись как нечто живое, сокровенное. Она увидела, говоря словами Тютчева, «что сквозит и тайно светит в наготе твоей смиренной». Она обрела там творческое счастье и полноту жизни.

Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моём затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мною Божьи птицы говорят.

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

(«*Бессмертник сух и розов. Облака...*»)

Здесь у неё, как писал исследователь жизни и творчества Ахматовой Сергей Иванович Сенин, «появляется особое отношение к земле, которая для поэта является живым организмом – «Дымилось тело вспаханных равнин...» Тверская земля прочно вошла в поэзию А.А. Ахматовой, и её поэзия здесь приобрела новую высоту и силу, став «душой и телом» поэта».

У Анны Андреевны есть незаконченный очерк «Слепнёво». Мы приводим его в конце книги в разделе автобиографической прозы.

Надо сказать, что столько много внимания я уделяю этому биографическому моменту в жизни поэта, потому что как-то до сих пор это не очень прояснено и не осознано в читательском мире. Все знают, чем стало Михайловское для Пушкина, Шахматово для Блока, Константиново для Есенина, вологодские веси для Рубцова... А для Ахматовой в этом роде великое значение имеет именно Слепнёво:

«Слепнево для меня как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом все больше и больше и наконец – полная свобода (это если выходить)».

* * *

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья –
Хранилища молитвы и труда.

Спокойной и уверенной любови
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новогородской крови
Во мне – как льдинка в пенистом вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить –
Ты, тихая, сияешь предо мной.

Интерес к Бежецкому Верху, как прежде назывался бежецкий край, был ещё связан с тем, что Ахматова ощущала в себе «капельку новогородской крови». Её предки по материнской линии дворяне Стоговы были новгородскими боярами, а Бежецкий Верх был волостью древнего Новгорода.

В одном стихотворении («Теперь прощай, столица...») Анна Андреевна вообще называет эти бежецкие места «страна Господня». Возможно, в том тютчевском смысле: «Царь Небесный исходил, благословляя».

Слепнёвский барский дом после революции был в 1935 году по брёвнышку разобран и перевезён на центральную усадьбу колхоза в Градницы, где стал школой, в которую мы ходили. Дом полностью и сейчас стоит в первозданном виде, он стал Домом поэтов – музеем А. Ахматовой и Н. Гумилёва. А в прошлом году по инициативе Бежецкой епархии и Союза писателей России рядом с музеем построен и освящён храм в честь небесных покровителей поэтов – Анны Кашинской и Николая Чудотворца. Собирали деньги что называется всем миром, но мир нынче не очень зажиточный, поэтому собрали крайне мало. Огромное спасибо московскому промышленнику и меценату Сергею Павловичу Козубенко и его семье. По сути он профинансировал строительство храма. Зато теперь и сельчане, и приезжающие литературные паломники могут не только побывать в реальной «синей комнате» Ахматовой, но и поставить свечу в чудесной церкви...

Ахматова – общепризнанный большой поэт. Может быть, не будет преувеличением сказать – великий. Такие эпитеты приложимы к поэтам, которые, кроме высокого мастерства, запечатлели в себе эпоху, которые в огромной степени повлияли на современную литературу и саму современную им жизнь. Всё это у Анны Андреевны есть.

Есть даже пророческие моменты в её поэзии. Вот, например, отрывок из стихотворения «Июль 1914»:

Строки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат.

Эти слова она вкладывает в уста бежецкого «одноногого прохожего». В них пророчества и о грядущей мировой войне, и о надвигающейся на Россию катастрофе, и о том, что всё-таки Россия будет спасена – и спасена будет самой Богородицей. Так и получилось. В день, когда царя Николая по сути заставили отречься от престола, в этот же день (15 марта 1917 года по новому стилю) в Москве в Коломенском явилась икона Божией Матери «Державная». Верующие люди восприняли это как знак того, что ушёл царь, но сама Богородица возглавила страну, защитит и спасёт её своим покровом. Написано это стихотворение, кстати, 20 июня 1914 года тоже в Слепнёве.

Да, не удалось тогда врагам России «разделись» нашу страну. Это так. Но одно разделение случилось намного позже. И теперь эти «партнёры» стремятся его продолжить. Хочется верить, что это у них не получится, что покров Богородицы не позволит. Хотя пророческие материи сложны, не всё прямолинейно и однозначно. Но на тот момент войны и революции Ахматовой открылось нечто такое, что оправдалось.

...Говорят, как человек прожил жизнь свою, такая у него и старость. У Ахматовой она была царственной. Поэт Евгений Винокуров вспоминал:«Анна Андреевна сидела в шали, в старом халате, ещё красивая, грузная, величественная. Седая, как «императрица в изгнании». Говорила она медленно, с расстановкой. Она придавала очень большое значение каждому своему слову, каждой своей надписи на книге». В конце жизни к ней пришла мировая слава. Правда, Анна Андреевна уже к этому времени была тяжело больна, перенесла четыре инфаркта. Но она нашла в себе силы и поехала в Италию, где ей вручили литературную премию «Этна-Таормина». На следующий год Оксфордский университет в Англии присвоил Ахматовой степень почётного доктора. «Я счастлива, – говорила она, – что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Андрей НОСКОВ

ЮРИЙ РЫТХЭУ

Юрий Сергеевич Рытхэу стал первым профессиональным писателем Чукотки, основоположником литературы Крайнего Севера, которой до него не существовало.

Именно он проложил дорогу для всех последующих поколений литераторов этого сурового заснеженного края и одновременно через своё творчество открыл свою родину для всего остального мира.

Как сказал ещё один выдающийся представитель этого северного народа – председатель Чукотского окрисполкома с 1961 по 1970 гг. Анна Дмитриевна Нутэтэгрынэ, – «как Колумб открыл Америку, так Рытхэу открыл Чукотку для остального мира».

А известный канадский писатель-североведа Фарли Моуэт, с которым Рытхэу был очень дружен, так охарактеризовал творчество своего чукотского собрата по перу:

«Рытхэу показал нам Север, вывернув медвежью шкуру наизнанку».

Самое интересное, что начинал Рытхэу не как прозаик, а как поэт, написав в юные студенческие годы, когда он был студентом Ленинградского института народов Севера им. Герцена, несколько стихотворений и уже тогда заявив о себе как талантливый литератор.

Однако вскоре он перешёл на прозу, которая и вывела его на большую литературную дорогу и по которой мы и знаем его как выдающегося северного писателя.

И всё же поэтическое начало оставалось и в его прозе. Она вся пронизана поэтическим восприятием писателем окружающего его мира. Она вся поэтична, образна, метафорична.

Читая прозу Рытхэу, получаешь огромное эстетическое наслаждение, как если бы ты читал стихи.

Быть может, такое ощущение возникает потому, что вся генетическая, корневая система его уходит глубоко в недра прибрежной земли.

Ведь все его предки в течение тысячелетий жили на берегу Северного Ледовитого океана, были морскими охотниками, и сам он родился в Уэлене – древнем селении морзверобоев, и ритм дыхания океана неразрывно связан с биологическим циклом живущих здесь людей.

Отсюда и гармония в построении архитектоники произведений писателя.

Этот шум, ритм океана был в токе его крови, в биенье его сердца.

Родная Чукотка питала его живительными литературными соками всю его долгую жизнь.

Всё его творчество без остатка посвящено этой удивительной земле. В каждой строчке его произведений ощущается неизбывная сыновняя любовь к Чукотке, нежность и грусть переживаний за неё саму, за её людей – земляков писателя.

Безусловно, мировая литература (и в первую очередь русская классическая литература), которую он глубоко и скрупулёзно

изучал, оказала на его становление как личности и как писателя революционное влияние.

Без этого процесса не состоится ни один писатель.

Шло взаимопроникновение и взаимообогащение различных культур, когда Рытхэу переводил на чукотский язык Пушкина, Толстого, Горького, Сёмушкина.

Его проза богата вековой мудростью народа, к которому он принадлежал, его верованиями, традициями, укладом жизни.

Рытхэу в своём творчестве выявил её глубокое философское и высоконравственное начало, показав остальному человечеству огромный духовный мир народностей Крайнего Севера, населяющих приарктическое побережье, и одновременно их хрупкость, беззащитность и ранимость, соотносимую с хрупкостью, ранимостью и беззащитностью самой северной природы в её столкновениях с современной технократической цивилизацией.

В какую бы политическую эпоху ни творил Рытхэу, – будь то советский строй, или нынешнее, малопонятное время, он всегда оставался верен одной идее – служению своей родине, далёкой Чукотке, и главными героями его романов и повестей оставались те, кто и олицетворял во все времена этот выстуженный и промёрзлый край, – простые оленеводы, морские охотники, – соль земли, её суть, её начало.

Трудно определить, какое произведение Рытхэу является главным, основополагающим в его творчестве.

Все они равноценны, – и «Сон в начале тумана», и «Когда киты уходят», и «Время таянья снегов», и «Самые красивые корабли», и другие произведения писателя.

И в каждом произведении Рытхэу отстаивал достоинство и самодостаточность своего народа, защищал его право на ту жизнь, какой чукчи и эскимосы жили в течение тысячелетий.

Явно или завуалировано он протестовал против различных социальных экспериментов, навязываемых малым народностям Севера извне, но которыми впрочем, подвергались и все остальные народы бывшего СССР, в том числе и русского, – взять, хотя бы, насильственную коллективизацию, насильное переселение целых народов с их исконных мест проживания, объявление деревень неперспективными, а потому отправленных «под нож», искусственное объединение различных народностей, которые всегда до этого жили порознь, борьба с религией, и т.д., и т.п.

Все народы, проживавшие на территории бывшей советской империи, испытали одинаковые лишения, одни беды, одной из которых явилось пьянство, – самое типичное социальное зло, которому оказались подвержены в той же степени и русские, и чукчи, и эскимосы.

Подобно хирургу, только используя не скальпель, а обличительное перо писателя, вскрывая болезни общества, Рытхэу делает своё творчество публицистичным, ибо берёт он за основу те явления жизни, которые вопиют о необходимости избавления общества от его тяжёлых болезней.

Одним из таких произведений и стал его рассказ «Проводы русской зимы», основанный, как и все остальные произведения автора, на реальных событиях.

Это, скорее, даже не рассказ, а путевой очерк журналиста, в котором он обнажает главную, пожалуй, проблему для северных народностей, более всех (в силу своих физиологических особенностей) подверженных разрушительному и смертоносному воздействию алкоголя, и которая весьма актуальна и поныне, так как Чукотка, как это ни прискорбно признавать и о чём говорится на всех уровнях, занимает первое место в России по потреблению алкогольной продукции на душу населения (34 литра в год, считая глубоких стариков и новорожденных младенцев), отчего случаются разные беды.

Это самое настоящее социальное зло, с которым пока не найдены действенные меры борьбы.

Как и любой другой писатель, Рытхэу не даёт каких-то готовых рецептов, как нужно искоренить это зло.

Посредством своего писательского таланта он через картину бытописания, едва ли не фотографически, лишь обнажает суть проблемы, выворачивает её и показывает нам, чтобы мы в очередной раз посмотрели на себя со стороны и задумались над тем, а что же дальше? А куда же мы в конечном итоге придём, если всё будет продолжаться по-прежнему, – завоз в национальные сёла спиртного в немереных количествах, его продажа всем и вся и деланье денег на алкогольной беде.

Писатель, как глашатай общества, ставит проблему. Вопрос в другом – услышит ли его общество и что оно предпримет для решения этой проблемы, которая всё настойчивее заявляет о себе?

Все знают Юрия Рытхэу как писателя, прозаика, романиста, но сегодня мало кто помнит, что свою литературную биографию Юрия Сергеевич начинал как поэт.

Первые стихи молодого поэта были опубликованы в 1951 году в сборнике «Родное слово».

Затем он пишет ряд рассказов, которые печатались в центральных журналах «Огонёк», «Новый мир», «Сибирские огни».

В 1954 году вышла первая книга писателя – «Люди нашего берега» – сборник рассказов.

Проза всё же пересилила, но кто знает, не случись этого, быть может, сегодня мы бы знали Рытхэу как классика чукотской поэзии?

Первые стихи Юрия Рытхэу.

1954 ГОД.

ОСЕНЬ

Осень. С северной сторонки
Беспрерывно ветер дышит.
Шторм волну в лагуну гонит,
Поднимает воду выше.

Горы в снег вершины прячут.
Утро солнце греет хуже.
Ярко новым льдом сверкают
Застывающие лужи.

Лето кончилось. Не слышно
Птичьих криков под скалою.
Только гнёзда с пухом старым
Ждут, когда их снег укроет.

Море пенится, взвывает,
Бок скалы волною шустрой
Лижет; на берег бросает
Кипы лент морской капусты.

Скоро вся земля камлейку
Шёлка белого натянет,
И поверхность снега хитро
Зверь следами испетляет.

РЕЧКА

По глубокому ущелью
Речка гонит пену,
Бьётся, бурная, о скалы,
Моет камня стену.

Холодна вода, прозрачна,
Будто лёд хрустальный,
Словно зимний пар студёный, –
Так вода чиста в ней!

Только выйдет на равнину,
Сразу спрячет пену,
Разровняет волн морщины
И пойдёт степенно.

Вверх из моря в речку эту
Рыбки заплывают.
Птицы, разные по цвету,
На волнах ныряют.

Наконец большого моря
Речка достигает –
И, вливаясь в шум прибоя,
Вовсе исчезает.

Перевод с чукотского
Н. Гиутегина, Ф. Чураенко

ВЕСНА

Солнце щедрее тепло разливает,
Нехотя снег из низин отступает.
В радужном блеске сосульки весны
С крыш протянулись до мёрзлой земли.

Уток табун через отмель промчался.
Морж из пролива весне отозвался.
Люди колхоза у мягкого льда
К выходу в море готовят суда.

Первой весне своей рады, телята
Мчат по проталинам тундры, резвятся.
Прямо из снега цветочки встают.
Оленеводы в улыбках цветут.

Рады теплу и шумливые дети,
В дом не войдут до вечерней зари –
Старшим в делах помогают они.
Солнце земле до полуночи светит.

Неизвестный рассказ Юрия Рытхэу

БАНЯ

Баня – нымытран. Это одно из первых русских слов, услышанных мной. Те немногие мои земляки, которым довелось пройти испытания в этом моечном заведении, чаще всего повествовали о таком обилии горячей воды, в котором можно было заварить несметное количество чёрного кирпичного чая и несколько дней поить всё население нашего Уэлена, и ещё осталось бы для соседнего Инчоуна и эскимосского селения Наукан.

И ещё – жара. Невыносимая, удушающая, от которой, однако, невозможно убежать, пока не выскоблишь себя дочиста.

Первая баня в Уэлене была на полярной станции, и туда ходили только тангитане(1) – сами работники полярной станции и учителя. Баню топил Рыппэль, наш земляк. Он и первым из наших посетил это заведение. Его рассказ о горячем мытье слушали с величайшим интересом. По его словам выходило, что баня, кроме физических страданий, ничего хорошего не сулит луоравэтлану(2). Особенно парная, небольшая комнатка, куда подавался такой горячий и обжигающий пар, что в нём запросто можно свариться. Тангитане мало того, что с наслаждением парились и выражали удовольствие сладострастными стонами, ещё вдобавок хлестали себя вениками, связанными из полярной стелющейся берёзы, которая в изобилии росла в тундре за лагуной.

Кожа у тангитанов краснела так, что ещё немного, и из пор начнёт сочиться горячая кровь.

Нахлеставшись и надышавшись горячим паром, тангитане

выбегали на волю и с криком бросались в студёные воды уэленской лагуны. Баня как раз и была поставлена у самой кромки берега для этой мучительной процедуры.

Моя первая баня была в пионерском лагере чукотской культбазы, на берегу залива Святого Лаврентия.

Мы вошли в полутёмную переднюю комнату, где вопреки моему ожиданию было довольно прохладно и пахло тёплой сыростью мокрого дерева. И всё же моё сердце стучало сильно и громко. Я старался не показать виду, что побаиваюсь, всячески храбрился, стараясь унять неожиданно возникшую дрожь.

– Ну что – замёрз! – весело спросил встретивший нас пионервожатый. – Сейчас будет жарко!

И тут я заметил в одном из углов подвешенные веники из полярной берёзы с пожухлыми листьями, вспомнил рассказ моего земляка Рыппэля о его банном приключении на полярной станции.

Мне захотелось заплакать и убежать. Пришлось напрячь всю свою волю: конечно, предстояли великие испытания и, возможно, даже страдания. Но ведь не смертельные. Насколько я помнил, вымывшиеся в уэленской бане полярной станции выходили оттуда весёлые, раскрасневшиеся. Но это тангитане...

С тяжёлым скрипом открылась толстая деревянная дверь, и на нас хлынул тёплый, сырой воздух.

Мы вошли в большую комнату с длинными скамьями, на которых блестели металлические тазики. Возле каждого тазика лежал кусок коричневого мыла и мочалка из жёлтой рогожи.

Пионервожатый подробно объяснил, как нужно намыливать мочалку, сказал, что первым делом надо вымыть голову, стараясь при этом, чтобы мыло не попало в глаза и в рот.

Я старался скрупулёзно следовать указаниям знающего человека. Оказалось, что мытьё совсем не страшно и даже приятно. И всё же кто-то закричал, видно мыло всё же попало ему в глаза. Но наш пионервожатый промыл ему глаза свежей холодной водой и ещё раз наказал быть осторожнее с пеной.

Я несколько раз намылился, тщательно обмыл всё тело. С помощью товарища, сына нашего уэленского пекаря Пети, вымыл спину. Я с удивлением чувствовал, что мне становится легче, словно вместе с грязью с меня сходит что-то весомое, тяжёлое.

И вдруг пионервожатый сказал:

– Если кто хочет – может попариться.

«Вот оно! – подумал я. Наступает настоящее испытание!»

Пионервожатый распахнул почти незаметную дверь, и нас обожгло хлынувшим из глубины тёмной комнаты горячим паром. Мы невольно отпрянули назад, но наш храбрый вожатый отважно ринулся в горячий пар, размахивая берёзовым веником. Он исчез, и я был всерьёз обеспокоен его жизнью. Никто из моих друзей не осмелился последовать его подвигу, и мы оставались в тревожном ожидании, пока он не появился, к нашему облегчению, живой и невредимый, но красный, с выпученными глазами и тяжёлым дыханием.

Первая баня подарила мне необыкновенное ощущение неожиданно обретённой лёгкости, и я с наслаждением понял, какое это блаженство иметь чистую, хорошо

промытую кожу. До пионерской бани я лишь изредка протирал лицо и руки свежей мочой перед тем, как идти в школу, а когда наступали каникулы, я с лёгким сердцем отказывался и от этой гигиенической процедуры.

Но первая баня запомнилась навсегда, и с тех пор, когда предоставлялась возможность, я никогда не пропускал случая, чтобы помыться в бане. В Уэлене, когда я перешёл жить в интернат в последние годы школьной жизни, вместо бани мы жарко натапливали одну из комнат, на плите натаивали из снега воду и таким образом мылись. Конечно, это была не настоящая баня.

В педагогическом училище мы ходили в анадырскую поселковую баню, построенную, по преданию, ещё русскими казаками. Хотя она и частенько топилась, но так быстро остывала, что образовавшийся на полу лёд не успевал оттаивать, и, чтобы не обморозить ноги, мы мылись в резиновых калошах.

Потом, уже в советские времена, в Анадыре построили роскошную баню с разными отделениями, хотя вода там была болотно-тундровая, коричневая, мыться и париться в этой бане было одно удовольствие.

И ещё одна примечательная баня была в моей жизни – в бухте Провидения. Тамошняя портовая электростанция для охлаждения своих агрегатов закачивала воду из бухты и тут же, уже горячую, выпускала обратно. Так продолжалось несколько лет, пока один из умельцев-энергетиков не догадался с пользой для себя и своих товарищей устроить в одном из ангаров бассейн с сауной.

Когда я зимовал в бухте Провидения, с наслаждением и поутру, пряча лицо от студёного ветра, дующего с покрытого толстым льдом Берингова моря, бежал на электростанцию. В этот ранний час у бассейна находились только мужчины, в чём мать родила. Я торопливо сбрасывал с себя одежды и окунался в почти горячую, морскую солёную воду. Потом шёл в сауну и впитывал в себя обжигающий сухой пар.

Одна из дверей вела во двор, где находился деревянный настил. Несколько минут я стоял на этом настиле, пока полностью не покрывался белым инеем. Потом в таком виде – обратно в горячую воду бассейна.

Больше я такой бани нигде не видел.

Ходил в турецкие и немецкие бани. На Аляске, в Фэрбенксе, местный предприниматель финского происхождения Нило Коппонен «угощал» меня настоящей финской сауной, я сидел рядом с разгорячёнными аляскинскими девушками, совершено голыми, что, конечно, поначалу непривычно, но потом перестаёшь обращать на это внимание, тем более в детстве в меховом пологе я насмотрелся голых женских тел.

И всё же первая баня в бухте Святого Лаврентия, на первой чукотской культбазе, сохранилась в моей памяти на всю жизнь!

---

(1)Тангитаны, тангитане, таньги (чукот.) – буквально «чужие», так чукчи называли всех остальных людей.

(2)Луоравэтланы (чукот.) – так чукчи называли себя, буквально «настоящие, истинные люди».

«СТОЯТЬ ПО ГОРЛО В РОССИИ...»

БЕСЕДА М. ТАРКОВСКОГО С С. АРУТЮНОВЫМ

В 2019 году лауреатами Патриаршей литературной премии стали трое писателей – Михаил Тарковский, Дмитрий Володихин и Александр Стрижёв.

О себе, о своих ощущениях после получения премии Михаил Тарковский рассказывает Сергею Арутюнову.

– Михаил Александрович, каждому человеку нужна правда о себе и мире, и каждый доискивается её по-своему – кому-то и в столицах неплохо, а кто-то едет из них прочь. Что потянуло вас некогда из Москвы, страх потерять себя или желание – найти?

– Желание найти, конечно же. Но это потом выяснилось, а сначала было желание быть с тем, что любишь, пусть и за глаза. Заочная любовь к Сибири, которая несказанно усилилась после первой школьной вылазки на Енисей, когда работал в противочумной экспедиции в Туве (Монгун-Тайгинский район). Школьником много читал Федосеева, Астафьева, Бианки. Стоял на весеннем разъезде, и когда мимо проносился поезд, сосало под ложечкой от слов «Москва-Благовещенск». Физическая карта СССР висела над кроватью, и я часами по ней «лазил». Да и лазаю до сих пор. С азартом узнавал новое место и сравнивал его с образом, представленным по карте. Коричневые высокогорья представлялись и в жизни чем-то буро-голым, рыжим, картинным. Сибирь же оказалась намного зеленей, буйней, лесистей.

– Если нашли вы в Сибири свою правду, что такого узнали о себе, людях, природе из того, что, проживая в больших городах, точно пропустили бы, не заметили?

– Наверное, главная правда – стать сибиряком, а потом взглянуть его глазами на всю Россию. Живя когда-то в Москве, я невольно напитывался гордыней, что здесь – самый эталон, а всё остальное – дикое место, где живёт невнятно кто. Так примерно европейцы на Москву смотрят. Никогда не забуду слова учёного одного, приехавшего на совещание в сибирский городок. Он восхищённо воскликнул, мол, думали-то, в запендрю́ едем, «а здесь иномарки». Ино. Марки. Так и сказал (провинциальнейше)! Ой, Господи... Для меня важнейшим перерождением было – проститься с этой гордыней.

В Сибири и на Дальнем Востоке много больших городов, которые по значимости и столичности превосходят их «аналоги» из западной России. Например, Владивосток, в котором 600 тысяч населения, даст фору любому «миллионнику» по образу и по энергии. Чтобы чувствовать Сибирь, неважно, где жить – в большом городе или на Анабарском плато.

Когда оказался в таёжной глубине, люди открылись простые, каждый со своей заповедной правдой, с языком несусветным, с судьбой и тяжелейшей, и сказочной, и каждый добавлял строку в образ Батюшки-Анисея, камешек в его берег. Было, конечно, и восхищение природой, но на первое место встали люди, образ трудовой промысловой Сибири, к которому приобщиться за счастье почёл.

– Каков сегодня русский человек, сохранился ли его вид не только генетически, но нравственно, ментально, или только что, в XX веке, нами пережита сокрушительная катастрофа, после которой не известно, будем ли вообще, и как именно?

– Каков русский человек сегодня, это спустя годы проя́снится. Что мы можем сейчас сказать? Только одно: что он разный – от сокровеннейших патриотов и подвижников до обуянных рыночностью, измочаленных выживанием и забывших, как быть верными. Каких больше? Вроде бы вторых. Но это только с виду – а копни заварухой, и всё наносное сдует, и своё древнее, кровное восстанет. Так что задача наших недругов – всё сделать по-тихой, чтоб мы и не заметили, как нерусями стали.

– Природа – источник вдохновения, говорите вы, не соглашаясь с темой одного европейского собрания, объявившего её последним утешением секуляризованного человека. Тютчев говорил про неё – «сфинкс», тургеневский Базаров – «мастерская», советские позитивисты вообще сочли её сырьём, лишённым какого бы то ни было духа, которое следует выбирать себе на благо, пока оно не исчезнет. Что, помимо источника вдохновения, природа – для вас?

– Природа – это могучий образ красоты. Один из её ликов – горная тайга. У меня, помню, от само́го этого словосочетания мураши побежали. Потом и степь полюбил, и даже кусты-тальники... Для меня природа, пожалуй, в двух ипостасях, промысловая, где ты как хозяин в стайке, где всё в традиции, в труде, в знании, и монастырская, когда ты, как монах в келье – на ладони у Бога. Где озарённая одиночеством душа и себя, и мир познаёт.

Ну, а источник вдохновения природа – неоспоримо. И восхищения. И поддержки. Хотя при этом природа без человека – во всех смыслах пустое место. Да и на земном шаре бесчисленное количество красивых побережий, гор и рек. И что дальше?

– В Красноярске сопки заглядывают прямо в город, словно наблюдают, как люди живут. Рано желтеют, покрываются снегами, поздней весной едва зеленеют... и всё повторяется, повторяется – бесконечно... Должно ли, хорошо ли каждому из нас каждый день приникать взглядом к деревьям, травам, облакам, чтобы выверять себя по самой древней из шкал? Что делать – горожанину, объятому со всех сторон жалкой рукотворной средой? Где его родина, в чём она?

– Точно сказали о Красноярске! Действительно, отрог Восточного Саяна прямо в глаза смотрит, о дальних хребтах говорит, о перевале Федосеева. Но многие мои друзья живут в Москве, и там силятся отстоять рубежи нашего с вами Русского мира, и на фоне этого моё бытование в Енисейской вселенной выглядит, как детский сад и роскошь. А те, кто в Донбассе и Луганске? А писатели, которые туда ездят? Пока я тут по Байкалам шарюся...

Вообще тысячи людей любят город – особенно женщины, для них это – спасительное, защитное. Однажды в поезде встретил женщину, переехавшую из Архангельской области в Москву. С каким восхищением она говорила о большом городе! Почти так же, как я о горной тайге. Женщины город обожают, и часто это не стремление к театрам, а просто нелюбовь и даже ненависть к сельскому быту. Мужской пол более тяготится городской пробочной круговертью, и многие стремятся на природу, но, напитавшись ею за отпуск, возвращаются в город. Кто совсем не может – уезжает. Дмитрий Володихин, мой собрат по Патриаршей награде, всю жизнь живёт в Москве «меж библиотекой и храмом» и ощущает себя вполне на месте. Так что дело не в точке проживания, а в твоём внутреннем наполнении. А представьте: вся Москва решит поехать в тайгу. Что от неё останется?

Меня тоже всегда тяготило городское сожительство – вроде толпы, а будто ничем не объединены, никто не отвечает за город, хотел – плюнул на мостовую – будто она ничья. У себя дома-то не плюёт. Значит, не дом? А ведь раньше не так было.

Восхитительно приникнуть к стволу лиственни, испить из горного ключа или смотреть на облака, ползущие по склону, поросшему стройным кедрачом. Это свято, это не обсуждается... Это Божья прибавка ко всему прекрасному, что есть в жизни. Писатели-сибиряки тончайше чувствуют эту особую святость тайги для художника. Это так здорово. Но Родина – это и Волга, и Елец, и Орёл, и Севастополь, откуда я только что прилетел. Поэтому любви к Сибири и Дальнему Востоку я никогда не противопоставлю любовь к остальной России. Хотя и сотни раз ловил себя на таких попытках. И ставил на место.

– Естественно ли для вас поэтическое состояние, когда любое впечатление необоримо облекается в форму первой, второй, третьей строки? Когда вы наедине с охотничьим промыслом, ловец ли вы – слов? И что составляет для вас более желанный результат такой внутренней охоты – сложившийся мгновенно сюжет, поворот его или уже готовая строка, почти не нуждающаяся в дальнейшей обработке?

– Такое поэтическое состояние – это вдохновение. Я его испытывал по юности, когда предвкушение вечера, золотой свет керосиновой лампы и треск дровишек в печи вызывали столь небывалой подъём, что само исполнение стихотворения оказывалось второстепенным. Бывало

поутру на него и смотреть-то тошно было. Давным-давно ничего подобного не переживал. Просто тружусь. Хотя, бывает, засвербит нечто знакомое в подступе к новой книге, когда брезжит нечто, что Пушкин звал замыслом, над которым обольёшься слезами. Ещё не знаешь... Не придумал, а душу сводит. Как перед дорогой. Или охотой.

Я давно перешёл на внутреннюю охоту, потому что промысел в тайге – отдельное серьёзнейшее дело, которое не совместишь с многомесячным сиденьем за столом. Был я ловцом слов на промысле, но это были стихотворные слова. Когда началась подготовка к добыче прозы, писал на охоте поэтические дневники, потому что нельзя там без слова, память заест: внутреннее душевное варево сильнейшее, когда один в тайге. Потом понял, что в тайге не напишешь прозы – в избушке будто нет стен – настолько пронзён ты лучами тайги. Да и просто: собаки залаяли, а ты не пойдёшь? Нет. Всему своё место. Так что кулёмки на повести ставлю прямо в избе.

Добытая с налёту строка или образ-задумка повести – это всегда как самородок. Те не лотком мыть, суставы знобить... Но чаще всё-таки лотком.

– Доверяете ли вы внутренне тем, кто чрезвычайно обилен в словах, каждый год способен и на роман, и на сборник стихотворений, или такие скорые на письмо люди чего-то не понимают в письме, слишком спешат к нему, забывая свериться с барометром совести, смысла?

– Про поэтов не скажу – может, тут и возможен обильный родник. А вот строчителям прозы не верю. Совершенную по языку книгу технически невозможно написать быстро. Не говоря об остальном наполнении. В произведении надо находиться, ведь именно за выслугу месяцев сочинитель награждается естественным поведением героев, выверенными пропорциями смыслов. Удивляет другое: как им не тошно писать без отклика строк? Ведь крайне сложно найти интонацию новой вещи, почувствовать этот магнитный отзыв породы, без которого не двинешься с места. На это, бывает, недели нужны. Когда поймёшь, что пошёл, наконец, захват руды. Туго откликнулась страница. И настало счастье, которому каждый раз радуешься, как незаслуженному. Ещё не верю, когда сразу «роман» публикуют, не выступив с рассказами. Так не бывает. Не верю, когда выпустят модную книгу, а потом ежегодно догасают в обязательном уже конвейере. У истинного художника только рост. Так что это ещё один тест на вшивость.

– Если бы вас попросили самому писать аннотацию к «Полёту совы» или «Тойоте Кресте», какими словами вы бы их описали? «Михаил Тарковский» – кто он для людей, что, если в двух словах, говорит? По преимуществу, он никак не безучастный наблюдатель, но – кручинится или обнадёживает, стыдит или благовестит?

– Кручинится и обнадёживает. «Полёт совы»: повесть о том, как пронзённый болью об Отечестве молодой учитель, ломая дрова, обретает истину. «Тойота-креста»: поэма о русской душе на кресте меж двух Океанов, где накрест – Транссиб с Енисеем.

– Ещё двадцать пять, по меньшей мере, лет писательской работы ожидают вас. Хорошо бы и сорок, но – что приходит вам на ум после получения Патриаршей литературной премии, высшего признания ваших трудов Русской Православной Церковью? Какие планы вспыхнули в вас после того, как вы сошли со сцены Зала церковных соборов? Или на душе всё ещё неспокойно, слишком радостно для разметки дальнейшего бытия?

– Тут как Господь Бог отмерит... Беспокойства и беззаботной радости нет, конечно. Есть гораздо большее – ощущение, что Бог существует. И благодарность. А планы не вспыхнули – усилились, утвердились, что ли. И на душе как-то... увесисто. А вообще неправильно, если премию получил, то на тебе – творческое открытие, рывок. А если б не дали?

– С каким бы напутствием вы бы обратились к молодому поколению словесников? Выстроенные для них сборно-отборочные пункты на пути в «Большую Литературу» – образца левацкого; распорядители литературного процесса ищут в них коммерческой наглости, «берущей города», прививают им отзывчивость к мерзости. Единицы понимают, что их ведут в тупик. С чего им начать искать себя в слове?

– Начать с того, что забыть всю современную литературу, в том числе мою и моих товарищей (простят для дела). И с такой безоглядностью погрузиться в русское многовековое наследие, чтобы церковнославянский шрифт ночами снился, а сердце стучало в ритме «Слова о полку Игореве». Чтобы Пушкин под подушкой лежал и затекал в расслабленную душу, чтоб она, освобождённая от дневного гнёта, втягивала свободно его завет, чтобы слух отточился до звона, и коробило от малейшей дурновкусинки, чтоб чтиво из «Читай-города» вмиг стало водянистым, одинаковым, бессильно лепечущем на языке суетного мира сего.

Никогда не писать на языке мира сего – только на языке Гоголя, Толстого, Бунина, Шмелёва, Астафьева, Шипова (ибо он там). Хотел сказать – Достоевского, но он столь непостижим, что его интонацию невозможно воспроизвести естественно. Сместить норму-эталон в девятнадцатый век. Использовать всю красоту и насыщенность русского языка. Ощутить жизнь и историю каждого слова. Стоять по горло в России. Найти в окружающей жизни зверино родной угол и силой любви воспеть и его, и своё же восхищение, а потом... и жизни не пройдёт, как логово это разрастётся до России от Океана до Океана.

Я споткнулся о прорву начал модных книг – у них у всех рыночная пошлинка. И она выдаёт! Помните «Портрет» Гоголя: попадание в моду

опасно, поэтому ценится, наоборот, самостоятельность, полное спокойствие победителя. Можно долго полемизировать о ветвях современной литературы, составлять перечни признаков русскости, искать аргументы, объяснять, чем корневая и центровая русская литература отличается от рыночной и русскоязычной, и слышать контраргументы. Но есть в русской литературе один довод, аргумент и приговор, безотказный и безоткатный: благородство интонации. Всё.

Напутствие... Знаете, когда я проводил урок русской литературы в школе моего любимого города Бодайбо на реке Витим, парнишка спросил под звонок: «Что бы Вы хотели сказать нам в напутствие?» От этих слов я испытал честное замешательство, ведь сказать надо было что-то очень важное. И так, чтобы детишкам нудно не стало от правильности и известности слов. Но я всё равно начал говорить, что думаю... О том, чтоб дети увидели в окружающем с детства мире прекрасное, что если и затянет их ветер смены места, то чтоб так же и вернул. И главное, говорю: «Любите эту (ищу слово)... прекрасную, (ищу слово)... многострадальную...» Ищу очень важное слово и... мешкаю... мешкаю... и учительница идёт на помощь: «И непобедимую!»...» и непобедимую землю!»

Так вот в школе номер один города Бодайбо мы вместе нашли слова, которые я и теперь говорю, когда просят наставить: любите Россию, нашу Родину – самую прекрасную, многострадальную и непобедимую. Аминь.

***Тарковский Михаил Александрович**, русский поэт, писатель, член СП России, член Союза кинематографистов РФ. Родился в 1958 г. в Москве. Закончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта. Живёт в селе Бахта Туруханского района Красноярского края и Красноярске.*

Автор стихов, рассказов, повестей, очерков, печатавшихся во многих литературных журналах. Лауреат премий журналов «Наш современник», «Роман-газета», «Новая юность», а также литературных премий, в частности, премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», первого редактора Литературной газеты Антона Дельвига, международной премии «Югра» в номинации «Проза» «За настоящую сибирскую прозу» и премии В.М. Шукшина. Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста», «Избранное», «Вековечно», «Сказка о Коте и Саше», «Полёт совы», «Что скажет Солнышко?», «Не в своей шкуре», «Промысловые были», «Поход».

Главный редактор альманаха «Енисей».

Станислав МИНАКОВ

ВЯЧЕСЛАВ ОВЧИННИКОВ. НЕБЕСНОЕ ЗВУЧАНИЕ РОССИИ

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОГО РУССКОГО КОМПОЗИТОРА

4 февраля на 83-м году жизни в Москве скончался композитор и дирижер народный артист РСФСР Вячеслав Александрович Овчинников.

Кто-то сравнивал облик этого уроженца Воронежа с бетховенским. А. Хачатурян и Д. Шостакович считали В. Овчинникова самым ярким представителем своего поколения. Шостакович в одном из ранних писем к Вячеславу Александровичу пророчески предсказал ему великое будущее.

О феерическом музыкальном старте Овчинникова в ранней молодости скажем ниже. А начнем с того, что музыкант известен во многих странах; прежде всего, конечно, благодаря музыке кино. Чего стоит лишь перечисление имен режиссеров и названий картин, в которых одним из главнейших героев стала потрясающая музыка Вячеслава Овчинникова! «Каток и скрипка» (1958), «Иваново детство» (1962) и «Андрей Рублев» (1966) Андрея Тарковского; «Долгая счастливая жизнь» (1966) Геннадия Шпаликова; «Мальчик и голубь» (1961), «Первый учитель» (1965) и «Дворянское гнездо» (1969) Андрея Кончаловского; «Война и мир» (1962–1967), «Они сражались за Родину» (1975), «Степь» (1977), «Борис Годунов» (1986) Сергея Бондарчука; «Это сладкое слово свобода» (1972) и «Авария» (1974) Витаутаса Жалакявичюса; «Пришел солдат с фронта» (1971) Николая Губенко. Его музыка сопровождает около сорока кинолент, и все записи музыки к ним мастер осуществлял сам.

Уверяют, что в 1962–1966 гг. Овчинников прямо-таки жил на «Мосфильме», в газете «Советская культура» даже вышла статья под названием «Пять лет добровольного заключения на «Мосфильме»». Многие фильмы с музыкой Овчинникова отмечены наградами на международных конкурсах и фестивалях («Оскар» в США, «Золотой лев» в Венеции и др.). В 1967 г. Английское общество международных премий присудило В. Овчинникову Большую золотую медаль за музыку в кино.

Беспрецедентно также музыкальное озвучивание композитором немых фильмов «Земля», «Арсенал» и «Звенигора» Александра Довженко в 1971–1973 гг. Цитируем племянницу Овчинникова, писателя Елену Черникову (Москва): «Черно-белые шедевры немого кино Довженко словно заговорили – и все это благодаря музыке, виртуозно вошедшей буквально в каждый кадр, во все планы. Музыка Овчинникова (созданная им по предложению Ю. И. Солнцевой, вдовы режиссера) стала полноправным героем первого ряда... Таких экспериментов история киноискусства не знает. С. Бондарчук как-то сказал: «Овчинников дал вторую жизнь фильмам Довженко. Его музыка стоит на уровне самих фильмов». Именно эту музыку Овчинников считал самой сильной своей работой в кино».

Овчинниковым создано множество произведений в разных жанрах. Это – оперы «Маскарад» и «На заре туманной юности», балеты «Суламифь», «Война и мир» и «Песнь Песней», а также четыре симфонии, несколько ораторий, сюит, симфонические циклы и одночастные симфонические пьесы, камерно-инструментальные и концертные, хоровые и вокальные произведения, в том числе романсы на стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Кольцова, А. Майкова, А. Блока. В некоторых его сочинениях мы слышим музыку в характере церковных песнопений (цитируем перечень сочинений В. Овчинникова, приведенный Аленой Пятаковой): к примеру – в нескольких фрагментах оратории «Сергий Радонежский», в «Молитве» из оперы «На заре туманной юности» и в «Молитве» из альбома фортепианных пьес для детей, юношества и взрослых «Шаг за шагом», в эпизоде «Ave Maria» из музыки к фильму «Война и мир», в побочной партии Четвертой симфонии.

Произведения В. Овчинникова, в том числе и киномузыка, были записаны крупнейшими фирмами грамзаписи Японии, США, ФРГ. На виниловых пластинках фирмы «Мелодия» в XX в. выпускались его оркестровые сюиты, симфонии, «Элегия памяти С. В. Рахманинова», «Русский вальс», симфоническая поэма «Фестиваль», а также обширные записи мирового классического наследия в исполнении Овчинникова как дирижера.

И хотя японские критики писали: «Взошла новая звезда – Вячеслав Овчинников. Исполнение демонстрирует неукротимую жизненную мощь его таланта, которая не может оставить равнодушным слушателя. Это как взрыв энергии, ошеломляющий шквал музыки, ощущаешь величие без мелочей... Мощь, жизненность, одухотворенность – это хочется отметить особо...», согласимся с замечанием А. Кончаловского, что «мировая культура себя обкрадывает, недооценивая музыку замечательного Славы Овчинникова».

Но что нам до мировой культуры, когда и в современной России записей музыки Вячеслава Овчинникова практически не найти, а на цифровых носителях их вообще нет.

Меж тем В. Путин в президентском поздравлении в связи с 70-летием русского гения отмечал: «С Вашим творчеством и великолепным исполнительским мастерством знакомы любители музыки из разных стран мира, и всегда Вам сопутствовал заслуженный успех и признание».

Печально, что этот русский художник воистину космического дарования, несмотря на мировое кинематографическое и иное признание, остается в стороне от нашего нынешнего, извините за выражение, «культурного мейнстрима». И не-мейнстрима. Впрочем, чему тут удивляться: телевидение, как правило, серьезной музыки сегодня в основном лишено, за исключением канала «Культура». То же можно сказать о музыке Свиридова и Гаврилина: где она на телеканалах, на радио?

Свое отношение к современному состоянию отечественной культуры Овчинников, признававшийся, что не умеет играть по новым коммерческим правилам, сформулировал внятно: «К сожалению, в последнее время часто приходится сталкиваться с обычными коммерческими

играми, к которым я не могу относиться серьезно. Нам показывают ничем не выдающегося музыканта и уверяют, что он гений. Так о нем говорят репортеры, купленные люди, намеренно искажающие критерии, при помощи которых вы можете оценить истинное искусство». И еще: «Жизни музыкальной мы почти не видим, потому как она вытеснена двумя тенденциями, ничего общего с музыкой не имеющими. Одна из них – разложение музыкальной культуры посредством пропаганды и распространения продукции давно отживших, чисто умозрительных европейских школ. Через них – компрометация серьезного музицирования, а также увод слушателя в сферы оболванивающей поп-культуры как естественного заполнителя образовавшегося духовного вакуума. Вторая тенденция – построение системы образования по принципу замалчивания великой музыкальной классики или преподнесение ее в искаженном виде (например, перевод произведений классического или народного искусства в другой жанр). К сожалению, тех оазисов музыкальной культуры, которые еще существуют и борются с рынком невежества, недостаточно, и они не поддержаны властью. Хотя видимость активной культурной жизни существует».

* * *

В своих воспоминаниях о совместной работе над фильмом «Война и мир» кинорежиссер С. Бондарчук характеризовал В. Овчинникова как «необыкновенно талантливого музыканта и композитора, в котором удивительным образом сочетаются наивность и самоуверенность, житейская безалаберность и творческая дисциплина. Но над всеми делами и заботами стоит адская работоспособность и неиссякаемая жажда творить, писать, дирижировать. В этом своем желании он поистине неистов... Вячеслав Овчинников ради дела пренебрегал всем: отдыхом, встречами с друзьями, сном. Он покорил меня своей фанатичной привязанностью и любовью к искусству. Он сам дирижирует оркестром, и его требовательность была просто фантастической».

Выпускница Сибирской академии музыки им. Д. Хворостовского Алена Пятакова в дипломной работе «Симфоническое творчество Вячеслава Овчинникова», написанной в 2010 г. под руководством кандидата искусствоведения, профессора Ирины Ефимовой (Красноярск), напоминает нам, что исключительная музыкальная одаренность будущего композитора поначалу была подмечена и поддержана матерью – самой красивой женщиной, по словам ее сына (впрочем, так считали многие). С пятью классами образования, она, тем не менее, была очень образованным человеком, страстно влюбленным в искусство, и знала «литературу, музыку, родной язык так, как не все академики знают». Она первая пробудила в своих детях любовь к музыке, и не удивительно, что ее сын стал сочинять музыку в раннем детстве, которое пришлось на тяжелое военное время, проведенное в эвакуации в Николаевске-на-Амуре. Об этом времени в памяти композитора сохранились яркие воспоминания, которые приводим по устному интервью, данному композитором исследовательнице его творчества А. Пятаковой: «Я начал сочинять очень рано, когда еще нот не знал. Я сам себе ноты

придумывал. «Большой вальс» смотрели с мамой сто раз. Я и сейчас не могу без слез смотреть этот фильм: очень красиво он сделан. Мы с мамочкой сидим в пустом зале; папа воюет, а мы сидим. Я горячо уверяю ее, что стану гениальным композитором. Она верит, но не может не плакать: ведь школы закрыты, и скрипки у меня нет. Но я нашел замену: играл на дранках или скалках. В девять лет я впервые записал свою музыку, первые три произведения: «Грезы», «Маленький вальс», «Мазурку» – ту самую, которой начинается 3-я серия «Войны и мира»».

То есть с самого раннего детства Вячеслав Овчинников заявил о себе как о гениально одаренном музыканте, легко и быстро овладевшем игрой на скрипке и рояле, впервые вставшем за дирижерский пульт еще в десятилетнем возрасте – музыканте с врожденным, «необыкновенным слухом и памятью». Недаром о его уникальных способностях в консерватории ходили легенды.

Становлению Овчинникова как личности и как композитора, подчеркивают музыковеды, немало способствовало тесное общение со многими выдающимися деятелями русской культуры. Среди них – дирижеры А. Гаук и А. Жюрайтис, священник В. Шпиллер (отец дирижера И. Шпиллера), режиссер С. Бондарчук, профессор Московской консерватории С. Богатырев и композитор Т. Хренников; семьи академика Н. Зелинского и художника И. Глазунова, семьи Михалковых и Кончаловских, с которыми у Вячеслава Александровича сложились близкие, почти родственные отношения (Наталью Петровну Кончаловскую он называл своей «второй мамой» и подолгу жил у Михалковых).

Композитор признавался, что от увлечений додекафонией, авангардом его отвел художник Илья Глазунов, с которым они вместе совершали поездки в Ленинград и Троице-Сергиеву лавру. По свидетельству Глазунова, Овчинников говорил: «Я всегда буду благодарен тебе и Нине, что вы вырвали меня из объятий сатаны».

Важно сказать, что вместе с Глазуновым и другими выдающимися деятелями науки и культуры Овчинников включился в битву за сохранение подлинного исторического облика Москвы и за восстановление храма Христа Спасителя. Об этом читаем в одном из интервью композитора: «В ту пору, когда я уже был членом совета при ГлавАПУ, вместе с режиссером Юрием Белянкиным приступил к работе над юбилейным фильмом о писателе Леониде Леонове, к которому я писал музыку. И когда она была написана, а Георгий Свиридов восторженно отозвался о ней, мне открылись дополнительные возможности заглядывать в спецхран Гостелерадио. И однажды, работая там, набрел на кадры, зафиксировавшие процесс разрушения храма Христа Спасителя. В частности, было видно, как Каганович держал ручку рубильника взрывного устройства, при этом губы его шевелились. Внушил Белянкину мысль, что эти кадры нужно включить в фильм, поскольку в нем Леонид Леонов гневно говорил о разрушении Москвы, и они могли служить тому прекрасным подтверждением. Тем более что тот хроникальный материал никогда ранее не использовался. Но при просмотре фильма руководством Гостелерадио обнаруженные мною кадры вызвали переполох, и фильм был отправлен на полку, где пролежал целых 10 лет до следующего юбилея Леонова. Теперь те кадры мы часто видим в разных

телевизионных программах, но кроме кадров с Кагановичем. А первыми людьми, которым я показал обнаруженную хронику, были Илья и Нина Глазуновы, которые потом стали продвигать эту киноинформацию по общественным кругам, чтобы наглядно продемонстрировать суть деяний «реконструкторов» Москвы. Но тогда, смотря со мной и Ю. Белянкиным кадры хроники, они были ошеломлены. И Нина, крестясь, твердила сокрушенно: «Боже, не ведают, что творят; не ведают, что творят». Увы, те, кто это творил, все прекрасно ведали».

* * *

Е. Черниковой найдена весьма удачная метафора, отчасти проясняющая нам музыкальную натуру Овчинникова, которая определяется парадоксальным сочетанием пламенного сердца и «ледяного» разума: «*глаз урагана* – это цилиндрическая область покоя и света внутри бушующей стихии. Состав ураганного «глаза» – полная сдержанность, спокойно прекрасная, солнечно ослепительная, но все это только внутри цилиндра, бешено вращающего мегатонные массы воды и ветра вокруг себя».

Глубоко прав А. Кончаловский, утверждающий, что у Овчинникова нет заимствований какого-либо стиля, что он весь соткан из русской и европейской культур.

Добавим, что космизм Овчинникова имеет как «внутренний», русский лирический характер, так и «внешний» – всеобщий, если угодно, коллективный, и национальный, и всемирный. Его сочинения – словно уловленные гением мировые музыкальные константы, ретранслируемые нам из великого пространства.

В качестве яркого примера его творчества вспомним замечательный романс «Ивушки» на слова Натальи Кончаловской из фильма А. Кончаловского «Дворянское гнездо». Тема романса про ивушек – в фильме сквозная. Впервые она в трепетном тембре домр (словно рождаясь из шороха) звучит почти сразу за народной песней в том эпизоде в Лавриках, где Антон рассказывает Федору о трагической судьбе его матери.

В кадре – неповторимые Ирина Купченко и Беата Тышкевич, а озвучивают романс божественно поющие сестры Карина и Рузанна Лисициан.

Это произведение имеет окраску и дух «старинного русского романса». Визуально и музыкально режиссер и композитор точно передали исходный посыл Тургенева: «...Опершись на край рояля, чтобы не подкосились ноги, Лиза начинает петь. Низким, глубоким голосом. Поет просто, безыскусно, но со скрытой силой и волей. Отбросив на ходу отточенно-артистическим жестом свой ханжеский белый воротник, к роялю приближается Варвара Павловна. Вступает непрошено в пение, затмевая Лизин голос восхитительной колоратурой – словно по полу рассыпалась горсть серебряных монеток. Но голос Лизы не угас, не потерялся в соловьиных трелях Варвары Павловны. Их двуголосие – не единение, а дуэль. Каждый пел по-своему и о своем. Упрямо, убежденно ведет партию своей суровой, предначертанной свыше судьбы Лиза, не позволяя голосу слиться с блистательным губительным сопрано».

При дороге ивы, ивушки стояли.
То сплетали косы, то их расплетали,

Кланялися ветрам вслед лозою тонкой,
Предлагали отдых путнику с котомкой.

С двух сторон дорогу обступили ивы.
Как родные сестры, все они красивы.

На сестер одна лишь только не похожа;
Словно на колени встав перед прохожим...

При публичном обсуждении в Фейсбуке нами этого сочинения Е. Черникова вспоминала: «Основной мотив романса потом идет по многим сочинениям Овчинникова. Лейттема жизни. Я выросла на этой музыке. Году так в 1975-м мы с ним прожили лето в Грибановском районе, что под Воронежем. Гуляли – километров по двадцать в день, разговаривали. Он тогда сочинял оперу об Алексее Кольцове. Эти прогулки по полям у меня подзвучены двумя мелодиями – «Ивушкой» (из «Дворянского гнезда») и «Травушкой» (из оперы «На заре туманной юности»). Мотив «Травушки» у Овчинникова, как и мотив «Ивушки», встречается в нескольких сочинениях».

«Травушки» мы слышим и в экранизации чеховской «Степи» С. Бондарчука: «Горе мне, зеленой травушке: Стала я сухая, серая... Полумертвая и ломкая, Нет во мне ни капли кровушки. Ты прости невиноватую, Понапрасну изведенную. Я б росла еще зеленая. Молодая и горячая... Ты прости, что жить мне хочется. Мне, замученной, засушенной. Хоть и нет вины, прости меня. Пожалей последней жалостью...» (слова Ларисы Васильевой).

Доцент кафедры истории музыки Красноярского государственного института искусств Валентина Чайкина комментирует нам в частной переписке: «**Вся музыка в фильме «Дворянское гнездо» прекрасна. Но особенно я люблю тему, которая звучит в самом начале фильма, начинаясь перед титрами. Она потом неоднократно возвращается. Исследователь музыки Овчинникова И. Ефимова называет эту тему темой России.** В фильме эта тема впервые звучит на словах

Федора Лаврецкого (когда он едет к Калитиным): «Неужели я вернулся? Неужели я – дома? Если счастье без любви невозможно, то видно ни покоя, ни воли не может быть без Родины? Нет, человек положительно – гораздо большее растение, чем он сам предполагает. Растение с корнями не может жить вырванным из родной почвы! А если так, то еще не все потеряно! Боже мой, сколько раз мне казалось, что я постиг все это! Надо непременно разбить себе голову об стену. Семья не удалась, гнезда мне больше не свить. Теперь главное – не оказаться быть вырванным с корнями из своей земли. Не почвы, а именно – земли!»»

И музыка Овчинникова к кинофильму «Война и мир» – это произведение конгениальное, равное по масштабу титанической глыбе, содеянной гением Бондарчука.

Лет десять назад в журнале «Подъем» Е. Черникова опубликовала замечательный очерк «Музыка Вячеслава Овчинникова», который сам маэстро после публикации воспринимал уже как свою визитную карточку. Публицист рассказывает об одном из эпизодов, связанных с утверждением на высоком политико-административном уровне композитора к «Войне и миру»: «Сюжет: окончательный разговор на коллегии министерства – кто же будет писать музыку к эпопее. Ведет заседание Е. Фурцева, министр культуры. У Овчинникова уже написаны мазурка, батальные сцены, вальс, еще несколько номеров, – собравшиеся прослушали, понимают, что это. Понимают и маршалы, приглашенные к обсуждению, и министры, деятели всех флангов, от мнения коих зависел вопрос. Музыкальные номера всем нравятся чрезвычайно. Но – молодость! даже консерваторию еще не закончил. Что скажете, молодой человек, в свое оправдание? «Возразить трудно, – сказал Овчинников, – но когда мы вспоминаем Пушкина, Лермонтова, Веневитинова...» Аргументы сильные, но кажутся недостаточными. Но ведь он дирижер! Музыкант сделал паузу и добавил: «А по коридорам этого министерства – вы же видели – сегодня водят гостя нашей страны, очень молодого министра обороны Кубы...» Воцарилась тишина. И тогда Фурцева провозгласила: «Хорошее суждение! Речь не мальчика, но мужа!» И Вячеслав Овчинников был утвержден... Позже в одном из интервью, вспоминая эпопею, **Овчинников скажет: «Достоинства Бондарчука можно перечислять долго. В шутку мы называли его Петром I. Никита Михалков хорошо о нем сказал: «В кинематографе он создал свою страну». Ведь в советское время в отношении русской культуры был своеобразный геноцид. Слово «русский» запрещалось произносить: все, что было русским, называлось советским. С Бондарчука мы начали говорить о русской культуре, русском кинематографе».**

В картину «Война и мир», рассказывает та же свидетельница, вошло семь часов музыки из написанных тринадцати; для всех картин Овчинников писал с избытком, несмотря на то что гонорар в те годы выплачивался только за 31 минуту киномузыки на полнометражный фильм; остальное – подарок композитора. В начале 1990-х Вячеславу Александровичу понадобились оркестровые голоса, по которым он собирался восстановить некоторые партитуры. Зашел в архив библиотеки: чисто и тихо. И узнал страшное: все его ноты исчезли, старый архив более не существует, уничтожен за давностью.

* * *

Необходимо сказать хотя бы несколько слов о некоторых творческих вехах в биографии этого мастера, народного артиста России, члена Европейской Академии Кино и Телевидения, Действительного члена национальной Академии кинематографических искусств и наук, члена Союза кинематографистов России, члена Союза композиторов России, неоднократного председателя и члена жюри престижнейших всесоюзных, Всероссийских и международных конкурсов симфонических дирижеров, камерных и симфонических оркестров, скрипачей, альтистов, виолончелистов, пианистов.

Существует сайт, посвященный творчеству Овчинникова. Вячеслав Александрович родился 29 мая 1936 г. в семье военнослужащего, в 1945 г. поступил учиться по классу скрипки в музыкальную школу. В семье было четверо детей – три девочки и один мальчик, и, несмотря на трудности послевоенных лет, все дети обучались музыке. В это же время он начал сочинять и исполнять публично свои произведения. Параллельно овладел и фортепьяно так, что на показательных концертах школы выступал в нескольких амплуа. Семилетний курс прошел за пять лет, окончил школу с отличием и по настоянию В. Бронина и Д. Ойстраха уехал в 1951 г. на учебу в Москву, где, преодолев конкурс в тридцать человек на место, поступил в музыкальное училище при московской консерватории им. П. И. Чайковского в класс свободного сочинения доцента Е. О. Месснера.

Он совершенствовал мастерство также как пианист и в 1955 г. окончил училище автором двух симфоний для симфонического оркестра. В том же году поступил в Московскую консерваторию в класс свободного сочинения профессора С. С. Богатырева, а в классе профессора Л. М. Гинсбурга обучался дирижированию. В 1962 г., в связи с кончиной проф. Богатырева, обучение продолжил в аспирантуре в классе проф. Т. Н. Хренникова.

В годы учебы В. Овчинников создал произведения, сразу же принесшие ему широкую известность в СССР и за рубежом, побеждал во всех Всесоюзных и Всероссийских конкурсах, в которых принимал участие. Его камерные произведения для скрипки и фортепьяно часто звучали на международных конкурсах исполнителей, а на III конкурсе им. П. И. Чайковского в Москве соната В. Овчинникова для скрипки и фортепиано стала обязательным произведением.

Произведения студента Овчинникова исполняли всемирно известные музыканты: Давид и Игорь Ойстрахи, Леонид Коган, Эмиль Гилельс, Владимир Ашкенази, Олег Каган, Наталия Гутман, Алексей Наседкин, Марина Мдивани, Жан Тер-Мергерян (Франция), Екко Сато (Япония), Дмитрий Сахаров, Эрик Фридман (США), Евгений Малинин, Нина Бейлина (США), Олег Крыса, дирижеры: Александр Гаук, Геннадий Рождественский, Альгис Жюрайтис, Неэме Ярви (Швеция), Элишка (Чехословакия), Максим Шостакович, Эмин Хачатурян, Иван Шпиллер, Геннадий Проваторов и другие.

Поразительна рассказанная Е. Черниковой история с одночастной Симфонией № 1 ми бемоль минор. «Написанная еще в годы учебы в Музыкальном училище им. П. И. Чайковского (при консерватории) в

середине 1950-х, она принесла автору молниеносную и оглушительную славу после первого же публичного исполнения в декабре 1960 г., состоявшегося в знаменитой Первой студии на ул. Качалова (Малая Никитская) в Москве, в Доме звукозаписи (ГДРЗ). За пультом Большого симфонического оркестра в тот день стоял великий дирижер А. В. Гаук, давался концерт современной музыки. Овчинников – в зале. Вокруг – творческая элита страны. Началось. Двадцать четыре минуты космоса. На двадцать пятой минуте зал встал и, рукоплеща неистово, потребовал повторить симфонию на бис – целиком. (Такое было в истории музыки один раз – когда Брамс представил публике свою знаменитую Симфонию № 3. Исполнявший ее дирижер Ганс фон Бюлов повторил симфонию целиком.) Но А. Гаук сказал публике: «Приходите на следующее исполнение!» В тот день, собственно, и С. Бондарчук впервые увидел В. Овчинникова.

Сочиненная девятнадцатилетним юношей, Симфония № 1 мистически втянула в свои двадцать четыре минуты многовековую русскую историю... Русской музыке, долго бродившей под спудом, требовался новый голос всемирной мощи, такой, чтобы больше никогда ни у кого вопросов не возникало: особая страна или не особая, есть у русскости свое значение или нет. Требовалось явление, манифестация, ясный, проникновенный и, главное, гениальный голос. И голос появился. Овчинников в своих первых же симфониях напомнил миру, что русское в культуре нашей страны имеет планетарное значение, потому что благие, животворные токи Божественного изливаются на Землю, прежде всего, через Россию».

Почти одновременно была написана Симфония № 2. С ней Овчинников поступал в 1955 г. в Московскую Консерваторию имени П. И. Чайковского. Рассказывают, что профессор А. Н. Александров, прослушав сочинение абитуриента, обратился к комиссии и залу: «Что же он дальше будет делать?..»

Учить гения было нечему. Он мог только саморазвиваться. В 1957 г. его симфонической поэмой «Фестиваль» открывался VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве – в Большом зале Консерватории дирижировал Альгис Жюрайтис.

Дебютом как дирижера стал для В. Овчинникова концерт в Колонном зале Дома Союзов в 1973 г.: в вечере, посвященном 100-летию С. Рахманинова, Овчинников исполнил свою «Элегию памяти Рахманинова» для хора, оркестра и сопрано. До сих пор очевидцы вспоминают тот концерт: «крики восторга, слезы, горы цветов на сцене, громадная очередь в артистическую...»

С тех пор В. Овчинников много концертировал как дирижер, пропагандируя не только свою музыку, но и произведения мировой классики. Концерты его проходили в лучших залах страны, с лучшими оркестрами и при постоянных аншлагах. Репертуар дирижера Овчинникова был обширен, но наибольшие достижения его – в интерпретации музыки русской и западноевропейской.

В. Овчинников вел также активную общественную работу. Он был членом Советского комитета защиты мира, где его деятельность

отмечена в 1975 г. золотой медалью «Борцу за мир». Он также был членом Президиума Центрального правления Союза общества дружбы с зарубежными странами, членом комитетов по празднованию дней поэтов Ф. Тютчева, А. Кольцова и И. Никитина, членом Союза композиторов СССР и членом Союза кинематографистов СССР.

В декабре 2017 г. в Большом зале Воронежской специальной музыкальной школы (колледжа) состоялся Первый открытый конкурс юных музыкантов имени В. А. Овчинникова.

В последние годы Вячеслав Овчинников вел в целом замкнутый образ жизни: «Я не хочу вылезать на люди и не хочу, чтобы на меня воздействовал наш сильно накренившийся и опасный мир».

Верно замечено, что вопреки лукавому духу времени, в котором гению суждено было жить, он не желал измерять ценности в ценах, диктуемых ярмаркой тщеславия; не маршировал в ногу; не боялся прослыть отсталым традиционалистом и не стыдился уз кровного родства, связывающих его творчество с культурой своего народа, – уз, которые и образуют то, что называется духом народа. Это и есть живая связь музыки, созданной нашим современником, с классическим наследием русской музыкальной культуры.

В эпоху распада культуры и тотального постпостмодерна поддержим в выводах молодого музыковеда А. Пятакову: «Музыка Овчинникова пребывает... в сфере Большой Классической Традиции. Среди его современников, продолжающих свою деятельность в настоящее время, трудно выделить композитора, сочинения которого были бы связаны столь же прочно, столь же откровенно и столь же естественно с национальной художественной культурой, как связаны с ней сочинения Овчинникова. С этой точки зрения Вячеслав Овчинников предстает как Художник в истинном значении этого слова – в том его значении, которое без лишних объяснений понятно любому русскому человеку и которое четко сформулировал русский мыслитель Иван Ильин: истинный Художник – тот, кто несет «знамя истинного, ответственного и вдохновенного,... классического и в то же время пророческого искусства; <кто непоколебимо убежден в том>, что исторические бури и страдания смоют душевную нечисть и очистят духовный воздух и что в искусстве, как и везде, распутий и соблазнов много, а путь – один. И пусть говорят люди об «изжитых» традициях искусства. Ибо священные традиции духа не изживаются никогда»».

По нашей просьбе воспоминания о гении в эти скорбные дни прислала из Красноярска И. Ефимова: «С музыкой Вячеслава Овчинникова я впервые познакомилась в фильме А. Тарковского «Андрей Рублев». Звучание хора в последней новелле – «Колокол» – вызвало потрясение. **Это был голос соборной души Руси, души, духовно преображенной. Никакой псевдоправославной сусальности, никаких цитаточек из церковной музыки; современный, довольно сложный музыкальный язык. И при этом все же то был голос души народной, прозревающей сквозь трагизм земной судьбы суть бытия и обретшей нерушимую веру, надежду и любовь.**

Потом была музыка в «Войне и мире» и «Борисе Годунове» С. Бондарчука, в «Дворянском гнезде» А. Кончаловского... И здесь тоже

выразилась каким-то таинственным образом русская душа во множестве ее граней. Музыка чарующая, будто омывающая душу волнами любви – земной и небесной одновременно...

О личной встрече с таким Музыкантом даже не мечталось. Однако она состоялась. Чудо! Вместо запланированного поначалу десятиминутного делового разговора получилась беседа по душам. Девять часов пролетели незаметно. Передо мной предстала уникальная Личность с абсолютно ясным пониманием всего, происходящего и в постперестроечной России, и в мире; с незыблемым убеждением в обреченности человечества, отказавшегося от своего духовного призвания. Для Овчинникова творчество и рынок – вещи несовместимые: «Не продаётся вдохновенье», но не продается и рукопись. Опубликована лишь малая часть им созданного, а это далеко не только киномузыка. К рыночному устроению современного «мира искусства» композитор питал непреодолимое отвращение и без сожаления покинул его... Думается, что без сожаленья он покинул и мир сей, где уже нет места для любимой им Руси-России, а значит, и для созданной им музыки: скорее всего, она не будет «востребована» здесь. Но ТАМ она останется навсегда как песнь-молитва преображенной Светом русской души».

Завершая наше совместное приношение русскому гению, обратимся к суждению Е. Черниковой, высказанному в ее радиопрограмме «Современники»: «**Если коротко обрисовать кредо, которое всеми средствами отстаивал и в те, и в дальнейшие годы Вячеслав Овчинников, мы опять вернемся к образу России и небесного ее звучания. Россия для него важнее всего на свете, а почему – это уж надо слушать его музыку.** Народ прекрасно понимает каждую его ноту. Стоило, скажем, по радио из Москвы передать всего несколько произведений по случаю 70-летия композитора, как полетели письма слушателей, демонстрирующие понимающую любовь и тоску по этой музыке, не исполняемой на родине».

Из упомянутой радиопрограммы приведем в заключение два высказывания: «Послушав музыку Овчинникова хоть раз, мы всю жизнь чувствуем, как кружится в целомудренном вальсе вымышленная Львом Толстым тоненькая девочка, которая вот-вот влюбится в князя Андрея, и пусть все летит к небу, и пусть мир перевернется, но мы так любим, и эта любовь, высказанная мелодией, впечатывается в нас как один из самых мощных русских культурных кодов»... «**Словом, если когда-нибудь усомнитесь, кто вы, русские люди, что вы делаете на этой земле, зачем живете и по чьему призыву, послушайте эту музыку, от которой цветы и души распускаются и тянутся к солнцу. Музыку, которая физически течет по жилам...**»

* * *

Отпевание Вячеслава Александровича Овчинникова 8 февраля 2019 г. в храме Воскресения Словущего на Успенском Вражке в Москве совершил настоятель храма Митрофорный протоиерей Николай Балашов. Похоронен русский гений на Троекуровском кладбище.

Ольга КУЛИКОВА

«ГОРЖУСЬ, ЧТО ЗНАКОМ СО ЗВЁЗДОЧКИНЫМ И ДОКТОРОМ ПИЛЮЛЬКИНЫМ...»

Так сказал однажды поэт и прозаик, член Союза писателей России Сергей Николаевич Кузичкин. И сразу попал на страницы иркутского журнала «Сибирячок». Следует заметить, что родился он в 1958 году в Тайшете Иркутской области. А этот город и есть страна его детства.

Согласитесь, что каждому юному созданию всегда хочется совершить невероятное путешествие: попасть в какой-нибудь сказочный город, подружиться со сказочными героями. Со временем ты уже понимаешь, что царевичи и Иванушки если и были на самом деле, то они где-то в далёком прошлом, а вот Незнайка – он ближе, почти такой же, как и ты, этот ребёнок – реальный, почти рядом, только книжку открой.

«Каждый раз, когда мне попадается книжка про Незнайку, я возвращаюсь в детство. Я люблю Солнечный город, чувствую себя жителем этого города и другом Незнайки, Винтика и Шпунтика, приятелем Пончика...» – говорит Сергей Николаевич и при этом, как мне кажется, хитро улыбается.

Эта любовь к книгам осталась в нём с детства. Когда он учился в школе, в ПТУ, в университете, то много читал. Пытался определиться в жизни, а в душе свербело, хотелось писать книжки. Стал членом литературного клуба «Бирюса», которым руководил Пётр Шумков. Первый его рассказ был напечатан в тайшетской газете «Заря коммунизма» 1 января 1980 года. Именно тогда он и стал работать в газете литературным сотрудником. Как только не называли в то время журналистов: и корреспондентом, и литсотрудником, и обозревателем. Журналистика увлекла Сергея Кузичкина всерьёз и надолго.

Работал в газетах «Манская жизнь», «Авангард». В Красноярске редактировал многотиражные газеты «Комбайностроитель», «Сибирский бумажник», сельскохозяйственное приложение к еженедельнику «Красноярские профсоюзы» – «Красноярская нива», работал в «Автодорожной транспортной газете», «Красноярском железнодорожнике».

Журналистика помогала формированию собственной точки зрения на те или иные события в крае и в стране, приобретался опыт.

В 1983 году в Москве, в издательстве «Детская литература», вышел сборник молодых писателей России тиражом в 100 000 экземпляров. В него вошёл рассказ Сергея Кузичкина «Радуга». Через пять лет сборник был переиздан.

В 2001 году Сергей Кузичкин – участник Всесибирского литературного семинара в Красноярске. В 2003 году его принимают в Союз писателей России. В 2005 году он оканчивает Высшие литературные курсы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. В 2006 году в столичном издательстве «Амадеус» отдельным изданием выходит его роман «Андрей + Наташа», и он становится лауреатом «Московского Парнаса» в номинации «Проза».

К тому времени С. Кузичкин – уже активный автор многих столичных альманахов: «В литературном кругу», «День поэзии Литературного института», «Московский Парнас», петербургского – «Медвежьи песни», красноярских изданий «Поэты Енисея», «День поэзии Красноярского края», «Кедры». Его публикуют красноярские журналы «Новое и старое», «День и ночь», «Енисей», московский – «Мир Севера», ижевский – «Луч».

Вернувшись в Красноярск, Сергей Кузичкин решил издавать что-то вроде альманаха «Московский Парнас», где бы печатались не только лучшие произведения российских и красноярских писателей, но и начинающие литераторы. Находились, как всегда, те, кто не верил ему, и те, кто вставлял палки в колёса. Но силами редакции и авторов был издан первый номер, десятый и так далее. В 2006 году появился и справочник «Енисейские литераторы. В начале XXI века», включающий в себя информационные данные о литераторах края. (В 2015 году он был переиздан под названием «Литераторы Енисея: от истока до устья» и охватывал второе десятилетие XXI века, куда были включены и литераторы Хакасии, и Таймыра).

В период 2006-2015 годов, то есть за одно десятилетие, было выпущено около сотни авторских книг в серии «Библиотечка «Нового Енисейского литератора», десятки номеров альманаха «Новый Енисейский литератор», приложение к альманаху – детский журнал для школьников «Енисейка», сборник «Новые енисейские песни», создан литературный клуб, проведены десятки семинаров, творческих встреч и вечеров по всему краю.

С Сергеем Кузичкиным меня заочно познакомил поэт Сергей Ставер. И новый знакомый сразу вызывал у меня уважение и доверие. Я помню, как на юбилее того же С. Ставера Сергей Николаевич сказал: «Берегите Ставера». Сказал это для администрации города Назарово, с которой отношения у Сергея Петровича Ставера не всегда были гладкими.

Не уберегли...

Мы довольно часто встречались с С. Кузичкиным на красноярском автовокзале, в краевой библиотеке, где я передавала ему рукописи членов нашего литобъединения «Истоки – Вдохновение». Он приезжал в Ачинск вместе с писателями Андреем Леонтьевым и Михаилом Стрельцовым, были у меня дома и выступали в центральной библиотеке имени А. С. Пушкина. В Красноярске мы вместе с ним были в гостях у писателя и судьи В. Ф. Пшеничникова, который подарил мне свою замечательную книгу «Река жизни». Потом ачинцы стали выезжать на творческие встречи в Красноярск целыми группами. На них побывали Ю. Нестеренко, Ю. Костюкович, В. Орлова, А. Дружинина, С. Петрушин, Е. Федотова, Л. Шкляева, О. Бурдуков.

Причём члены нашего литобъединения активно публиковались и в «Новом Енисейском литераторе», и в «Енисейке». Я всегда удивлялась редакторским и организаторским способностям Сергея Николаевича: он успевал всё, к нему тянулись люди. Даже мой первый большой юбилей мы отмечали вместе в краевой библиотеке. И вдруг между нами пробежала «чёрная кошка», и она вела себя тихо, но неприлично. Кажется, я даже знаю этого человека в красном шарфе. Мы оба пытались понять

друг друга, но этого не случилось, к сожалению. Его бескомпромиссность, требовательность, даже жёсткость удивила меня. Я пыталась вести себя так же жёстко у себя на литобъединении, но некоторые ребята (взрослые ребята) обиделись и ушли, не понимая, что литература – это не проходной двор, что к слову нужно относиться уважительно.

Ушла вскоре и я, «отслужив» на благо своих товарищей по перу тридцать лет. И в меня тоже полетели камни со всех сторон. Но эта боль рано или поздно пройдёт. Я отложу свою новую рукопись и возьму любимый альманах или книгу Сергея Николаевича – «Время зрелых женщин» или «Избранники Ангела», «Четвёртая встреча» или «Позывные Мерцаны» – и начну читать. Может быть, чему-нибудь и научусь у мэтра словесности, члена Союза писателей России, члена Товарищества детских и юношеских писателей России, члена правления Красноярского отделения Литературного фонда России, главного редактора альманаха «Новый Енисейский литератор». А может быть, мне согреет душу и сердце его маленький сборник стихов под названием «В чужом городе», который он мне подарил в 2008 году. Знаю, что согреет, как согрели однажды осенью вот эти строчки:

Наверно, не были друзьями,
Мечтая о любви большой.
Легла вдруг пропасть между нами,
И раскололся шар земной.
Полна ты снова одиночества,
И нет покоя снова мне...
Кассандра ты! За все пророчества
Гореть достойна на огне!
Но – я горю. Считаюсь другом...
Душа остыла без тепла.
А за окном то дождь, то вьюга...
Проходит молодость...
ПРОШЛА...

Сергея Кузичкина я обожаю за его талант, простоту, бескомпромиссность, честность, за то, что он бывает таким колючим и порывистым. А всё остальное оставляю без комментариев...

Сергей КУЗИЧКИН

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Славка Чудов бросил пить в канун ноябрьского праздника: кончились деньги, кончился хлеб, кончилось сало.

«Хватит, – сказал он сам себе, поднимаясь с постели после бессонной ночи изрядно проголодавшимся. – Хватит, мне уже за сорок, а живу, как собака: жена ушла, сын, отслужив армию, знать меня не хочет. Надо за ум браться. Пора...»

В предпраздничный день он решил провести генеральную уборку в своей однокомнатной квартире: вымыл полы, посуду, вытер пыль с комода и шифоньера, собрал на веник с углов комнаты и кухни паутину. Потом вышел во двор и откидал снег от ворот.

Вечером он пил крепкий чай, курил, слушал радио, читал. На другой день к обеду заявился старый приятель Петруха с бутылкой самогона.

– Ты чё, серьёзно завязать решил? – спросил он удивленно. – Да брось ерундой заниматься, всё равно ведь сорвёшься.

– Не сорвусь. На этот раз не сорвусь, – уверенно сказал Славка товарищу, чем ещё больше удивил его.

– Ну, ладно, давай по стакану в честь праздника, и завязывай. В честь праздника грех не выпить, – настаивал Петруха.

– Нет, Петя, всё – я в завязке.

– А ты знаешь, что резко бросать нельзя – может удар случиться: инфаркт или эпилепсия, – попробовал подойти с другого бока Петруха.

– Меня не ударит, и кончай искушать. Иди лучше к Мишке, его угости.

– Ну, как знаешь, Славик, – сказал Петруха, вставая и собираясь уходить. – Я к тебе со всей душой, а ты меня гонишь. Ладно, обидел ты меня, старого своего товарища. В другой раз умолять будешь с похмелья – ста грамм не подам, понял?

– Понял, понял, – закивал головой Славка, провожая его в сенцы.

Через неделю весть о том, что Славка Чудов «завязал» с выпивкой, разнеслась по всему селу. На работе, на улице, в магазине его кто одобрительно, а кто сочувственно похлопывали по плечу и спрашивали: «Серьёзно завязал?»

– Серьёзно, – отвечал он и спешил удалиться.

В начале декабря, получив зарплату, Славка был искушаем лукавым. В магазине, покупая хлеб, чай и сахар, он увидел баночки с импортным пивом, и так вдруг захотелось...

«С пива всё и начинается», – подумал он, борясь с искушением, и купил бутылочку «пепси-колы».

Дома он развернул краевую «Неделю» и в одной из колонок объявлений прочел: «Реальное избавление от алкогольной зависимости». Объявление его заинтересовало, и он записал адрес и номер телефона лечебницы.

На другой день, отпросившись у начальника, он поехал в город, отыскал лечебницу и закодировался там от употребления спиртного сроком на год.

Дальнейшая Славкина жизнь начала быстро меняться, у него

теперь всегда водились деньги, все его бывшие дружки, усвоив, что от Славки ловить теперь больше нечего, постепенно от него отошли. На работе начальство стало относиться к Вячеславу с уважением, а сам же он стал несколько замкнут и полюбил одиночество. К весне, очевидно вспомнив, что закончил в своё время сельскохозяйственный техникум и одно время работал агрономом, Слава стал выращивать на подоконниках помидорную рассаду. Ну а когда наступило время посадки овощей и картофеля, все вечера и выходные пропадал в огороде: соорудил две теплицы, высадил рассаду, посадил на пяти сотках картошку, значительно расширив свой земельный участок. Соседи, семидесятипятилетние старики, привыкшие видеть Славку через день, да каждый день пьяным, а огород его наполовину заросшим бурьяном, с удивлением смотрели на него из-за невысокого заборчика, разделяющего их подворье от Славкиного, и каждое утро в один голос здоровались.

– Здравствуйте, – отвечал им Славка и шёл по своим делам.

В начале лета, когда в огороде зазеленели всходы и полезла вверх картофельная ботва, дел с поливкой и обработкой посевов прибавилось. Вечерами Славка до самого наступления темноты пропадал в огороде, а потом шел в избу, пил крепкий чай, читал газеты или слушал радио. Спал он мало – всё больше думал о жизни своей, пытался строить планы на будущее. Однажды вечером, в дождливую погоду, Славка, вернувшись с работы, как всегда заварил себе крепкого чая и, попивая его небольшими глотками, стал по привычке просматривать краевые газеты. Он любил читать колонки новостей и криминальную хронику. С иронией почитывал письма читателей, как правило, жалующихся на свою жизнь или дающих советы, что нужно делать краевой администрации или правительству страны, чтобы наступила всеобщая благодать. Последней – «на десерт» – Славка брал в руки по привычке «Неделю» и не спеша «смаковал» частные объявления граждан. Особенно потешали его так называемые брачные объявления с подзаголовками «Она ищет его», «Он ищет её». Читая объявления типа «Вдова, 63-х лет, жилищно обеспечена, дети взрослые, познакомится с мужчиной 55-65 лет, материально обеспеченным, для совместного проживания. На переезд согласна», Славка громко смеялся и комментировал прочитанное вслух: «А у бабки губа не дура – свою квартиру детям оставит, а сама жить к тому лопуху пойдет, который отзовётся».

Такое же объявление, как «Молодая женщина, 28 лет, замужем не была, детей нет, познакомится с молодым человеком 35 лет для создания семьи. Злоупотребляющих алкогольными напитками и побывавших в местах лишения свободы – просьба не беспокоиться», вызывало в нём ироничное возмущение: «Замужем не была, детей нет, а почему тогда ты женщина, а не девушка, спрашивается? «Злоупотребляющих алкоголем просьба не беспокоиться». Смотрите, какая цаца! Ты лучше напиши, как свою невинность потеряла. Наверняка пьяной была, когда это случилось».

Вот и в этот раз, раскрыв «Неделю», Славка первым делом отыскал ту страничку, где были напечатаны объявления о знакомствах

и прочел первое из них: «Женщина 30 лет, разведённая, имеет сына 10 лет, познакомится с мужчиной 35-45 лет, желательно непьющим, для создания семьи». Ниже были напечатаны имя, фамилия и домашний адрес. Объявление с полным, что называется, реквизитом Славка видел впервые, и оно его заинтересовало.

«А что, – подумал Славка, – человек я сейчас непьющий, хозяйственный, почему бы и не попробовать, не сделать попытку к созданию семьи? Правда, от детей я отвык, но как отвык, так и привыкнуть можно. Тем более что это мальчик – с ним и на рыбалку ходить можно, и по орехи». Не откладывая задумку в «долгий ящик», Славка тут же написал письмо незнакомке по имени Людмила, в котором он описал всю свою жизнь. Письмо получилось большое – на шести тетрадных листках, и конверт, в который он вложил его, выглядел раздутым. Утром следующего дня он встал пораньше и поспешил на почту, дабы успеть бросить письмо в почтовый ящик до первой выемки. Если верить адресу, Людмила жила не так далеко от Славки – до железнодорожной станции час езды, затем поездом шесть часов, потом ещё до её деревни часа два – за двое суток письмо доставят. Двое суток туда, двое обратно, да на раздумье ей да на ответ пару деньков – через недельку надо ждать ответа – так думал Славка. В том, что Людмила ему обязательно ответит, он не сомневался. Даже если ей сто писем пришлют, всё равно одним из первых она даст ответ на его послание.

Неделя прошла в мечтах, ожиданиях и огородных трудах. В среду, в обед, вынимая из почтового ящика газеты и не обнаружив письма, Славка пригорюнился.

«Неужели ей так много писем прислали? – покачал он головой. – А может, ей кто-то другой приглянулся? И-эх! – нужно было фотографию послать, пусть бы визуально оценила, да и у неё не мешало бы фото попросить – глянуть сначала, а то вдруг уродина, какая...»

Не обнаружил Слава письма в ящике и в следующие два дня. Ну а в субботу...

В субботу он с самого утра, как обычно, возился в огороде. Картошка в этом году росла быстро и ботва кое-где уже достигала двадцати и более сантиметров, однако и сорняки высились вокруг обильно. В былые годы, когда Славка почти не следил за своим огородом, травкам было здесь вольготно и привольно, и, видимо, по привычке они считали себя здесь истинными хозяевами и не хотели мириться с какой-то там картошкой. А с сорняками не хотел теперь мириться хозяин огорода. И в это прекрасное солнечное утро, раздевшись по пояс и взяв в руки тяпку, он пошёл на них в наступление. Время приближалось к полудню, когда Славка услышал, что его окликают. Звала из-за заборчика старуха-соседка.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Здравствуйте, – чуть раздражённо ответил Славка, подойдя к забору, не имея никакого желания общаться с ней – слишком ещё свежи были воспоминания о том, как эта самая баба Дуня, совсем недавно, на каждом углу разносила о нём разные небылицы и, встретив его отца, рассказывала, с кем Славка пил и ночевал ли он дома или нет. Она его и поссорила с отцом, и отношения эти до сих

пор ещё не были, как следует урегулированы.

– Я сегодня с утра в центр ходила... К автостанции, в магазин... Ну, сахару взяла, хлеба, – быстро, словно боясь, что Славка не станет слушать и уйдет, заговорила бабка Евдокия, – а тут как раз автобус со станции подошёл, оттуда вышла незнакомая женщина с ребенком и спрашивает у шофёра, где, мол, Вячеслав Семенович Чудов живёт? А шофёр-то, не наш – станционный, плечами пожимает. А тут как раз я разговор этот услышала, сначала было хотела проводить её, но потом, думаю, нет, лучше я ей объясню, как к тебе пройти, а сама пойду короткой дорогой, предупрежу: вдруг ты не готов гостей встречать. И действительно, вижу – не готов.

– А где она сейчас? – спросил Славка.

– В магазин было зашла, ну а сейчас, видно, сюда направляется, так что готовься гостью встречать.

И бабка Евдокия с интересом посмотрела на Славку.

– Спасибо, – сказал он ей и, отложив тяпку в сторону, отправился в дом.

Во дворе он умылся водой из бочки, привязал к конуре собаку. Дома надел чистую рубашку, включил электроплитку, поставил чайник, глянул на себя в зеркало, отметив, что сегодня он, как нарочно, не побрился.

«Вот это дела! – думал он про себя. – Я жду от нее письма, а она сама решила заявиться – сразу разрешить все вопросы. Молодец! А что тут тянуть? Всё правильно. Я уже не мальчик, она не гимназистка...»

Едва успел он подумать об этом, как увидел в окно свою «заочницу»: в синем в цветочек платьице, косынка, белая в горошек, повязана на шее, в одной руке коричневый плащ, в другой – средней величины хозяйственная сумка, за которую держался мальчик, одетый в простенький серый костюмчик и белую шапочку с козырьком.

«А издалека она ничего смотрится», – отметил про себя Славка, и сердце его учащённо забилось. Он хотел было выбежать, выскочить навстречу, но сдержался и выждал, пока Людмила подойдет к воротам и постучит в дверь, а в ответ на стук залает собака. Когда это произошло, он, выйдя на крыльцо, вначале деловито прикрикнул на собаку, а уж затем пошёл встречать гостей.

На вид она ему показалась простой – зачесанные назад светлые волосы, схваченные сзади в пучок резинкой, едва заметные веснушки на щеках.

«Спина, небось, тоже в веснушках», – подумал Славка.

– Это вы Вячеслав Семенович? – спросила она тоненьким голосом.

– Он самый. А вы Людмила Григорьевна, как я понял?

– Правильно поняли. Вы, наверное, письма от меня ждали, а я вот сама решила приехать. Можно?

– Проходите уж, чего там, коли приехали... – сказал Славка, открывая дверь пошире. – Собаку не бойтесь, она до крыльца не достанет, да и не кусается она вовсе.

Гостью он посадил в кухне на стул возле стола, мальчика – на оставшийся от покойной матери сундук, стоящий у противоположной от окна стены.

Мальчик по имени Лёша был живой, подвижный, с бегающими черными глазками-угольками, с красными щеками и слегка приплюснутым носиком. «Дебил, что

ли?» – подумал Славка, угощая его леденцами, которые по случаю достал из «долгого ящика» – буфета, где хранились у него продукты про запас.

– Ну, пока чай греется, расскажите про себя, – попросил Славка гостью. – Сам-то я про себя всё вам написал.

– Рассказывать, собственно, нечего, – ответила Людмила, вздохнув. – Жила у матери, отец умер рано, братьев-сестер нет. Вышла замуж за приезжего. Прожили два года, а потом он куда-то пропал. Ждала его ещё два года, а потом письмо получила с просьбой дать ему развод и не требовать пока алиментов. Развод я ему дала, алиментов не потребовала, и вот уже пять лет как от него ни слуху, ни духу, ни денег...

– А больше замуж выйти не пробовала?

– Хотела выйти, одной тяжело, мама уже старенькая, да и ребёнку отец нужен. Но за кого? У нас в деревне одни алкаши. Вот и решила объявление в газету дать.

– Понятно, – сказал Славка. – Что ж, будем знакомиться. Ты с ночёвкой в гости или как?

Люда пожала плечами.

– Не знаю.

– Ну, ладно, до вечера времени еще много – посмотрим, а пока давай чай пить, – принял решение хозяин, доставая из буфета граненые стаканы.

Мальчик, видимо, по натуре своей будучи ребенком любопытным, постоянно приподнимался, выглядывал в окно. Славке это не очень понравилось, и он принёс из комнаты табуретку, пересадил ребенка ближе к столу.

– Это ваш огород? – спросила Людмила за чаем.

– Я же писал, что огород у меня – вот он этот самый и есть, который из окна видишь.

Людмила, откинув и без того раскрытую занавеску, чтобы лучше был обзор, внимательным взором окинула Славкину «фазенду». Приподнялся с табуретки и мальчик. Славку эта подвижность стала раздражать.

– Ты что, Лёшенька, на иголке, что ли, сидишь? Или тебя вошки кусают? – спросил он юного гостя.

– Сядь и не крутись! – одернула сына Людмила.

Мальчик послушно сел на табурет и замер.

– Ну, ладно, – сказал Славка, когда они закончили чаепитие. – Чаю попили, теперь пора за работу браться. В огороде, небось, полоть-окучивать приходилось?

– В деревне родилась, – улыбнулась Людмила.

– Тогда вот что: у меня там трико есть, футболка, кроссовки – переодевайся, и пойдём на огород.

– А Лёшка чё делать будет? – спросила гостья у хозяина.

– Будет траву срубленную собирать и за ограду выбрасывать.

Славка вышел на огород первым, минут через пятнадцать подошли Людмила с Лёшкой. Славка, осмотрев гостью в новом одеянии – в облегающем тело трико, нашел её очень даже ничего.

«При всём бабёнка, – отметил он. – А в платье худенькой кажется».

Он определил Людмиле три рядка, вручил ей тяпку. Лёшке наказал по картошке не ходить, а собирать за мамой срубленную траву и, как было сказано раньше, выбрасывать ее за ограду. Он показал куда именно. Работа закипела.

Славка с Людмилой махали тяпками, а Лёша собирал траву. Славка был доволен и подумывал,

что так они к вечеру всю прополку и завершат. Однако через некоторое время он заметил, что Людмила нечаянно срубила картофельную ботву и боязливо глянула в его сторону. Он быстро отвел взгляд, но боковым зрением увидел, что гостья его воткнула срубленную ботву на место и присыпала вокруг землей.

Они продолжали прополку, но, очевидно, происшедшее уже както вывело Людмилу из равновесия, и через несколько минут она опять рубанула по ботве и снова присыпала, воткнув её на место. Славка и на этот раз заметил, но снова ничего не сказал. Когда же Люда ошиблась и в третий раз, он не сдержался:

– Слушай, если мы с тобой в одну прополку половину картошки порубим, а в следующий раз остальную, то что зимой есть будем? – спросил он сердито.

– Да что-то я сегодня не могу, тяпка из рук валится, – сказала Люда смущенно. – Видно, устала с дороги.

– Ну, коль устала – иди в дом, – там в буфете найдёшь банку тушёнки, вермишель, из подполья достань картошки, протопи печь, я её раз в неделю обязательно протапливаю, чтобы сажа в дымоходе не прессовалась, свари супчика, поедим. Заодно посмотрю, какая ты на кухне хозяйка.

Люда кивнула, отставила тяпку, окликнула перемазавшего в земле не только руки и брюки, но и лицо сына и направилась в избу.

А Славка продолжил прополку, изредка поглядывая на трубу дома. И вот из неё, наконец, пошёл, потянулся к небу сизый дымок.

«Ну, поесть-то как-нибудь сварит, – подумал Славка, – на это, наверно, тямы хватит».

Он ещё несколько минут продолжал прополку, но вдруг какое-то тревожное предчувствие остановило его. Он вспомнил, что за комодом лежат свернутые в трубочку несколько свитков его ещё студенческих записей по агрономии с рекомендациями: как и когда, в какое время лучше высаживать ту или иную огородную культуру, как за ней ухаживать и чем лучше удобрять.

«А что, если она вздумала растопить печку этими свёртками», – мелькнула у него мысль.

И сейчас же, отложив тяпку в сторону, он поспешил домой, а войдя, оторопел...

Люда бросала в печь очередной свёрток, еще два лежали у самой печки, на поленьях.

– Кто?!.. Кто?!.. Кто тебе разрешил жечь эти записи? – заикаясь, спросил Славка. Ярость наполняла его до краёв.

– А я подумала, что эти старые бумаги вам не нужны, – часто мигая веками, оправдывалась Люда. – Я хотела было газетами растопить, но подумала, что вы их еще читать будете... А эти бумаги уже жёлтые, мухами засижены... Да и горят хорошо...

Славка, стараясь быть спокойным, прошёл в комнату, приподнял скатерку стола, под которой «россыпью» хранил деньги, взял две десятки и, вернувшись на кухню, протянул Людмиле.

– Я хоть не богат, – сказал он, сдерживая гнев, – но сволочью быть не хочу! На, возьми эти деньги. В четыре часа автобус пойдёт на железнодорожную станцию. Ещё успеете.

– Не надо, – отказалась Люда. – У нас деньги есть.

Глаза её становились влажными.

– Только без слёз, – сказал Славка, – терпеть не могу бабьих слёз, да и никого здесь не хоронят.

– Можно я пройду в комнату, переоденусь?

– Пройди.

Пока она собиралась, он сидел и молча курил на кухне у окна.

Не проронил ни слова и когда она, собравшись, уже на пороге сказала ему: «До свидания», лишь слегка кивнул ей.

...Славка провожал её взглядом из окна комнаты. Она шла, держа в одной руке сумку и плащ, а другой вела за руку сына.

На пригорке она остановилась, провела ладонью несколько раз по Лешкиным брюкам, очевидно, сбивая с них пыль, поправила на голове ребенка кепочку и, оглянувшись, посмотрела на Славкин дом. Славка отпрянул от окна.

Когда гости совсем скрылись из виду, Славка вернулся на кухню и взял ещё одну сигарету. Руки его тряслись, и он, чиркая о коробку, сломал сначала одну спичку, а потом вторую. Когда не зажглась и третья, Славка швырнул со всего размаха коробок в угол кухни, смял сигарету и бросил её в чашку с недочищенной гостьей картошкой, стоявшую на краю плиты.

– Вам, возвращая ваш портрэт,
Я о любви вас не молю.
В моей душе покоя нет, –
Я вас, как Брежнева, люблю!.. –

пропел он неожиданно для самого себя, сделал три прихлопа ладонями по груди, два притопа ногами о пол и, тяжело плюхнувшись на табурет, обхватил голову руками.

УЧИТЕЛЬНИЦА НЕМЕЦКОГО

* * *

– А вы от какой газеты корреспондент будете? – задаёт она, улыбаясь, вопрос, когда директор, познакомив их, оставляет одних в опустевшем классе.

– От районной, – говорит он, хотя уже предчувствует, что тема, которой он коснется, вполне может заинтересовать и краевые газеты. Зовут ее Светлана Анатольевна, два года назад она закончила факультет иностранных языков педагогического института и приехала в эту сельскую школу преподавать немецкий.

Казалось, что в этом особенного, сотни, а то и тысячи выпускниц вузов ежегодно приезжают в сельские и городские школы и работают преподавателями английского, немецкого, французского, а то и испанского языков. У одних это получается здорово, у других – не совсем, но тем не менее...

Но тем не менее особенное в данном случае есть. Дело в том, что в этом поселке почти сплошь живут немцы. Те, кого в сорок первом выслали сюда из Поволжья, их дети и внуки. Более сорока лет иностранный язык – естественно немецкий – в местной школе вели учителя-немки, а вот теперь русская учит ребятишек-немцев их родному языку. Впрочем, относительно родного языка вопрос, как оказывается, спорный, в некоторых, казалось бы, «чисто немецких» молодых семьях по-немецки не говорят, потому как язык знают плохо или не знают совсем, тем не менее...

Тем не менее она преподаёт немецкий язык ребятишкам, носящим немецкие фамилии, имея фамилию русскую – Макарова.

Она небольшого роста, жива, подвижна, симпатична: карие глаза, слегка поддернутый носик, тонкие губки, толстая длинная пшеничная коса, повязанная на конце голубеньким бантиком, переброшенная через плечо, лежит на её белой кофточке, касаясь груди.

– Да вы проходите, садитесь, не стесняйтесь, товарищ корреспондент, мы не кусаемся, – приглашает она уже сидя за учительским столом. – К нам корреспонденты не каждый день приезжают. При мне, например, вообще впервые, так что на все вопросы отвечу. А вы давно в газете работаете?

– В вашем районе недавно, а вообще одиннадцатый год уже – говорит он, садясь за первый стол напротив неё, как ученик перед учительницей, и достает из кожаной, черной сумки диктофон, блокнот, авторучку.

* * *

Перед командировкой в этот поселок, когда он сказал, что кроме всего прочего: леспромхоза, сельской администрации, хочет зайти и в школу, ответственный секретарь редакции, ещё молодая веселая женщина, отреагировала своеобразно.

– Вот там-то тебя и женят, – сказала, смеясь, она, – Светлана Анатольевна там есть. Женщина неотразимая, в меру скромная, в меру разговорчивая – как раз в твоём вкусе, и волосы у неё длинные, как ты любишь, – до пояса... Так что, держись или, наоборот, – в плен сдавайся!

Он заинтересовался и, подыгрывая ответсекретарше, улыбнулся.

– Скажи, что она ещё девушка невинная.

– Вот с этим небольшие сложности есть, – сделала лицо серьезным ответсекретарь. – Она ещё студенткой познакомилась с одним аферистом. Он «химию» отбывал. Но красивый, гад, был и обольстил её. Увлеклась она, девочку родила, а он, сволочь, срок отбыл и смылся – ни ответа, ни привета.

Три года одна дочку растит, но молодец – ничего не скажешь, интереса к жизни не потеряла, по-прежнему весёлая и открытая.

Сказать о том, что по дороге в посёлок он только и думал о том, как бы поскорее глянуть и оценить очередную потенциальную невесту, было бы неверно. Был он корреспондентом, по жизни не раз битым, не один раз менял местожительство, а заодно и редакции, не один раз его пытались оженить и заземлить, но всё как-то не получалось. Когда дело доходило до серьёзных отношений с женщинами и нужно было решать: оставаться и узаконить отношения или расставаться, почему-то получалось второе.

То в «деле» возникал бывший муж, то недовольство высказывали родители невесты, то, как было один раз, перед тем, как идти в ЗАГС, он потерял паспорт.

«Не судьба значит», – успокаивал он сам себя, будучи твёрдо уверенным, что рано или поздно, она, судьба его, на жизненном горизонте появится и не узнать её, а тем более пройти мимо или обойти её, будет невозможно. Однако годы шли, а она никак не появлялась.

* * *

Годы шли, а она никак не появлялась. И не веря в то, что она может появиться здесь, в этом посёлке, он, приехав в командировку, первым делом зашел в администрацию, отметил командировочные, проинтервьюировал сельского главу, затем побывал на пекарне, в конторе ОРСа леспромхоза, выехал на место лесозаготовки и складирования леса и только уж тогда, когда «материала» нагрёб, что называется под завязку, заглянул в местную школу.

Директор школы, седой пенсионер, сорок лет отдавший народному образованию, оказался весьма и весьма разговорчивым и человеком радушным – организовал для корреспондента и водителя обед, подробно рассказал о школьных делах и во время беседы неожиданно спросил:

– А ты женатый?

– Нет, – ответил он, слегка смутившись от внезапного вопроса. – Был одно время, но не получилось...

– Ничего. Молодой ещё, получится. У нас тут дивчина одна работает, немецкий преподает. Тоже у ней не всё в жизни гладко получается. Я вот смотрю на тебя, и знаешь, какая мысль мне в голову приходит: мне, кажется, вы друг для друга подходите. Сейчас я тебя с ней познакомлю, материал о ней напишешь, ну и оценишь заодно.

Сказанное директором ещё больше подогревало его интерес к незнакомой пока женщине, и он не без волнения переступил порог кабинета, где она преподавала иностранный. Но волнение это исчезло, как только он увидел её.

– Светлана Анатольевна: я понимаю, многие девчонки в школьном возрасте мечтают стать учителями, такими, как их первая учительница. Но почему именно иностранный, немецкий? – задаёт он ей первый вопрос и включает диктофон.

– А можно без этой штуки? – улыбаясь, кивает она на записывающее устройство.

– Можно, конечно, но, откровенно говоря, я писать авторучкой уже отвык, и потом, диктофон запишет всё более подробно с интонациями и паузами, а это поможет написать более объективный материал, – объясняет он.

– А послушать потом дадите?– спрашивает она. – Ужа-асно хочется себя послушать!

– Обязательно.

– Ну и договорились.

«Ну и договорились» – она произносит так, как будто знакома с ним, по меньшей мере, года три.

– Договорились, – говорит и он ей, как старой знакомой. – Ну а теперь ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

– А вы задали вопрос? Совсем забыла, – говорит она лукаво, и карие глазки ее наполняются блеском. – Извините, пожалуйста. Итак, почему иностранный и почему именно немецкий? Всё так, как и сказали: была без ума от первой учительницы. Она вообще-то закончила иняз, но учителей иностранного в школе в то время хватало, и ей дали начальные классы. Вернее наш первый класс. Знаете, как это бывает в сельских школах, где учитель физкультуры запросто может преподавать биологию и химию, а преподаватель математики вести уроки черчения и рисования. Вот и учила она нас три года,

а потом и по своему предмету работать стала, так что все десять лет и была у нас классным руководителем.

Она снова улыбается озорно и весело.

– Правда, ничего интересного? А вы какой предмет в школе любили?

– Историю, хотел археологом стать...

– Ой, а это как раз, наоборот, интересно, а почему не стали?

– Газета не дала. Всего к себе забрала, для археологии места не осталось...

– А я читала ваши стихи в газете. Мне понравилось... Прочтите что-нибудь, так хочется услышать в авторском исполнении...

– Да что там стихи – баловство, – говорит он, смутившись.

– Ну, прочтите, пожалуйста. Хоть парочку самых любимых ваших стихотворений, – просит она снова и, поставив локти на стол, сложив ладони и подперев ими подбородок, приготавливается слушать.

Он, выключив диктофон, начинает ей читать: одно стихотворение, второе, третье. Она слушает, притихнув, почти не дыша, и когда он останавливается, кратко говорит:

– Ещё...

И он читает ещё и ещё. В дверь заглядывает водитель редакционной «Нивы» и нетерпеливо спрашивает:

– Куда ещё поедем?

– Домой скоро поедем, – говорит он.

– Ко мне сейчас поедем, – произносит она, вставая из-за стола. – Не могу я поэта голодным отпустить. Никогда себе потом этого не прощу. В кой-то век заглянул к нам стихотворец, а я его в гости не пригласила, автограф не взяла.

– Понятно, – шофёр многозначительно кивает головой и, закрыв дверь, уходит. В коридоре уже опустевшей школы слышна его тяжелая удаляющаяся поступь.

Он, несколько оторопевший от её неожиданного и необычного приглашения, торопливо задав ей несколько вопросов «под диктофон», фотографирует «Кодаком» за столом с учебником немецкого.

– Фотографию чтоб обязательно мне привез и подарил, – говорит она, вновь улыбаясь, и он, несколько смутившись ее резким переходом с «Вы» на «Ты», не сразу находит нужную точку, откуда лучше сделать снимок.

– Ну, хватит, – говорит она, когда он делает пару кадров. – Лучше Верочку мою сфотографируй или нас вместе с ней, хорошо?

– Хорошо, – соглашается он, отмечая про себя, как с ней легко и просто. Она накидывает на ходу на себя кожаную куртку, берет в руки сумку, складывает туда тетради.

– Ну что, пошли, поэт, – говорит она, выходя в коридор, и он послушно выходит.

Он послушно выходит следом, и она закрывает дверь кабинета ключом.

– Сейчас заедем в детский сад, заберём дочку и ко мне, – это она произносит уже на ходу, когда они идут по длинному школьному коридору.

У самого школьного порога техничка заканчивает мытьё полов, отжимает тряпку.

– Смотри, Анатольевна, заберёт тебя с собой корреспондент, – бросает реплику она. – Уж очень хорошо вы вместе смотритесь, так друг к другу и подходите. Ой, смотри, увезёт, как без тебя ребятишки-то наши будут?

– А зачем ему меня увозить? – реагирует на это она. – Он сам к нам, если надо, приедет. Места у нас красивые, поэтичные. Ведь правда, товарищ корреспондент?

Она подмигивает ему и громко смеётся.

– Конечно, я хоть завтра бы переехал, – включается в игру-разговор он. – Места у вас действительно красивые: река, грибы, орехи...

– Вот хорошо бы было, а, – говорит нараспев техничка. – Дай Бог счастья тебе, Светочка.

Она садится рядом с водителем и показывает дорогу. Они едут до детского садика.

– Я быстро, – говорит она, выходя из машины, и бегом направляется к калитке детского сада.

– Шустрая! – покачивая головой, восхищается шофёр. – По-моему, ты ей понравился. А вы чем-то даже похожи друг на друга.

– Ты не первый, кто мне это говорит сегодня.

– Ну, значит, я прав. Смотри, не теряйся – бабёнка она, по всему видно, хорошая.

– Так что: ты предлагаешь мне жениться?

– Ну и женись. Хватит по свету без угла мыкаться. Такой случай и такая встреча один раз в жизни бывают. Тем более, я вижу, она к тебе в душу запала.

Она возвратилась скоро, минут через пять с дочкой – маленькой копией своей мамы. Такие же карие глазки, такой же поддёрнутый кверху носик и даже такая же пшеничная коса, выходящая из-под голубой косыночки и заканчивающаяся голубым бантиком.

* * *

Потом они едут в конец посёлка, где стоят не так давно выстроенные двухквартирные брусовые дома.

Аккуратный дворик: сарай, банька, сложенная в два ряда поленница дров.

– А кто дрова тебе колол? – спрашивает её водитель, осматривая двор. – Нанимаешь кого?

– Сама колю-рублю, – улыбается она, – директор у нас молодец – заботится, чтобы учителя не замерзли, каждую осень нам по десять кубов подвозят. Вот в октябре снова привезут. Ну, а во двор перенести и переколоть – это уже я сама. Родилась и выросла в городе, а тут всему научилась: и дрова колоть, и веники для бани заготавливать, и за курами ухаживать.

Они проходят на веранду, а затем в квартиру, состоящую из двух комнат, просторной прихожей и кухни. Она приглашает гостей в зал, усаживает на диван. Включает телевизор, потом ставит перед ними журнальный столик, приносит варенье, шаньги, наливает через некоторое время горячего чаю.

– Может, вам пельмени сварить? – спрашивает затем деловито уже подвязанная фартуком и в косынке. – Что для мужиков чай, еда разве?

– Нет, нет! Спасибо! – в один голос отказываются гости. – Нас директор ваш сегодня супом кормил.

– Ну, как знаете...

В косынке и фартуке, слегка раскрасневшаяся, с закинутой за спину косой, она выглядит ещё привлекательнее.

Они пьют чай, кушают шаньги, рассматривая аккуратную, уютную квартирку. Затем он

фотографирует её с дочкой на фоне фотообоев – берёзовой рощи.

– Знаете, а мой любимый поэт – Николай Рубцов, – говорит она потом, доставая с полки небольшой томик стихов.

– Как ни странно, мой тоже, – теперь улыбается он и произносит:

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом,
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

– Однако пора ехать, – говорит шофер, вставая и направляясь к выходу. Он поднимается следом. Она, накинув на плечи куртку, провожает их до машины, на крыльце сует ему в руки полиэтиленовый пакет, в котором шаньги.

– Отказываться нельзя, потому как это от всего сердца, – опережает она его реакцию на это, – сама стряпала и пекла, попьёте дома с чаем. Небось, на квартире живёшь?

Он кивает головой и прячет шаньги в сумку.

– Счастливого пути, – говорит она ему у машины и пожимает на прощанье его руку. – Как фотографии сделаешь, так сразу позвони мне. Из райцентра легче дозвониться, чем от нас.

– Обязательно позвоню.

– Ну а когда статью в газете читать?

– Примерно через неделю, – говорит он и только тут замечает, что держит её руку в своей.

– Ну, счастливо, звони.

– Счастливо оставаться.

Он садится в машину и смотрит назад, она машет вслед рукой, другой поддерживает на плече куртку. Машина всё дальше и дальше удаляется от неё, и вот, повернув, они теряют её из виду.

Повернув, они теряют её из виду. Стоит тёплый сентябрьский вечер, воздух, кажется, не колышется. Листва деревьев словно вылита из золота и меди – красотища!

– Ну, чё, всё-таки втюрился? – говорит ему шофёр. – Теперь покой и сон потеряешь. Я тебе говорю, решайся, лучше её навряд ли найдёшь. Это судьба, поверь мне.

«Неужели судьба?» – думает он, глядя на дорогу.

Думает он, глядя на дорогу о многом. А когда приезжает домой, то квартирная хозяйка, семидесятидвухлетняя старушка, сразу замечает в нём перемену.

–Ты какой-то не такой сегодня, – говорит она ему. – Светишься весь.

Уж не влюбился ли?

Он молчит и улыбается.

«Неужели действительно влюбился?» – спрашивает он себя, укладываясь в постель и предчувствуя перемены в жизни.

* * *

Он долго ворочается с боку на бок, не может уснуть, вспоминает слова шофёра: про покой и сон. Засыпает уже около четырех часов утра, а засыпая, успевает подумать о том, что шофёр наверняка расскажет на работе о том, как он читал стихи учительнице немецкого и как они были у неё в гостях, и о том, что ответов на ироничные вопросы женской половины редакции, и особенно ответ секретарши, ему сегодня не избежать...

Маргарита СОСНИЦКАЯ

МАТ И МАТУШКА

О ПРИРОДЕ МАТА.

Мы помним сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать поминаем.

Н. А. Некрасов

БАНКОМАТ

В глобальном обиходе появились такие слова как e-banking, e-bay, e-bording. Пока ограничимся тремя примерами, потому что три – это уже не случайность, а закономерность. Не будем их транскрибировать русскими буквами, прочитайте сами по-русски, не произнося наше «е» на английский лад, а по-русски, как в слово «ель»: e-banking – пользование и обслуживание клиентов банком через интернет, e-bay – сайт, на котором все продаётся и всё покупается, e-bording – загрузка воздушного судна, посадка на авиарейс. Да и Edreams, где продаются билеты на авиарейсы в любом направлении, тоже едрён-с в тарифах, особенно в сезон каникул шутит-с. Фактор или конечная цель загрузки присутствует во всех этих лексемах: кошелька или счёта банка или клиента, приобретение покупателя и инкассация продавца, загрузка самолёта. Т.е. прибыль, прибавка, пополнение. А разве наше со-кров-венное непечатное слово, существующее испокон веков, означает не то же самое в конечной, изначально спланированной, запрограммированной своей цели? Приплод, прибавку в семье, её пополнение. Значит, произнося наше главное, непечатное всуе (в каждой строчке только точки... три), мы создаём прибавление чего-л. нам необходимого: благополучия, силы, здоровья, потомства. Как в сказке, сначала произносится слово, заклинание, обращенное, скажем, к избушке, а затем исполняется слово: *Избушка, избушка, стань ко мне передом, а к лесу задом* или *По щучьему велению, по моему хотенью, ступайте, сани, в избу сами!*

Мати на украинской мове произносится *маты*, но *маты* – это ещё и *иметь,* а *не мати* – не иметь=не матерь. Т. е. иметь и мать – одно слово.

«Мати каже правду, на те вона й мати,/ Матінку послухать, долю кращу мати», – поётся в народной песне.

Два в одном образуют третье: прирост, прибыль. Случайно, что ли, знак евро обозначили украинской Э оборотной – Є €?! Оборотная сторона его и *мат*, и *матерь,* и *иметь*. Хапать, чтоб настал полный happiness, хапинесс – счастье в английском.

Рассейский мат взят на вооружение мировым капиталом, а в нашем медийном пространстве его императивно отсоветывают произносить. Потому, видно, что в тех краях, где капитал – главный смысл существования, мата не понимают, а мы понимаем. Значит, нам не положено. А им известно, что без этого волшебного слова не будет прибыли, что её этим словом надо призвать, тогда она

придёт. Стучите, и вам откроется. Материтесь, и вам прибудет.

Когда замолкают автоматы, разговор начинают дипломаты. Но теперь их всех перекрыли звуки банкомата.

ИДИОМАТИЗМ

Но как же так вышло, что самое приплодное, жизнетворное слово оказалось в чёрном списке? В его защиту во всём богатом и могучем выступает только одно выражение, идиоМАТизм «кричать благим матом». Но это и доисторический аттестат мата: благой. Благая весть, благие намерения, благодать, благородие, благодарность – это всё хорошо, так почему же мат – плохо?

Зрим в корень.

Мат – мощная матричная система. При царе горохе к нему прибегали, чтобы выдать замуж засидевшуюся в девках дочь. Мать её ставила на порог так, чтоб одна нога была в избе, другая на улице, стукала скалкой по спине и посылала прямо по назначению: «А пошла-ка ты, милая,...!» С сыном в обряд проводил отец, отпускал ему подзатыльник с буквальным напутствием: «Пошёл ты в....!» И срабатывало!

Продолжение следует в Первомате

ОТ МАТРИАХАТА ДО ИСТМАТА

Вначале были Романовы, потом был Ленин.

Вначале был матриархат, потом – патриархат.

Мат-три-арк/хат – слово многослойное, многосложное, многокорневое здесь и «мат(ь)», и «три» – понятие тройственности, троичности, на санскрыте тримурти, и «арка» радуги, небесного свода, и «хаты» – дома и точки сердца. Все слова доброкачественного значения, живительного, созидательного. Всё, что касалось функции и процесса материнства, тоже было доброкачественно. При Романовых почитали князей, графов, а при Ленине они стали графьями. Сословие, давшее почти всех великих людей России, подверглось шельмованию, изгнанию, уничтожению. Такая же судьба постигла матриархальные ценности при патриархате. Женщина подверглась гонению, стала товаром на невольничьих рынках, её повели на костёр, стали топить в проруби, объявили, что у неё нет души. Учёная математик Аспазия (АзъСпас-ия, Я есмь космос) была растерзана толпой в Элладе, Жанна д'Арк (обратите внимание на присутствие её фамилии в слове«МАТ-три-АРК/хат») сожжена, как и миллионы лучших женщин по Европе в течение трёх-четырёх столетий (последняя казнена в 1782 г. в швейцарском Гларусе; в 1812, правда, последний раз сожгли в колонии Португалии, на Гоа, но это уже Индия), выдающийся математик (даже слова нет в женском роде!) Софья Ковалевская или выдающийся демагог оккультизма (так же как «хирург», «педагог»... нет в ж.р.) Елена Блаватская вынуждены были заключать фиктивный брак, чтобы получить возможность строить свою творческую судьбу, и, к слову,

прославили своих мужей на весь мир, и только заглянув в энциклопедии, можно узнать их настоящую, девичью фамилию: Корвин-Круковская и Ган.

А суфражизм – это оплаченная, нанятая патриархатом официальная оппозиция матриархату, суфражистки только искажают его суть и дискредитируют. Вчерашняя пиѳія, пророчица, непорочная весталка, служившая общественному публичному благу, произошедшая от «веяние, витьё, повить (*Мене там мати повивала* Т.Г. Шевченко)», от повитухи, от «повія», что лет уж двести, как по-украински стало обозначать «публичная женщина», прости, Господи!

Участь женщины, матери всего сущего и матриархата разделила и матерная словесность. Но её реконструктивная сила продолжает действовать. Русский народ, может, ещё и жив только потому, что трёх слов без мата не скажет. Таким образом, он подзаряжает батарейку своей жизнеспособности. Т.е. великая сила мата не позволяет выдохнуться.

«Катары хорошо знали истинный смысл слов. Например, слова, что теперь считаются скабрезными и матерными, у них имели совсем другой смысл. Я уверен, что в словах, называемых русским матом, нет ничего, чтобы мы воротили от них свои носы. Признание каких-то слов грязными вовсе даже не входит в полномочия человека. Слова «русского мата» в древности были святыми словами, чудодейственными мантрами. Уничтожить эти слова – всё равно, что уничтожить нашу память и наши корни. Все святые слова, чудодейственные мантры космического звучания объявили постыдными и скабрезными /.../ ненавистники русского народа».

Мих. Анищенко, с. Шелехметь, Самарская губ., альманах «Литературная губерния»

СОПРОМАТ

Проблема этики мата, затронутая кинематографистами, стала модной. Даже насущной, но не всегда её преподносят доброкачественно, что есть результат устоявшегося эмоционального шаблона. Свидетельство тому – увесистый фолиант А.В. Сосновского *Corpus Amoris*, соскрёбший лексику на эту тему со всех стилистических пластов языка. Но, увы, взгляд автора на вопрос такой же, как краски его картин маслом на «эротические» темы, – грязный. Т.е. к эросу – росе любви, такие картины, – всё грязно для грязного взора – отношения не имеют. Но коль автор стал на эту стезю, то у него есть шанс прийти к истине путем очищения.

Брошюрка «Манифест чистословия» А.И. Пригожина (я бы назвала, стерильности), призывающий очистить речь от мата, написан с благими намерениями, но, увы, с незнанием силовых и энергостроительных, конструктивных законов слова, про которые добрая сказка нам шепчет, трубит, намекает с детства. И, как обычно, подобный манифест выстилает путь в ад, потому что ведёт к импотенции, оскоплению созидательности народа. А нужно не устранять мать, а **менять** отношение к мату, вырабатывать культуру мата, эдакий чистый, изысканный, рафинированный мат с ароМАТом сирени и ветра.

И пусть станет стыдно тому, кто плохо о нём подумает. Всё чисто для чистого взора.

Народный артист России Сергей Никоненко на встрече по случаю вручения медалей В.М. Шукшина писателям, артистам, режиссёрам от журнала «Бийский Вестник» в Доме Ростовых в 2015 году вспомнил пассаж из «Власти тьмы», где одного героя критикуют за то, что он крепко ругается. В защиту его было сказано: «Да, он такой». И эта позиция Л.Н. Толстого по отношению к мату – нейтральная.

Так сопромат – это сопротивление материалов или сопротивление мату?

* * *

Совершенно неслучайно инициалы первого президента РФ прописывали в прессе как Е.Б.Н.: держали в уме двустволку – для народа это выплеск эмоций и отношения к указанному лицу, а для олигархов, получивших астрономические куши национальной экономики в одночасье, это Прибыль с большой буквы, как и формула заклинания: Е.Б.Н. (почти e-banking, E-BaNk) из славного города Ёбурга. Не случайно (согласно СМИ) его внук в 2015 г. потратил 39 млрд. А вставьте в ЕБН недостающую по смыслу гласную... и получите почти IBAN ИБАН в банках (латинское «В», би, омографично нашему «В», веди, т.е. пишется так же, да говорится иначе). Привораживающее заклинание: IBAN ИВАН ЖИВАН, а для кого-то НА/ЖИВА(Н). Привораживающее, притягивающее для серебряников, хоть и бумажных, которые всё боле принимают форму виртуальных нулей.

Без web-мастера теперь не обойтись, но W – это среднее между У/В, его обычно транслитерируют веб-мастер, веб-рассказ, а в равной степени полноправно и можно делать это через У... остальное читайте согласно русским правилам.

Мат закодирован в названиях популярных сайтов yandex и yahoo, первое читайте с конца согласно русской азбуке, учитывая, что «d» – это перевернутая «р», кстати, так по-итальянски называется грыжа – ernia, в том числе паховая. А второе слово читайте по кругу, как на диске, начиная с серединной буквы. И ведь как на заборе написано. А там дрова лежат. Здесь же то, что написано на заборе, выплывает на мониторе в форме эвфемизма.

И закордонные терминотворцы, словоделы хорошо осведомлены в физике русской речи – всеобщей, универсальной Праречи, и пользуется ею. Нам же это должно послужить толчком к переосмыслению мата и прекращению прибавлять через него силу и благополучие чужим, став хотя бы на толстовскую позицию – нейтральную – это и будет непротивление злу насилием. Т.е. не материть надо врагов, а понять жизнетворные на тонком уровне свойства мата и относиться к нему, как к живой воде, и поливать им свою ниву, но с другим подходом к знакомым с детства словам.

МАТЕМАТИКА

Вначале было не слово,
Вначале была тьма,
И слово тьму одолело,
И тьму одолело слово,
И мир создало новый,
И свет сотворило белый

Но, похоже, вначале было не слово, а цифра. Она была рессорой между тьмой и словом. Хотя, впрочем, и то, и другое – выражение высшего созидательного порядка гармонии разными средствами. Во тьме существовали миллионы звёзд, их было некое количество, неважно, сосчитал их кто или нет. И цифры обладают удивительной стройностью, закономерностью, гармонией, как числа Фибоначчи, существовавшие в древней Индии и еще намного раньше[1]. Но просто в «математике» дважды поминается мат(ь); считается, что термин пошел от греческого maθima – изучение наук – держим в уме, что звучание θ – фиты двояко: т, ф. Но слова многовариантны в своих значениях, и возможна трактовка *математики* как МАТЬ maθim, изучения наук, или как «Мать наук и космогонии» – сколько трудов написано о конструктивных и роковых, судьбоносных числах, сопровождающих человека. Без Матери наук ни шагу, своих ушей не посчитаешь. Математика – мат и матка всего. Опять же, недаром кричат благим матом, рожая дитя, – продолжение и благо рода, будущее человечества.

Показательно, что «Мафия» – maθia: Ма ф/Вия, Мать, вьющая(зори); МаТия (Мати я) – тия – теа/о – деа – богиня Мать; многовариантность прозношения дала имена Матфей, Матвей, Матвій, Matteo, Mattia, Matthia, Mathew, т.е. – Вьющая Богиня Мать; возможно, изначально было женским именем. Увы, «maθia» и «πιθia» были смешаны и породили слово «повія», известное нам из украинской мовы как женщина самой древней профессии (хотя это сутенёрский навет) в нынешнем понятии. Но, возможно, в древности оно имело иное значение. Как пифия, которая есть профессия более древняя, чем проститутка, а ещё более древней является профессия предначальная – это материнство. Кстати, на диалекте Сицилии о смышлёном, способном ребёнке говорят *бамбино мафиозо.* Т.е. мафиозо – это умненький, подающий надежды, способный. Короче, весь в мать.

«[1]...магический квадрат – насик. /.../именно в нем кроется тайна шахмат. Его обычные константы 130 и 260, получаемые от сложения всех цифр в любом горизонтальном или вертикальном ряду, в любой диагонали, в любых четырех или восьми соседствующих клетках /../ действительны и для насика и для шахматной доски с расставленными на ней фигурами. Для каждой из них при сложении цифр занятых фигурами полей получаются те же константы, более того, ходы фигур подчинены все той же закономерности. К тому же в насике заключены константы, совпадающие по величине с числом аминокислот и числом возможных первых ходов шахматных фигур, а также с «космической постоянной» 108, лежащей в основе как микро-, так и макромира,- от элементарной частицы до размеров Галактики». А. Казанцев «Линза совести».

Материнство – это не профессия, а зачин природы. А самая древняя профессия в смысле средства делания денег – сутенёр. И самая грязная. Вот они-то, эти грязные нелюди, на высшем предназначении женщины зарабатывали и зарабатывают по сегодняшний час. Они-то и создали индустрию проституции.

Принцесса Мафальда Савойская, старшая сестра последнего короля Италии, погибла в Бухенвальде в 1944 г., угодив во вражеские сети, потому что кинулась на выручку мужа и сына. Мафалда – Матильда – Мать Лада. Или думаете просто так ассистентку в Министерстве Магии (рифма – мафии) в «Гарри Потере» зовут Мафальда Хопкирк?

HEIMAT [ХАЙМАТ] - РОДИНА ПО-НЕМЕЦКИ

[Хаймат]: г-к-х; Хай – Гай(а), Гея-мат(ь), Гея-Мать – Гея[2] – Земля и богиня Земли по-гречески; Земля-Мать – такова этимология Родины у немцев; Хаймат, Земля-Мать – почти наша Мать сыра Земля.

В немецой речи (Rede) Stamm – это быть родом из, это ствол, но и отпрыск, т.е. творение матери. Прочитайте это слово с конца. Там МАТрица, МАТери-ализующуюся на МАТЕРИках через МАТку. «Матка» – по-польски «мать».

В топонимике МАТЕРИков корневая основа МАТ(ь) одна из абсолютных доминант: Матехорн, ЗерМат (Швейцария), Мадрид (madre); Матароне, Матера (Ит.), Мадрона, Мадрас (Индия), АлМАТы; Мата, Матас Бланкас (Эстония), Матку, Матора, Матканива, Маткаваара (Финляндия), Матазари, Матка (Румыния), Матараrа (Греция), Матрей ин Осттирол (Австрия).....

Родной язык называют материнским или матерным:

немцы Muttersprache
англичане mother tongue,
ирландцы mhathairtheanga,
итальянцы madre lingua,
французы langue maternelle,
сербы матерни језик,
румыны limbă maternă.

(Это подсказывает нам, что Праречь была материнским языком языков и наречий).

При этом, к примеру, итальянцы в ругательствах отводят душу по богу (не ведая, что и в нём этимологически *мать* зарыта), сознательно мать не поминают. А мы, писал Н.А. Некрасов, «любим сестру, и жену и отца,/ Но в муках мы мать поминаем». Не от счастья же, радости с незапамятных времён матерятся? Это не наводит ли на размышления и в отношении мата? Только он, голубчик, нас поддержит в трудную минуту. И будьте вы распаинькой, шерочкой-машерочкой, а если терапевт вас стукнет молоточком по коленке, вы матом и ойкнете.

Материнский язык человечества – первоприродный, не изнасилованный. Даже рожали не в муках и не в маках, а в воде. О благе таких родов много говорилось. Рожали также стоя или сидя на стуле, чтобы ребенку было легче выйти на свет. Поэтому крик

[2] *Гей – вывертыш смысла.*

роженицы был криком силы, мощи, блага – благим матом. Детский сад – это один из первых институтов, куда отдают детей, детский сад по-итальянски scuola materna – матерная школа, дословно.

В защиту благости мата выступает и далее сама мать Земля – Гея другими своими названиями. Номосфера планеты не может быть пошлой, вульгарной, непристойной:

Есть завораживающее обаянье
В географических названиях планеты.
Они звучат как заклинанье
В устах шамана иль поэта.

Эфирною окутав Землю сеткой,
От духов злых и безобразных снов,
Её хранят молитвою заветной
Названья сёл, озёр и городов.

В Атласе дорог Европы указан целый столбик «матерных» названий городов и весей Австрии, Германии, Франции, Великобритании, Дании, Италии, Финляндии; примеры из диплоМАТических соображений приводим латиницей, но верь написанному и читай E/e по-русски: Ebel, Eboli, Eben, Eber, Ebach, Eburg, Eberg, Eschwang, Edorf, Ebermannsdorf, Ebnat-Kappel, Ebeleben, Ebchester – итого 39, а привяжем к ним швейцарского Ebicon'a (-я) и получим круглый сороковник. Не стали бы недостойным именем или в честь грязного дела называть города. Не всегда ж была революция. Даже улицам давали красивые имена, а уж городам.

Ну, а что мы скажем по поводу реки Мандови на Гоа или итальянской фамилии Mandara? По Европе городов с подобным названием более двух десятков: Мандурия, Манделло, Мандас (Ит.), Мандал (Норвегия), Мандайона (Эстония), Мандер (Нидерланды), Мандёр (Фр.), Мандок (Венгрия) и т.п. А что думать о модели совершенных изначальных симметрий, именуемых мандала? А мандолина, мандарин?

Мандара или Мандаранчал – гора, описываемая в Пуранах на санскрите. Также гранитный холм у деревни Баунси (не Баунти) между Думкой и Бхагалпуром в Индии. Всё это места, связанные со священными лицами и священнодействиями.

На санскрите *мандир* или *мандира* – это индуистский храм, *мандапа* (*мандапан* или *мантапа*) – внутренний купол в нём или открытый зал с плоской крышей на колоннах для священных танцев и ритуалов; *мандир* – это также фруктово-овощной базар, т.к. *манд* – это круг(лый), т.е. аналогия всеобщей основе *коло*, всегда подразумевающей наличие в объекте или понятии круглой формы: колодец, колонна, коловорот, кольцо, а *кол*, эдакая остроконечная деревянная колонна, является носителем двух (противоположностей – мужского и женского начал) в одном, инь-янь, Лада-лад.

Так что итальянская фамилия МандаРа корнями уходит во времена единства народов и означает – солнечный круг. Она уходит во тьму веков, где ярко светит Солнце.

Так что *Пусть всегда будет солнце/, Пусть всегда будет небо,/ Пусть всегда будет МАма,/ Пусть всегда буду я*. К тому же Man – по-англ. мужчина. У нас эта основа присутствует в словах обман, туман, манить, М*а*ня, шаман, мания и пр. Судьба человека, man, отражена на руке, вот она и называется на латыни mano, отсюда манускрипт, мануфактура, хиромантия – рукопись, ручное производство, гадание по руке. И не потому ли «человек» есть man, что он выходец из круглого, совершенного органа детопроизводства? *Манд* на санскрите, повторимся, *круглый*. Повторение – мать учения.

По-шведски *я работаю* – jag jobbar; и у шведов J озвучивается не ДЖ, как у англичан, job, а просто Й. Интересная у них работа, главная – ради потомства. А недавно появился ibook, чем-то созвучный *ик, икоте*.

По-итальянски *вот и хорошо* это – ebbene. А баста? Постройте это слово по схеме «глазлива-глазаста», подставляя суффиксы (подчернуты) к его корню... и станет понятно кому чего баста, кому не баста.

Бранное употребление мата – это загаживание светлых территорий эфира, психики, физики или же бытия в целом во всех его проявлениях от самого сотворения. Но сколько ни пачкай бриллиант гноем, он бриллиантом быть не перестанет. Но не мат есть гнойник, а отношение к нему. Лишь подавляющее меньшинство ясно понимает, что мат – это энергетическая формула, магическое заклинание, эдакое «Сезам, откройся», которое надо произносить, как молитву, всякий раз, когда просишь что-либо у судьбы и сил небесных.

Можно сказать, мат стал Авгиевыми конюшнями. Нужно героическое усилие, чтоб их вычистить. Такое усилие может быть только всеобщим. При всеобщем желании и понимании. Или кому-то на руку, чтобы ни желания, ни понимания не было?

Матёрая говорили о земле. «И был на острове остров /.../ С зари до зари тюкали артельщики топорами, а ночевать приплывали в деревеньку, на матёр-берег». В.А. Бахревский, «Тёмный спас», изд. «Золотая аллея», Калуга, 2007. Это сборник «чудесных рассказов» на грани легенд и преданий. Здесь «матёрый» употребляется в значении, выбывшем из употребления: материковый, мать-Земля, суша, не берег острова. И значение это не имеет отрицательного оттенка.

Матёрый – говорим о хищном волке. Но для матери своей, волчихи, он самый лучший, хороший, наиболее способный, смышлёный щенок из всего выводка. Воистину волчонок мафиозо!

«Идёт охота на волков. Идёт охота!

На серых хищников матёрых и щенков».

И именно он, матёрый, вооружённый лапами, зубами и хвостом, уходит от вооруженных огнестрельными двустволками, стоящих выше него в эволюционном развитии существ: «Я из повиновения вышел/ За флажки – жажда жизни сильней!/ Только сзади я радостно слышал удивлённые крики людей».

Путь волка, этого матёрого, затравленного зверя, на которого с улыбкой уж подняли ружьё, – может, единственный, оставшийся у человека путь, особенно в науках, где тоже понаставили красных флажков и налепили этикеток на пузырьках с ядами, мол, сироп от кашля. Кстати, в Индии охота

запрещена. 80 процентов населения – вегетарианцы.

Определение же матёрый (как и мафиозо) перенесено на преступника, но и он в своем грязном деле – виртуоз. Так, возможно, *матёрый* изначально была похвала тому, кто пошёл в мать[3], научился у нее жить, а мать плохому не научит. Она учит выживать, она учит всему необходимому человеку, будь он женщиной или мужчиной, а главное, мать передает знание. А мать сыночка не обманет никогда.

А когда говорят матёрый в других странах? (Держим в уме, что смысл слова определяют согласные). Maturo, ит., mature, англ., фр. – спелый, зрелый. Разве это не синоним *матёрого* в некоторых случаях, напр., матёрый специалист? (У румын matur – метла, но здесь другая формула).

На данном этапе выстраивается следующая

[3] *Пословица: Мальчики идут в мать, девочки в отца. В итальянском: Maschi maternizzano, femmine paternizzano.*

ЭТИКА МАТА.
ПОЧТАМАТ[4] *(послание)*

МатЪ– дело тонкое, интимное, в общественном месте недопустимое: материться, как и целоваться на людях, неудобно, некомфортно, несподручно, не пристало. Равно как и при детях. Трудность возникает для кинематографа и литературы, отображающих моменты жизни за закрытой дверью, при опущенных шторах, за жалюзи (*ревность*, с фр.; происходит от слова *жалости*). Но именно с этих массовых медийных жанров могло бы начаться перерождение отношения к мату. Для этого надо замещать его при трансляции не разящим нервы до зубной боли сигналом, а музыкальной фразой, красивой, запоминающейся; цитатой из классики, из песни (напр., *Оренбургский платок, Я так давно не видел маму* или *Mamma, son tanto felice che io ritorno da te – Мама, я счастлив безумно, что возвратился к тебе; Украдкой мама плакала от радости за нас; Mamma, amor, amor della bambina -Мама, любовь любви девочки)* или из какой- л. нового шедевра, вроде шедевра гармонии музыки и слова, песни Натальи Топчий и Елены Лещенко «Две души»в исполнении Малинина и Ваенги или даже «Io ti penso, amore». Иначе искажённое отношение к мату – к выплеску экстремальных эмоций – нас изм<u>о</u>т<u>а</u>ет и никогда не изменится. МатЪ – сам по себе нейтрален, как вода, которая может напоить, полить, помыть или залить, не только материк, но и соседей. Всё зависит, как с ней обращаться. А очищенный матъ может звучать и на площадях. Хотя он и так там звучит. Только не с теми интонациями. С площадей он никуда не девался. Всегда там, как сирота в грязных отребьях. А надо его помыть и одеть в чистое, приличное платье. Запретить, отменить, казнить матъ нельзя, только помиловать, осознавъ и приведя в достойный вид.

[4] *Postamat – название банкоматов на почтах в Европе.*

ПЕРВОМАТ

(продолжение Идиоматизма)

Материи материализовался материк
Он матери материальность

Как существует живая и мёртвая вода, так существует живое и мёртвое слово. Это слово одно; живым или мёртвым его делает обращение с ним людей, как ножом можно перерезать пуповину, а можно горло. Так вот мы с нашим благим матом – созидательным материализатором духа, ибо рождение – это есть предоставление душе материального средства передвижения, контейнера, сосуда – воплощение, мы норовим превратить самое живое из живых, наиживейшее жизнетворное Слово, безсмертную живицу мата в мёртвое. Но хоть горшком его назови, оно своей природы не изменяет. Оно остаётся живым, не мстит нам за привитое невежество, благодаря чему мы и держимся. Но держимся со страшными издержками. Мёртвое слово – это страшно. Это равно самоубийству – самому страшному из убийств, т.к. оно ненаказуемо в мире материальности (матери реальности), а последствия его настигают в мире заматериальном.

Стихотворение «К прессе» Нины Маркграф-Орловой можно адресовать благому мату:

«Рты в пене, а душа с оглядкой,
готовы в бой, готовы в плен,
и режут, режут правду-матку,
уже зарезали совсем!
Она лежит в крови, нагая,
венки и ленты до бровей,
и только дух её летает
под небом родины моей».

Правда-матка ещё одно устойчивое выражение в пользу доброкачественности благого мата. Управляет всем матка и вынашивает не только людей, но и идеи. У поляков особым почитанием пользуется Матка Боска Ченстоховска. Нина Орлова-Маркграф, как Чехов и Булгаков, начала свой жизненный путь на медицинском поприще – получила специальность акушерки. Её стихи отличаются необыкновенной добротой, теплотой, мягким светом и тонким ароматом; почувствуйте: «сосуд с янтарною живицей». И эти строки о правде-матке безусловно предрешены тем, что ей довелось довольно слышать благого мата рожениц. Уж она-то насмотрелась: не закричишь благим матом, не разродишься. Стихи эти, как, впрочем, и ряд других стихотворений Нины Маркграф-Орловой, заслуживают места в хрестоМАТии.

(Продолжение следует)

Александр СТАРЦЕВ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ БИЙСКА

(Продолжение. Начало №3, 2019)

ЗИЛЬБЕРБАРДТ

Алексей Михайлович (р. 1843) – бийский 2-й гильдии купец. В 1885 г. выбирал сословное купеческое свидетельство и 1 билет на лавку. Состав семьи: жена – Мария Дмитриевна (р. 1849); дети: Дмитрий (р. 1866). Алексей (р. 1869), Александр (р. 1873), Татьяна (р. 1875), Георгий (1887).

Дмитрий Алексеевич (1866-1893). Выбирал свидетельство купца 2 гильдии, но сведений о предпринимательской деятельности не обнаружено. В 1885 г. женился на купеческой дочери Марии Ивановне Бодуновой.

Алексей Алексеевич (1869) – бийский 2-й гильдии купец. Торговал мануфактурным, галантерейным, бакалейным, скобяным и москательным товаром, готовым платьем, чаем, сахаром. Товар закупал на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Имел в Бийске каменную лавку, а также содержал торговые заведения в селах Солонешенском, Плешковском, деревнях Петровавловское и Кажа Бийского уезда. В 1897 г. оборот его торговли в Бийске составлял 20 тыс. руб., сельских лавок – 18 тыс. руб. В начале XX в. содержал в Бийске гостиницу и заведение по изготовлению фруктовых вод.

Был женат на дочери купца Агнии Мефодьевне Гилевой. Она также занималась предпринимательской деятельностью. Ей принадлежала мануфактурная лавка в д. Кажа. В начале XX в. ей принадлежало два 2-этажных дома на Успенской улице (каменный и деревянный), деревянный 2-этажный дом на Торговой улице, а в 1902 г. она получила разрешение на строительство домов по Троицкой улице и Вознесенскому переулку.

Дети: Николай (р. 1891), Александра (1896), Дмитрий (1899), Аркадий (1900), Василий (1901), Пелагея (1903).

Александр Алексеевич (р. 1873) служил в армии и был уволен в отставку в чине унтер-офицера. В 1906 г. выбирал документы на право торговли в северо-западной Монголии.

Состав семьи: жена Елизавета Николаевна; дети: Александр (р. 1908), Мария (1909) Аркадий (1914).

Георгий Алексеевич (р. 1887). В 1907 г. женился на Вере Борисовне Ковалевой – дочери горного инженера, надворного советника. В 1908 г. у них родился сын Борис.

ИВАНОВЫ

Никифор Иванович (1794-1872) – купец 2 гильдии, торговал в Бийске в 60-х годах XIX в. Состав семьи: жена – Наталья Ивановна (р. 1800); дети – Марфа (1822-1875), Василий (р. 1823), Леонтий (р. 1841).

Леонтий Никифорович (р. 1841). Состав семьи: жена – Вера Никифоровна (р. 1845); дети – Александра (р. 1867), Иван (1872).

Василий Никифорович (р. 1823) – бийский купец 2-й гильдии. В 1877 г. выбирал 2 сословных купеческих билета и 1 торговое свидетельство на лавку, в 1885 г. – 3 купеческих билета 2-й гильдии (на сыновей) и 4 свидетельства на торговлю.

Состав семьи: жена – Пелагея Александровна (1828-1874); дети – Григорий (р. 1851), Николай (р. 1854), Марфа (р. 1854), Василий (р. 1859), Анисим (р. 1861), Татьяна (р. 1866).

Григорий Васильевич (1851-1894) – бийский 2-й гильдии купец. В 1894 г. выбирал 4 билета на торговые заведения. Торговый оборот составлял 18 тыс. руб. В 1871 г. женился на мещанской дочери Кашиной Марии Панфиловне (р. 1855). Дети – Александр (р. 1879), Павел (р. 1881), Петр (1884), Фелизата (1886), Агния (р. 1892).

Фелизата Григорьевна в 1905 г. вышла замуж за златоустовского мещанина Николая Константиновича Глухих. Н.К. Глухих занимался предпринимательской деятельностью, в 1912 г. он стал одним из учредителей товарищества на вере «Народный электротеатр», которое построило в Бийске здание кинематографа «Мир».

Николай Васильевич (1854–1916) – бийский 2-й гильдии купец. Имел 2 каменных магазина в Бийске, торговал мануфактурой, готовым платьем, обувью, галантереей, чаем, сахаром. Совместно с братом Василием торговал в северо-западной Монголии. В начале XX в. держал лавку в с. Улале, где торговал различным товаром, а также скупал мед, орехи и прочее. Общий оборот составлял 40-50 тыс. руб.

Сведений о семье не обнаружено.

Василий Васильевич (р. 1859) – бийский купец 2-й гильдии. Торговал по Чуйскому тракту с Монголией, а также имел магазин по продаже мануфактурных изделий в Бийске и лавку в с. Смоленском. Для хранения сырья, вывезенного из Монголии, имел каменное и деревянное складские помещения являлся владельцем нескольких земельных участков. В начале XX в. его торговые обороты составляли 50-60 тыс. руб.

Избирался в городскую думу, занимался благотворительностью. Являлся почетным членом Общества попечения о начальном образовании, был одним из учредителей местного Общества поощрения рысистого коннозаводства.

Был женат на дочери бийского купца 1 гильдии Я.А. Сахарова Александре Яковлевне (в первом браке – Федюшиной). Александра Яковлевна унаследовала от отца водочный завод и имела сеть питейных заведений в Бийске и Бийском уезде.

Семья: жена – Александра Яковлевна (р. 1865); дети – Александр (р. 1896), Ангелина (р. 1899), Кирилл (р. 1903).

ИГНАТЬЕВ Иона Григорьевич (1855-1911) – барнаульский, а впоследствии бийский 2-й гильдии купец; один из видных деятелей русско-монгольской торговли. Торговую карьеру в Монголии начал в 1872 г. в качестве приказчика бийского купца Г.Г. Бодунова. В 1882 г. отошел от хозяина и открыл самостоятельное дело. В 1883 г. женился на племяннице бывшего хозяина, Анисье Васильевне Бодуновой (р. 1867). Дети: Петр (р. 1887), Алексей (р. 1888), Владимир (р. 1892), Василий (р. 1895), Екатерина (р. 1897), Мария (р. 1900).

В начале XX в. И.Г. Игнатьев являлся одним из наиболее крупных предпринимателей в северо-западной Монголии, имел несколько шерстомоен и торговых факторий. Особенностью торговой деятельности И.Г. Игнатьева являлось то, что он являлся сторонником широкого экспорта русских товаров в Монголию. Он даже выступал с предложением воспретить скупку монгольского сырья на серебро и деньги и обязать русских торговцев привозить необходимые для местного населения изделия российской производства.

С 1904 г. он был старшиной русского торгового общества в Улясутае и много времени уделял общекупеческим проблемам; являлся сторонником объединения русских торговцев для борьбы с китайскими конкурентами. По представлению российского консула в Урге за свою деятельность в должности торгового старшины И.Г. Игнатьев в 1903 г. был награжден золотой медалью «За усердие» на станиславовской ленте.

После смерти И.Г. Игнатьева фирму возглавила его вдова Анисья Васильевна, а затем старший сын Петр, организовавший Т/Д «Наследники И.Г. Игнатьева». Как и отец, Петр Ионович был избран торговым старшиной русских подданных в Улясутае. Помимо торговли в Монголии, Игнатьевы торговали в Горном Алтае, имели лавки в Кош-Агаче для продажи мануфактурных, галантерейных и других изделий, а также скупали разнообразное сырье. В 1912-1914 гг. торговые обороты фирмы составляли 200-250 тыс. руб.

КОПЫЛОВЫ

Павел Андреевич (1839-1911) – бийский 2-й гильдии купец. Отставной чиновник, титулярный советник. Вышел в отставку в начале 70-х годов XIX в. и поступил на службу к купцам Гилевым, торговавшим по Чуйскому тракту с Монголией. Некоторое время возглавлял отделение фирмы в Кош-Агаче, затем открыл собственное дело в северо-западной Монголии. С 1894 г. выбирал сословное свидетельство купца 2 гильдии.

В 1904 г. совместно с купцами А.Д. Васеневым и Г.Г. Бодуновым организовали фирму «Русско-монгольское товарищество», которая просуществовала до 1907 г. Постоянно проживал в пос. Кош-Агач, но имел в Бийске несколько крупных усадеб и считался очень состоятельным человеком. Женат не был.

О его общественной и благотворительной деятельности при жизни известно немного, однако в своем завещании П.А. Копылов выделил на эти цели крупные суммы.

Антон Петрович (ум. 1926) – полковник, племянник П.А. Копылова. С 1909 г. занимал пост уездного воинского начальника, являлся единственным наследником П.А. Копылова. Все полученное наследство А.П. Копылов потратил на развитие просвещения, культуры и улучшение положения неимущих в г. Бийске. В 1911 г. обладал недвижимостью, оцениваемой в 10 тыс. руб. В одном из его домов располагалась Бийская мужская гимназия. В 1912 г. он пожертвовал городу 100 тыс. руб. на строительство Народного дома, получившего, по его желанию, имя П.А. Копылова. В 1914 г. он выделил 20 тыс. руб. на организацию городского общественного банка имени П.А. Копылова. Вся прибыль банка, за исключением сумм, отчислявшихся в запасный капитал, шла в пользу благотворительных и просветительских обществ г. Бийска. Крупные

пожертвования были сделаны А.П. Копыловым на строительство здания местного Вольно-пожарного общества, на постройку школы в с. Енисейском. В 1916 г. он выделил 5 тыс. руб. на закупку продовольствия по низким ценам для малоимущих горожан. Сам А.П. Копылов предпринимательской деятельностью не занимался, хотя некоторое время возглавлял созданный им городской общественный банк. Он являлся председателем комитета по строительству Народного дома, был председателем бийского Общества попечения о народном образовании.

КОТЕЛЬНИКОВ Иван Петрович (1834-1894) – бийский 2-й гильдии купец, один из основателей русской торговли в Северо-Западной Монголии. Происходил из мещан г. Ирбита. Постоянно проживал в с. Онгудай. Был женат на дочери бийского купца Н.П. Фирсова – Софье Николаевне (р. 1865), имел дочь Агнию (р. 1888).

В конце 50-начале 60-х годов XIX в. И.П. Котельников вел торговлю с китайскими подданными в Чуйской долине Горного Алтая, а в 1866 г. перенес свою деятельность в Кобдо. Ввозил в Монголию закупленный на Ирбитской ярмарке мануфактурный, галантерейный и мелочный товар, который обменивал на сырье, преимущественно на сурковые шкурки. В середине 80-х годов оборот его торговли составлял примерно 150 тыс. руб.

После подписания русско-китайского договора в 1881 г., разрешавшего русским подданным торговать во Внутреннем Китае, предпринял несколько попыток организовать торговлю в городах провинции Ганьсу, но особых успехов не добился. В начале 1890-х годов его торговые дела ухудшились. После смерти И.П. Котельникова стоимость его имущества составляла около 30 тыс. руб.

И.П. Котельников оказывал постоянное содействие изучению Монголии, помогал Г.Н. Потанину во время его путешествий по Монголии; являлся действительным членом Русского Географического общества. Занимался общественной и благотворительной деятельностью. С 1883 г. он входил в попечительский совет Бийской женской прогимназии, постоянно жертвовал деньги на ее содержание. За помощь и содействие делу народного просвещения был награжден серебряными медалями «За усердие» на станиславовской и анненской лентах.

Умер И.П. Котельников в мае 1894 г. в д. Шебалино в возрасте 60 лет.

КРИЧЕВЦЕВЫ

Кричевцевых в Бийске было 2 семьи. Установить степень их родства имеющиеся архивные документы пока не позволяют.

Андрей Петрович (р. 1842) – бийский 2-й гильдии купец в 1870-1880-х годах. В 1877 г. выбирал купеческое свидетельство и I билет на торговлю. В 1887 г. не возобновил сословного свидетельства и выбыл в мещане. В конце 1890-начале 1900-х гг. торговал по Чуйскому тракту с Монголией. Был женат на Татьяне Платоновне Фирсовой (р. 1846), сестре известных в Бийске предпринимателей Фирсовых. Дети: Иван (р. 1866), Василий (р. 1867), Мария (р. 1875), Степан (р. 1886);

Иван Андреевич (р. 1866) – бийский мещанин. В 1890–1900 гг. торговал в Монголии. В 1895 г. обороты его торговли составляли 2,5 тыс. руб.

Василий Андреевич (р. 1867) – бийский мещанин. В конце XIX-начале XX в. торговал по Чуйскому тракту с Монголией. В 1899 г.

выезжал в Монголию с мануфактурным, галантерейным и другим товаром и 4 рабочими. Его торговые обороты составляли 2-5 тыс. руб. в год. В 1914 г. вошел в состав «Бийского лесопромышленного товарищества» в качестве вкладчика (40 тыс. руб.). В 1911-1912 гг. стоимость его недвижимого имущества в Бийске оценивалась в 6 тыс. руб.

Состав семьи: жена – Мария Николаевна; дети: Валентина (р. 1908), Раиса (р. 1909).

Мария Андреевна (р. 1875). В 1892 г. вышла замуж за купца - «чуйца» Н.И. Ассанова.

Егор Михайлович – бийский 1-й гильдии купец. В 1863 г. основал свечной завод, который в 1869 г. имел паровой двигатель, произвел 500 пуд. свечей на 15 тыс. руб. при 1 мастере и 3 рабочих. В 1870-х годах имел маслобойный завод в с. Смоленском Бийского округа. Продукция предприятий Е.М. Кричевцева сбывалась в Бийске, Томске, Иркутске, Ирбите. В 1870 г. выбирал купеческое свидетельство 2 гильдии.

Состав семьи: жена – Агния Андреевна; дети: Софья (1856), Михаил (р. 1861).

Софья Егоровна в 1884 г. вышла замуж за ирбитского мещанина, а впоследствии бийского 2-й гильдии купца А.Д. Васенева.

Михаил Егорович в 1900 г. имел годовой доход 1,5 тыс. руб.

Состав семьи: жена – Екатерина Львовна. Дети: Владимир, Софья (р. 1883), Агния (р. 1884), Сергей, Петр (1896), Анна (1897).

Известно, что Софья в 1898 г. вышла замуж за мещанина Жданова Иосифа Ефимовича; Агния в 1902 г. – за мещанина Филатова Ивана Константиновича; Петр в январе 1915 г. женился на мещанке Москвиной Пелагее Трифоновне, и в октябре у них родился сын Валериан.

Павел Михайлович (р. 1830) – бийский 2-й гильдии купец. В 1870-х годах имел в с. Смоленском Бийского округа салотопенный завод, продукция которого сбывалась в Томске и Бийске.

Состав семьи: жена – Павлина Петровна (1843-1918); дети – Василий (р. 1867), Анна (р. 1869), Александр (р. 1873), Иван (р. 1881).

КУЗНЕЦОВЫ

Константин Иванович (умер не позднее 1902 г.) – чердынский мещанин, торговал по Чуйскому тракту с Монголией. Постоянно проживал в с. Онгудай. Торговую карьеру начинал служащим бийских купцов Гилевых в монгольском г. Кобдо. В 1882 г. отделился от хозяина и начал торговать самостоятельно. Отличался буйным характером, и в 1883 г., по просьбе русских торговцев и ургинского консула, указом МВД ему было запрещено торговать в Монголии. Некоторое время К.И. Кузнецов въезжал в страну нелегально, затем запрет был снят, и он официально продолжал торговлю в Монголии. До 1886 г. К.И. Кузнецов производил торговлю вместе с братом Разумником, но затем каждый торговал отдельно. В 1892 г. оборот его торговли составил 10 тыс. руб.

Состав семьи: жена – Мария Васильевна (ум. 1902); дети – Евгений (р. 1883).

Иван Иванович (р. 1859) Происходил из мещан г. Чердыни, впоследствии – бийский 2-й гильдии купец. Окончил Чердынское городское училище. В Бийске проживал с 1874 г. Предпринимательскую

карьеру начинал в качестве служащего, в 1877 г. выбирал свидетельство приказчика 2 разряда. Самостоятельную торговую деятельность начинает в Бийском уезде в конце 1880-х годов. В 1890 г. женился на купеческой дочери Марии Владимировне Пискаревой. В 1894 г. выбрал сословное гильдейское свидетельство 2 гильдии. В 1894-1895 гг. торговал в арендованных помещениях, с 1896 г. имел собственный галантерейный магазин на Троицкой улице. В 1897 г. обороты его торговли в Бийске составили 30 тыс. руб. В начале XX в., помимо Бийска, держал лавку в с. Верх-Шубенка Бийского уезда. Владел в Бийске недвижимой собственностью (каменный дом, магазин, кладовые и проч.), оцененной в 5 тыс. руб.

Занимался общественной деятельностью В 1895 г. был избран гласным городской думы, в 1897 г. на трехлетие избирался в состав Бийского окружного податного присутствия.

Состав семьи: жена – Мария Владимировна (1871-1917); дети – Дмитрий (р. 1890), Владислав (р. 1893), Раиса (р. 1896), Ольга (1899), Агния (р. 1902), Вера (1903), Николай (1907), Надежда (р. 1910).

Разумник Иванович (1860-1915) – бийский 2-й гильдии купец. Происходил из мещан г. Чердыни Пермской губернии. Предпринимательскую деятельность начинал торговлей в Горном Алтае. В 1889 г. имел мануфактурную лавку в д. Усть-Козлук Ануйской волости. Начиная с 1890-х гг. ведет торговлю с Монголией по Чуйскому торговому пути. Имел торговую факторию в г. Кобдо. Обороты его торговли в начале XX в. колебались в пределах 100-150 тыс. руб. С 1907 г. был пайщиком «Бийского торгово-промышленного товарищества», занимавшегося обработкой кожи, изготовлением замши и рукавиц. В 1910 г. ему принадлежал 31 % паев этого предприятия.

Принимал активное участие в общественной жизни города, особое внимание уделял вопросам просвещения. В течение ряда лет был членом попечительского совета бийской Николаевской женской гимназии, членом правления городского Общества попечения о начальном образовании. В 1907 г. стал почетным смотрителем городского четырехклассного училища. Пожертвовал крупную сумму на строительство начальной школы Общества попечения о начальном образовании и на организацию при ней библиотеки. За заслуги в области народного просвещения и 1907 г. был награжден золотой медалью на станиславовской ленте.

Избирался гласным городской думы, входил в состав учетного комитета Бийского отделения Русско-Азиатского банка, был членом правления местного отделения Российской экспортной палаты, членом Общества поощрения рысистого коннозаводства, избирался почетным мировым судьей. В 1908 г. вошел в состав учредительного комитета бийского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта.

Состав семьи: жена – Мария Алексеевна (р. 1873); дети – Николай (р. 1900), Разумник (1910-1916). После смерти брата Константина Ивановича и его супруги в 1902 г. стал опекуном своего племянника Евгения.

Р.И. Кузнецов умер в июле 1915 г. в монгольском городе Улясутае. После смерти его вдова пожертвовала Бийскому благотворительному обществу 10 тыс. руб. для строительства приюта. По завещанию общая стоимость его имущества составила 120 тыс. руб. (участок земли, 2 дома с надворными постройками, вклады в Русско-Азиатском банке и пр.)

КУЗЬМИНЫ

Тимофей Иванович (р. 1856) – бийский 2-й гильдии купец. Происходил из бийских мещан. Был женат на дочери бийского купца М.А. Гилева – Анне Мефодьевне (р. 1872-ум. до 1914), имел дочь Веру (р. 1903). Жена 2 брака - Александра Семеновна. Дети от 2 брака – Леонид (р. 1915), Николай (1916).

Первые сведения о его предпринимательской деятельности относятся к 1889 г. В это время он вел торговлю бакалейным, галантерейным, мелочным товаром, чаем и сахаром в лавке на Базарной площади. В 1897 г. оборот его торговли составлял 11 тыс. руб. Имел лавку в д. Марушка Енисейской волости, маслодельные заводы в с. Кажинское и д. Малиновка. Вкладывал деньги в предприятие своих братьев, торговавших в северо-западной Монголии. В начале XX в. имел лавку в пос. Кош-Агач с оборотом 7-10 тыс. руб. В 1912 г. являлся членом товарищества «Пила», владевшего лесопилкой в д. Сошниковой, а с 1 января 1913 г. становится его хозяином.

Являлся крупным владельцем недвижимости в Бийске. Имел трехэтажный каменный дом, кладовые и проч. Его жена Анна Мефодьевна владела 2-этажным каменным домом с надворными постройками на Успенской улице стоимостью 4 тыс. руб.

С 1895 г. был членом городской управы, исполнял обязанности казначея. На 3-летие 1897-1899 г. избирался членом окружного податного присутствия. В 1908 г. был избран городским головой Бийска. Занимал ряд должностей в общественных организациях города. Был председателем Вольно-пожарного общества, членом комитета местного благотворительного общества, старшиной городского общественного собрания. В январе 1909 г. был избран членом попечительского совета Пушкинского 4-классного городского училища, в 1911-1912 гг. занимал пост председателя правления Бийского общества взаимного кредитования.

Григорий Иванович (р. 1862) – бийский 2-й гильдии купец. Начинал торговую карьеру в качестве приказчика у купцов Гилевых. С 1885 г. торговал в Монголии самостоятельно, имел факторию в г. Кобдо. В 1905 г. оборот торговли Г.И. Кузьмина составлял около 70 тыс. руб. Владел в Бийске недвижимостью (двухэтажный каменный дом, амбар, надворные постройки), которая в 1898 г. оценивалась в 2,5 тыс. руб.

Состав семьи: жена – Екатерина Александровна (урожденная Козловская); дети: Николай (1903), Варвара (1907).

ОСИПОВЫ

Василий Николаевич (1851-1904) происходил из крестьян деревни Голышевой Ковровского уезда Владимирской губернии. В 1862 г. он переселился в Бийск. В 1874 г. женился на купчихе 2 гильдии Фадеевой Агафье Мануиловне (р. 1848).

В 1877 г. В.Н. Осипов выбирал сословное свидетельство купца 2-й гильдии и 1 билет на торговлю. В дальнейшем его дело значительно расширилось: в 1882 г. он имел лавки в с. Солоновка Сычевской волости, с. Быстрый Исток Нижнее - Чарышской волости, с. Буланинском Бийской волости. Кроме торговли в уезде, В.Н. Осипов вел крупные дела в Бийске. В 1890-х гг. имел здесь 3 каменных магазина по продаже мануфактурного, галантерейного, скобяного товара, также торговал крупчаткой,

обувью, посудой. По неполным данным, в 1897 г. оборот его торговли в городе составлял 65 тыс. руб. Кроме розничной торговли, он вел и оптовую, предоставляя товарные кредиты предпринимателям, торговавшим в Монголии. Являлся крупным владельцем недвижимости, стоимость которой в начале XX в. составляла свыше 50 тыс. руб. Ему принадлежало 2 каменных двухэтажных дома, 2 деревянных дома, несколько участков земли. В 1904 г. выбирал 7 свидетельств 2-го разряда на торговые заведения в Бийске, с. Буланиха, Быстрый Исток, Солоновка, обороты которых составили 332 тыс.р., прибыль - 28,8 тыс.р. После смерти В.Н. Осипова стоимость его имущества составила 662 тыс.р. (недвижимое - 62,1 тыс.р., движимое - 248,1 тыс.р., банковские вклады - 229,1 тыс.р., долговое - 122,5 тыс.р.).

В.Н. Осипов неоднократно избирался гласным городской думы, активно занимался благотворительностью. Был церковным старостой Вознесенской кладбищенской церкви, с 1889 г. являлся членом попечительского совета Бийской прогимназии (позже гимназии). За благотворительную деятельность был награжден серебряной и золотой медалями «За усердие» на станиславовской ленте.

Состав семьи: жена - Агафья Михайловна (1848-1903); дети - Александр (р. 1875), Ольга (р. 1878), Елена (р. 1882), Анна (р. 1883). В 1898 г. Ольга вышла замуж за Флегонта Андреевича Явловского; Анна в 1902 г. стала женой потомственного дворянина Федора Ивановича Жулябина; Елена в 1908 вышла замуж за коллежского регистратора Григория Григорьевича Потапова.

Александр Васильевич (р. 1875 г.) продолжил семейное дело, выбирал сословное свидетельство купца 1-й гильдии. В начале XX в. наряду с купцами-миллионерами Морозовыми, Сычевыми и др. являлся одним из крупнейших предпринимателей Бийска. В 1912 г. его мануфактурно - галантерейный магазин в Бийске имел годовой оборот 1 млн. руб. Кроме этого, А.В. Осипов скупал хлеб в Бийском уезде и имел лавки по продаже мануфактуры в с. Быстрый Исток, Кокши, Буланихинском. С 1907 г. он входил в состав правления товарищества «Электросвет», где ему принадлежало 17,2% паев. В 1912 г. общий оборот его торговли составлял 1 млн. 130 тыс. руб.

А.В. Осипов принимал активное участие в общественной и культурной жизни города, занимался благотворительностью. Избирался гласным городской думы. В 1905-1907 гг. он являлся председателем Общества поощрения рысистого коннозаводства, членом правлений благотворительного общества и Общества попечения о начальном образовании, с 1905 г. входил в состав попечительского совета женской гимназии. В августе 1909 г. он был утвержден почетным блюстителем Николаевского женского приходского училища. В 1916 г. пожертвовал 25 тыс. руб. на покупку предметов первой необходимости для малоимущих жителей города, а в 1917 г. отправил разных товаров на 1,2 тыс. руб. для раздачи пострадавшим от пожара в Барнауле. За благотворительную деятельность был награжден золотой медалью «За усердие» на анненской ленте. Женат не был.

(продолжение в следующем номере)

ПИСЬМО ИЗ ВЕНЫ

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Мой прадед, Борис Всеволодович Соколов, родился в Киеве в 1901 году в семье местной интеллигенции. В 1916 году его семья была вынуждена покинуть Россию. В Белграде он окончил факультет Литературы и истории. В Мариборе (Словения) был председателем «Русской матицы», где организовывались литературные вечера и встречи по славянской культуре, сам увлекался литературой и писал стихи. Во время войны вносил свой вклад в Великую Победу.

Его дочь, Ксения Ричардсон, последние годы постоянно проживает в Вене (Австрия). Побывала во многих странах мира с мужем-дипломатом, но всегда помнила, как отец прививал любовь к славянской культуре, до конца своей жизни любил и почитал Россию, тосковал по родине, но так и не дождался возвращения, так как в 1959 году скоропостижно ушел из жизни.

Дочь многие годы хранила его рукописи, изучала и восстанавливала их, занималась переводом и хотела бы опубликовать два его стихотворения и познакомить людей с его стихами, в которых он отражал любовь к Отчизне и пронесенную боль за ее историю.

Возможно ли это сделать через Ваше издание? Прошу сообщить Вас о принятом решении. Благодарю за понимание и поддержку.

Сергей Вязигин

Борис Всеволодович Соколов родился в 1901 году. Его отец был инспектором школ, а мать, Елена Васильевна, по образованию была преподавательницей французского языка.

Семья проживала в Киеве. В семье было три сына и одна дочь. После смерти отца, в 1912 году, старшие два брата учились в коллегии Павла Галагана. Во время революции погиб старший брат Владимир, в девятнадцать лет. Елена Васильевна была любителем литературы – первые стихи, напечатанные в 1916 году, посвящены матери.

Через Одессу семья под обстрелом покинула Россию. Всю жизнь Борис Соколов думал и грустил о родине, не дождался возвращения.

В Белграде он окончил факультет Литературы и истории. Стал преподавателем в гимназии, после очень тяжелого заболевания туберкулезом был переведен в Словению. В Мариборе жили русские, он стал председателем русской матицы, у них была библиотека, русские балы и ёлки.

Ранней весной 1941 года была мобилизация. Когда в июне появились в горах партизаны, он работал на связи. В 1945 году он вернулся преподавателем в свою гимназию. Много работая после войны, он подорвал свое здоровье и в 1953 году должен был уйти в отставку. В 1959 году он умер.

Письма его учеников приходили еще долго после его смерти.

ТРЕТИЙ РИМ

История вопрос вторично разрешила:
Незыблем третий Рим – и этот Рим – Москва.
Четвертому не быть. Повергнут в прах Атилла.
А там, где был Берлин, растет теперь трава.
Напрасно мнили в сталь закованные Гунны
В безмерной жадности народ наш покорить.
Напрасно древние читать пытались руны.
Судьбы истории не им дано вершить.
Опять, как в первый раз, когда судьбы Европы
Надменно разрешал без нас Наполеон,
И изливая на мир кровавых войн потоки,
Свой роковой предел нашел в России он.
И мы пришли в Париж как вестники свободы,
Не требуя наград, не требуя похвал.
Освобожденные воспряли вновь народы
И третий Рим ярмо тогда не налагал.
Десятки лет прошли. Москва опять горела,
И град Петров горел над царственной Невой.
И революций бред сменило снова дело,
На корабле стоит лишь новый рулевой.
Империя ушла. Эс Эс Эс Эр настала.
Кроваво-красная горит над ней звезда.
Она зовет весь мир к попытке небывалой:
Она затмила свет померкшего креста.
Но древний Кремль стоит, и воздух чист морозный.
И строит новый мир великая страна.
И средь палат Кремля, где надрывался Грозный,
Фигура Сталина спокойная видна.
Судьбы истории так странно совершились.
Москва меняет лик, но все же она одна.
Ивана и Петра мечтанья воплотились.
Ты с каждым днем сильней, великая страна.
Во всех явлениях есть нечто неизменно.
Средь всех твоих личин есть постоянный лик:
Народ Эс Эс Эс Эр или Руси смиренной
В искании добра и в подвиге велик.

РАСПЛАТА

О Запад старческий, безумный и слепой,
Веками презирал ты наш народ великий:
Царей, и мужика, и веру, и покой
Державы царственной – России многоликой.

Ты, Запад, сделал все, чтоб мир наш возмутить.
Себялюбиво, зло, и жадно, и упорно
Стремился вечно ты нам душу отравить
И предал нашу кровь преступно и позорно.

Христолюбивая Русь в муках умерла.
И поклонился наш народ тогда Ваалу.
И мир тогда решил: пора теперь пришла,
Чтоб овладеть навек добычей небывалой.

Кто посмелее был, те ринулись на нас
В безмерной жадности и дерзком обольщении,
Забыв людской закон и презрев Божий глас,
Вы сеяли лишь смерть, несли порабощенье.

Свершилось! Он восстал, великий наш народ!
На Запад движутся стальные легионы,
И вам не задержать его победный ход,
Как силу грозную стихии непреклонной.

Молитесь же о том, чтоб в этот грозный час
Вернулся Божий дух к великому народу,
Чтобы услышал вновь он Божей правды глас,
Чтоб миру дал Любовь, Прощенье и Свободу.

Яков ШАФРАН

Обзор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» - Тула, 2019 – №1 http://www.pz.tula.ru

«Колонка главного редактора» этого номера – работа Алексея Яшина «Свобода человека: несотворенность или осознанность?» – посвящена 145-летию со дня рождения выдающегося русского философского писателя Николая Александровича Бердяева (1874-1948).

В рубрике «Крупный литературный жанр» опубликовано продолжение лиричной повести Виталия Ковалева и Олеси Янгол «Ночи Дианы». *«Может, мы и вправду нужны для чего-то в этом мире, раз какие-то силы нам помогают...»* – говорит героиня. О тяжкой работе и риске за малую зарплату, о тяжком быте *(«Уголек-то он нынче на вес золота будет, не накупишься его»)*, о семье и воспитании детей глава из повести «Звезда над копром» основательного прозаика Геннадия Маркина. Николай Тютюнник вроде бы рассказывает о приключениях в шахте котенка и о подземных мышах и крысах, а за этими незатейливыми сюжетами высокохудожественно рисует жизнь тружеников-шахтеров во всех ее перипетиях и под землей и на земле.

«Современный русский рассказ» порадовал нас произведением Михаила Смирнова «Дачный сезон», в котором автор талантливо описывает современное положение с дачными участками, где люди занимаются фактически сизифовым трудом, сажая, ухаживая и... ничего не получая с разоренных соток... (А теперь еще и налог – добавим мы). Как всегда, литературно хорош и энциклопедически насыщен рассказ Алексея Яшина «Отголоски ленд-лиза», посвященный 120-летию Города воинской славы Полярного. Гимном хлебу и осуждением тем, кто его выбрасывает вместе с мусором, звучит рассказ Владимира Десятникова. Поражает глубиной своей родовой памяти и верной приобщенностью к истории своей Родины – СССР эссе израильского писателя Ефима Гаммера. Читатель, безусловно, не оставит без внимания с юмором написанные «Сказы-коротышки» Александра Шерстюка и, надеемся, «Живите с драйвом!» Якова Шафрана. Верен своей тематике в «Краснознаменных афганцах» писатель Николай Макаров. В этом же разделе читаем очень сильный по поднимаемым в нем нравственным, философским и психологическим вопросам рассказ Федора Ошевнева «Штопор». О силе жизни, о преемственности поколений, о нашей ответственности перед землей-кормилицей и о непреходящем значении хлеба замечательный рассказ Анатолия Коновалова.

Рубрику «Образы и тропы поэзии» открывают новые стихи Анатолия Аврутина. *«Маме»: «... Мы оба сегодня – дети. / Пусть метели ревут, слепя. / Пусть кончается все на свете, / Кроме истины и тебя».* А сколько любви к Руси в стихах Владимира Корнилова: *«... Праздник твой в родном кругу, / Невзирая на пургу, – / Хлебосолен... /...Слышишь, Русь в церквах звонит? – / Души тянутся в зенит / С колоколен...»* Замечательна Personalia Валерия Демидова: стихи «Наш Пушкин», «Начало весны», «Охотники» и другие. *«... Здесь родина, ратная слава и сила.*

/ Здесь стержень и соль необъятной России. / «Откуда вы?» – спросят. Не будет дилеммы, – / Мы из деревни...» Как всегда по-есенински лиричны стихи Сергея Никулова, есть и строки не в бровь, а в глаз: *«... Открыто молвить слово не боюсь. / Каких-то тайн, быть может, я не ведаю, / Досадно мне, – в Писательский Союз / Не приняли б сегодня Грибоедова...»* Впечатляют стихи Владимира Шугли, Елизаветы Барановой, Александра Конопли, Ирины Васильевой, Сергея Филиппова, Елены Гусевой, Кристины Ашурко́вой, Александра Дивеева, Виталия Кузнецова, Олега Лузанова, Элины Ульяновой и Виктора Мызникова.

«Публицистику, литературоведение, литературную критику» открывает материал Игоря Карлова о встрече писателя Ю. М. Полякова с представителями нашей и зарубежной общественности весной 2017 года в Посольстве РФ в Государстве Кувейт. Писателем был затронут широкий ряд вопросов: от работы в «Литературной газете» и творчества до актуальных взглядов и пр. В своей очередной работе «Дождемся ли мы нового Достоевского?» Валерий Румянцев, в частности, пишет: *«Есть сегодня у нас писатель Федор Михайлович Ошевнев, малая проза которого «обжигает» души читателей своей беспощадной правдой, помогает открыть глаза и лучше понять происходящее в стране. Десятки рассказов этого автора опубликованы в бумажных и электронных литературных журналах, но, как ни странно, литературные критики не сказали о нем пока ни слова. Не жалуют его и «ведущие» литературные журналы. Впрочем, это не удивительно <...> художественные вкусы основной части населения деформировались до «неузнаваемости»».* Замечательный литературный публицист и литературовед Евгений Трещев очередную работу посвятил поэтической книге Валерия Кулешова «Память чувств. Избранное». Автор пишет: *«Жизнь – предмет его постоянного изучения. Поэзию он определяет через пронзительные проявления жизни во всей ее простоте и величии. Для него творчество и есть жизнь: «И нам не уйти от судьбы. / Даются шаги все больнее. / И ясно, что жизнь – исполненье / объемлющей землю любви»* (стихотворение «Какое широкое поле...»). Обращает на себя внимание материал Олега Сешко «Витебский листопад – 2018» о XXXII Открытом фестивале авторской песни, поэзии и визуальных искусств.

В «Хронике литературной жизни» интересны материалы авторов и об авторах: Евгений Скоблов, Ольга Карагодина, Борис Рябухин, Федор Ошевнев, Владимир Корнилов, Валерий Румянцев, Сергей Сенин, Николай Иванов, Алексей Яшин, Леонид Иванов, Л. Н. Лапина, Людмила Авдеева, Анна Барсова, Валерий Акимов, Николай Макаров, Игорь Карлов, Евгений Асташкин, Анатолий Коновалов.

Яков Шафран, зам. глав. редактора

12+

На первой странице обложки:
«Шукшинские дни на Алтае. На Пикете». *Фото из архива редакции*

Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал издаётся с 2003 года на средства учредителей, издателя и попечением Сергея Козубенко. Выходит 4 раза в год.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, точность приведённых цитат, цифр и другой информации ответственность несут авторы. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за информационные обзоры несут авторы-составители. Редакция допускает авторскую орфографию и пунктуацию материалов. Журнал безгонорарный, издаётся на основе безвозмездных отношений.

«Бийский Вестник» в Интернете: **biyavestnik.biysk22.ru,**
biyavestnik22.com и на сайте: **журнальныймир.рф**
Электронный адрес: **biyavestnik@mail.ru**

Журнал «Бийский Вестник»
Главный редактор ***В.В. Буланичев***
№4 (64) 2019. Дата выхода в свет: 25.09.2019
Тираж 1200 экз.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Цена договорная.

Адрес редакции: 659300, Россия, Алтайский край, г. Бийск, ул. Ленина, 246-71 (а/я 72). тел. 8 (913) 231-19-89
Издатель: Издательский Дом «Бия», 659305, Россия. Алтайский край. г. Бийск, пер. Муромцевский, 2, тел/факс (3854) 33-25-50.

Журнал «Бийский Вестник» зарегистрирован управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай, ПИ № ТУ22-00427 от 27 июня 2013 г.
Учредители: Администрация г. Бийска Алтайского края, Алтайская краевая научная и историческая общественная организация«Демидовский фонд», Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Бия»»
Корректура: ***Любовь Дорошенко***
Вёрстка: ***Павел Молчанов***
Художник: ***Анастасия Матюшонок***